ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 49-й

№ 19 (4617)

11 мая 1977 г. СРЕДА

Мирза ИБРАГИМОВ,
народный писатель Азербайджана

ВОЗВЫСИМ НАШ ГОЛОС!

...Май. Это свежая зелень весны. Это яркий кумачовый наряд, в который одеваются улицы и площади. И это радостное, приподнятое настроение.

Да, сейчас в нашей стране, во всех ее республиках царит атмосфера всенародного подъема. Мы все вместе, едиными сплоченными рядами встретили Первое мая, международный праздник труда и мира. Встретили, готовясь к знаменательному и очень радостному событию — 60-летию Великого Октября. Мой народ, моя республика испытывают особую радость еще и потому, что за успехи в развитии народного хозяйства нам снова, как и в предыдущие годы, вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Только что мы отметили и еще один наш великий праздник — 32-ю годовщину победы над фашизмом. И в эти же дни годовщину освобождения от гитлеровских захватчиков праздновали наши друзья из ГДР и ЧССР. От души поздравляя их, мы искренне радуемся огромным успехам, достигнутым трудящимися братских стран в строительстве новой жизни. Народы социалистических государств идут рука об руку по пути прогресса, борьбы за всеобщий мир.

Забота об упрочении мира на Земле — в сердце каждого, кто строит, сеет, созидает; кто видит смысл жизни в творчестве, в приумножении богатств нашей планеты.

Испокон веков после войны гибель всему живому. В наш век, в век научно-технической революции, силы войны достигли фантастических масштабов. Наша чудесная, красивая земля, созданная для жизни и счастья человека, для выращивания хлеба и цветов, для строительства красивых жилищ, дворцов культуры, превращена, к сожалению, в арсенал атомных бомб, танков, ракет, бомбардировщиков, миноносцев. Еле-еле выдерживает она эту страшную тяжесть. Все более равными становится соперничество государств в области вооружения. Гонка вооружений угрожает миру, угрожает нашему большому дому невиданными разрушениями. Современная военная машина — воплощение всех ужасов и уродств Горгоны — работает на Западе беспрерывно, днем и ночью. Сколько сил, энергии, материальных и моральных ценностей пожирает она! На обучение ребенка в современном мире тратится в среднем в 60 раз меньше средств, чем на обучение солдата.

Решительное «Нет войне!» прозвучало в эти дни в столице Польши, где проходила Всемирная ассамблея строителей прочного мира. Многомыслящие представители различных политических партий и массовых движений встретились на берегах Вислы, чтобы обсудить важнейший вопрос современности: как строить прочный и надежный мир.

В послании Л. И. Брежнева участникам ассамблеи говорится, что в борьбе за мир и международную безопасность достигнуты значительные успехи. «Главное состоит в том, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС, — что удалось одвинуть угрозу мировой войны, ослабить конфронтацию и укрепить политику мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам».

Борьба за мир — благородная тема для литератора. Прогрессивная гуманистическая литература и фольклор всех народов воспевали идеи мира, мирного созидательного труда. Воспитывали людей в духе уважения, взаимопонимания и любви к другим странам. Мы, советские писатели, верны бессмертным гуманистическим традициям национальной и мировой художественной мысли и считаем своим долгом развивать и умножать их. Великий Ленин, наша славная Коммунистическая партия вдохновляют нас на создание произведений, воспевающих свободу, человечность, дружбу, братство.

Пропаганда войны, презрение и ненависть к человеку чужды природе социализма и социалистической литературе, несовместимы с нашими философскими и нравственными убеждениями. Мы призваны воспевать и умножать все лучшее, красивое в жизни человека. Только с этих позиций мы говорим о еще существующих у нас недостатках. В нашей стране не возбраняется мыслить критически. Но другое дело, когда оторвавшиеся от нашего общества личности начинают кричать о том, что их не устраивает социалистический строй. И даже обращаются за помощью к подрывным западным центрам. Мы считаем их предателями нашей социалистической Родины. Они — против мира, против разрядки, против международного сотрудничества.

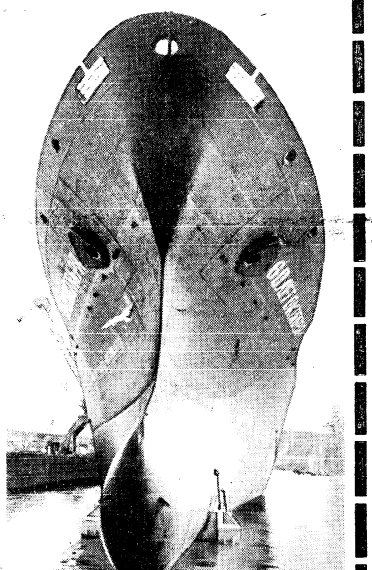
Международный писательский форум, который будет проходить в июне в Софии, чрезвычайно своевременен. Так же, как собираются крестьяне, обсуждая свои общие дела по весне или осени, мы, писатели из разных стран, сядем за «круглый стол» нашей планеты и возвысим голос во имя победы мира, добра, счастья!

БАКУ

Корабелы Николаева несут юбилейную вахту в честь 60-летия Великого Октября. Они прилагают все силы, чтобы к ноябрю спустить на воду рефрижераторное судно, названное в честь юбилея «60 лет Октября».

Фото В. БОГДАНОВА

На снимке: сварщица комсомолка Валентина Петьё.



НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ

«Выступая как влиятельная общественная сила, профсоюзы играют большую роль во всей нашей политической системе, в развитии социалистической демократии. Стержневым вопросом здесь для нас было и будет как раз то, что в буквальном смысле означает слово демократия, а именно — народовластие, то есть участие масс в решении государственных и общественных дел...» — говорил в речи на XVI съезде профсоюзов Л. И. Брежнев.

О делах профсоюзных активистов Ленинградского завода подъемно-транспортного оборудования рассказывает наш корреспондент Я. Ленинград.

стр. 10

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

В истории каждого народа есть переломные моменты, знаменующие новый этап развития. Такой вехой для Румынии явилось событие, свершившееся сто лет назад — 9 мая 1877 года, когда была провозглашена ее государственная независимость.

Мы предоставляем слово известным писателям, поэтам, критикам СРР, которые делятся мыслями о сегодняшнем дне своей литературы, о ее связях с традициями и современностью.

Присуждение медалей имени А. А. Фадеева

Союз писателей СССР и Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота присудили медали имени А. А. Фадеева:

Золотую медаль В. Озерову — за монографию «Александр Фадеев», выпущенную «Советским писателем» в 1976 г. четвертым изданием.

Серебряные медали Н. Горбачеву — за трилогию «Дайте точку опоры», «Ударная сила», «Битва», опубликованную Военным издательством МО СССР в 1970—1977 гг.; Ф. Нивзи — за роман «Верность», опубликованный в Душанбе в 1976 г.; А. Хорунжему — за активную разработку темы боевого подвига советских авиаторов.

Навстречу международному форуму писателей в Софии

Меньше месяца остается до открытия международной встречи литераторов на тему «Писатель и мир: дух Хельсинки и долг мастеров культуры».

«Литературная газета» продолжает публикацию материалов, посвященных предстоящей встрече. Своими мыслями о ее значении, о роли художника в борьбе за мир, разрядку и взаимопонимание сегодня делятся О. Шестинский (СССР), Д. Родари (Италия) и П. Ринтала (Финляндия).

стр. 2

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ — МИР!

В столице Польской Народной Республики Варшаве с 6 по 11 мая проходила Всемирная ассамблея строителей прочного мира

Около 1500 делегатов, представлявших свыше 100 стран мира, собрались в столице народной Польши. И то, что местом работы ассамблеи выбран город мира, как часто называют Варшаву, город, противопоставивший варварству и злобе любовь и созидание, наложило отпечаток на характер и ход форума строителей прочного мира.

«Само название этой ассамблеи, как мне думается, — отметил в своем послании Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — хорошо выражает созидательную направленность и творческую роль массового движения сторонников мира. В наше время никто не может оставаться оборонным наблюдателем противоборства между силами мира и прогресса и силами реакции».

Послание выдающегося борца за мир Л. И. Брежнева стало важным событием в работе ассамблеи. В нем, как отмечали многие делегаты, намечены реальные задачи миролюбивых сил, дан глубокий анализ современного международного положения.

Вот строки из интервью, взятых мною у участников форума.

Бхарат ПАРКАШ (Индия). Это послание очень конкретно и искренне. Программа мира, принятая на XXIV съезде и развитая на XXV съезде КПСС, является документом огромного значения. И мы уверены, что прогрессивные силы всего мира будут и впредь поддерживать содержащиеся в этой программе идеи и цели.

Анастасия КОКИНОС (Австралия). Послание Генерального секретаря ЦК КПСС участникам ассамблеи является проявлением великой заботы Советского Союза о движении миролюбивых сил нашей планеты. Оно вселяет в нас оптимизм, веру в успех борьбы за прочный мир, за счастье человечества.

Мечислав РАКОВСКИЙ (Польша). Этот документ оказал значительное воздействие на ход ассамблеи, на решения, которые мы здесь приняли.

...Работа ассамблеи была сложной и многообразной. Заседали комиссии, рассматривавшие самые животрепещущие проблемы разрядки напряженности, безопасности, мирного сосуществования и сотрудничества, прав человека. Под лозунгом «Диалог, взаимопонимание, сотрудничество, единство действий» обсуждали за «круглым столом» свои проблемы представители парламентских групп, профсоюзные деятели, активисты женского, молодежного движения...

Делегаты ассамблеи заявили решительное «нет» попыткам агрессивных кругов навязать миру новую гонку вооружений, разоблачили попытки империализма обмануть народы фальшивыми пропагандистскими кампаниями, несущими угрозу разрядке напряженности.

Итак, делегаты, съехавшиеся в Варшаву и представлявшие различные политические и общественные движения, были едины и тверды в своем стремлении активно бороться за мир для всего человечества.

Валерий ПАРХОМЕНКО,
соб. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

ВАРШАВА

МЫ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ...

На граните надпись: «В. Маяковский, А. Фадеев, Н. Островский, А. Гайдар, Б. Горбатов, М. Светлов, Н. Бирюков, Я. Смеляков, Ю. Гагарин. Вам, авторам издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», посвятившим свои пламенные произведения советской молодежи, в благодарную память о верном плодотворном сотрудничестве. Молодогвардейцы».

Эта мемориальная доска (скульптор Ю. Дишев, архитектор М. Волков) была торжественно открыта в День печати в издательстве «Молодая гвардия». Выступившие на открытии директор издательства В. Ганичев, секретарь правления СП РСФСР А. Алексин, секретарь правления СП СССР О. Шестинский и другие говорили о тех, кто стоял у колыбели советской печати, о давних традициях, связывающих писателей с молодежным издательством.

Мемориальная доска в издательстве «Молодая гвардия»

На московской выставке «Румынская скульптура XX века». «Лев Толстой». Работа Пачуря Димитрие.

стр. 15

Молдавский критик Николае Билецки продолжает разговор, начатый А. Дуборвиным и В. Липатовым («ЛГ», №№ 2 и 5, 1977)

СЕМИДЕСЯТЫЕ: НОВОЕ В ЖИЗНИ — НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

стр. 4

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ МЕРА ТОЧНОСТИ

Публикацией статьи академика Д. С. Лихачева «История — мать истины» мы завершаем дискуссию о методологических проблемах литературоведческого анализа.

стр. 6

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОМИТЕТ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ, ПРАГА, ЧССР

Дорогие товарищи!

Советские писатели сердечно поздравляют писателей социалистической Чехословакии с 32-й годовщиной освобождения страны от фашистских захватчиков.

Мы высоко ценим тот вклад, который чешские и словацкие писатели внесли в совместную борьбу против общего врага.

Книги чехословацких писателей, отражающие успехи социалистического созидания, активно помогают Коммунистической партии Чехословакии в ее деятельности по воспитанию трудящихся в духе коммунизма.

Мы рады, что с каждым годом расширяются и крепнут творческие контакты между писателями СССР и ЧССР.

Произведения писателей братской Чехословакии, опубликованные на разных языках народов нашей страны, пользуются неизменной любовью советских читателей.

Желаем вам, дорогие друзья, новых успехов в вашей творческой деятельности, новых книг, воспевающих социалистическое созидание, нерушимую дружбу советского и чехословацкого народов, мир во всем мире.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ГДР, БЕРЛИН, ГДР

Дорогие друзья!

Примите дружеские поздравления по случаю 32-й годовщины освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма. За послевоенные годы писатели ГДР создали произведения, ярко, правдиво отображающие жизнь Германской Демократической Республики и внесшие достойный вклад в формирование сознания человека социалистического общества. Горячо желаем вам, дорогие друзья, новых творческих успехов в вашей благородной деятельности по укреплению дружбы и сотрудничества между народами и литературами СССР и ГДР.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПИСЬМА ПИСЬМА ПИСЬМА

Примечательная цифра: 6500 писем получила редакция для рубрики «Если бы директором был я...».

Многообразны формы проявления социалистической демократии; письма трудящихся, поступающие в наши газеты,—одна из таких форм.

Мы рады сообщить нашим читателям, что почта «Литературной газеты» возросла. За четыре месяца мы получили 39 200 писем (за эти же месяцы прошлого года — 24 300). Все больше читателей принимают участие в наших дискуссиях, в обсуждении материалов «Литературной газеты». В текущем году в редакцию поступило 11 708 откликов (за этот же период прошлого года — 4647).

Заметно увеличилась публикация писем на страницах газеты. С начала года напечатано 465 читательских корреспонденций, статей, заметок (за эти же месяцы прошлого года — 285).

Заботу о действенности писем, как опубликованных, так и не опубликованных, редакция рассматривает как одну из своих важнейших задач. За четыре месяца в редакцию поступило 1500 официальных ответов министерств, ведомств, организаций о мерах, принятых по неопубликованным письмам (в прошлом году за это же время — 1219).

***

...Каждый день редакция получает ответы на такие письма. Вот одни из примеров:

Наша читательница А. И. Ковалева из Чаты писала в газету о недостатках в обслуживании населения некоторыми медицинскими учреждениями города. Тов. Ковалевой отвечает министр здравоохранения РСФСР В. Трофимов:

По поручению министерства квалифицированная комиссия проверила факты, изложенные в письме. Сигналы подтвердились. Приняты экстренные меры для устранения недостатков... дополнительно выделены средства. Виновные наказаны...

Дни советской литературы в Донецкой области

Завтра в Донецкой области открываются Дни советской литературы, посвященные 60-летию Великого Октября, а также успехам трудящихся Донецкой области в борьбе за выполнение решений XXV съезда КПСС во втором году десятой пятилетки.

В Донецк выехала большая группа писателей — представителей многонациональной советской литературы. В ее составе: первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, секретарь правления СП СССР Ю. Верченко, В. Боков, К. Ваншенкин, И. Волобуева, А. Жаров, В. Карпов, М. Матусовский, Б. Ласкин, В. Полторацкий, П. Проскурин, А. Филатов, Ф. Чуев, М. Аврамчик, В. Бязнов, А. Бурунок, А. Ельянов, О. Сулейменов, Р. Фархади и другие.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Воскресенской (Воскресенской-Рыбкиной) З. И. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писательницу **Воскресенскую (Воскресенскую-Рыбкину)** Зою Ивановну орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 6 мая 1977 г.

МИР — НАДЕЖДА ПЛАНЕТЫ

НАВСТРЕЧУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ФОРУМУ ПИСАТЕЛЕЙ В СОФИИ

Пааво Ринтала известен у себя на родине не только как писатель, но и как видный общественный деятель. Он — председатель организации «Сторонники мира в Финляндии», участник многих международных форумов миролюбивых сил. В составе делегации финских литераторов П. Ринтала принял участие в международной встрече писателей в Софии. По просьбе «Литературной газеты» корреспондент АПН в Финляндии Пауль Куйвала взял это интервью у Пааво Ринталы.

— Как вы оцениваете задачи писателей в борьбе за мир, разрядку, разоружение, за укрепление в жизни хельсинкских договоренностей? Что вы можете сказать о предстоящей встрече литераторов в Болгарии? Чего вы ждете от нее?

— Вот уже в течение двадцати лет я как писатель и гражданин принимаю активное участие в движении сторонников мира, в борьбе за разрядку международной напряженности и разоружение. По своему собственному опыту я знаю: дело это исключительно важное, сложное, требующее времени и терпения. Деятельность, направленная на расширение и углубление процесса разрядки, стоит же трудоемка, как, например, посадка нового леса. Деревья ведь вырастают не сразу. Все мы знаем, что в области разоружения достигнуть прогресса еще труднее.

Мир, разрядку, разоружение необходимо рассматривать как единый динамичный процесс, в котором по собственной воле участвуют все государства, подписавшие в Хельсинки Заключительный акт общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству.

Желая идти вперед по пути разрядки, стремясь создать благоприятную атмосферу для решения проблем разоружения, нельзя выделять один или несколько пунктов Заключительного акта и пренебрегать другими. Необходимо, чтобы к документу, подписанному в Хельсинки, относились без пропагандистских предубеждений.

Именно поэтому я оцениваю предстоящий в июне в столице Болгарии форум литераторов как самую значительную из всех возможных встреч писателей. Очень важно, что литераторы смогут в Софии совместно обсудить проблемы дальнейшего развития разрядки. Художник своим творчеством стремится способствовать общечеловеческому взаимопониманию, цель его — рассказать об опыте, нуждах людей, об их жизненном опыте. Вот почему обмен мнениями между литераторами имеет огромное значение.

— Отношения между СССР и Финляндией получили широкое развитие в самых различных областях. Как вы оцениваете нынешние связи советских и финских литераторов?

— Мы все знаем, насколько многообразными, широкими и глубокими в течение последних лет стали развивающиеся на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи отношения между Советским Союзом и Финляндией в сфере экономики, науки и техники, в сотрудничестве между различными общественными организациями, а также во многих областях культуры. Контакты и связи советских и финских писателей развивались, на мой взгляд, более скромными темпами.

60-летие Великого Октября — это и наш юбилей. 1917 год был связанным в судьбе нашей страны, Финляндии обрела национальную независимость. Хотел бы напомнить о нашей общей, очень важной и ответственной цели, для достижения которой нам, финским и советским писателям, следует работать в еще более тесном сотрудничестве, чем раньше. Здесь у нас есть богатые традиции, имею в виду дружбу между Максимом Горьким и великим поэтом Финляндии Эйно Лейно. На основе их примера мы можем и далее углублять и расширять наши контакты, способствуя взаимопониманию и познанию наших стран, народов, культур.

— Над чем вы сейчас работаете? Каковы ваши творческие замыслы?

— О собственном творчестве всегда говорить трудно. Скажу лишь, что работаю над второй и третьей частями романа «Род кожевенников». Предполагаю опубликовать их в 1979 и 1980 годах, если позволит здоровье, будет душевный покой и возможность сосредоточиться. Мой дед был кожевенником — отсюда и название трилогии. Это книга о людях труда.

ХЕЛЬСИНКИ

Пааво РИНТАЛА (ФИНЛЯНДИЯ)

ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ ХУДОЖНИКА

Я ВЫСКАЗАЛСЯ за встречу писателей в Софии, испытывая глубокое убеждение в том, что в наше время не существует более важной и серьезной проблемы, чем разрядка и мир, и что всем нам необходимо защищать дух Хельсинки последовательно, с полной отдачей сил.

Я не думаю, чтобы писатели могли влиять на решения своих правительств в большей степени, чем остальные граждане. Но я думаю, что в каждой стране они могут сделать многое, дабы помочь всем людям сыграть большую роль в этих решениях.

Писатели, пожалуй, в большей степени, чем кто-либо, заинтересованы в поступательном движении разрядки и развитии духа международного сотрудничества, поскольку в мире, который разделен и которому то открыто, то косвенно угрожает война, не существует той уверенности, которая необходима для творчества.

Точно так же не может существовать уверенности в полном и безопасности для кого-либо, пока гонка вооружений продолжает отравлять человеческие и социальные отношения, а также отношения между государствами.

Мир, свобода и справедливость мне представляются нерасделимыми, как корни, ствол и ветви одного и того же дерева.

Я верю, что в Софии писатели смогут продолжить ценную работу, если будут чувствовать себя ответственными за то, что происходит с людьми во всех уголках земли.

РИМ

Джанни РОДАРИ (ИТАЛИЯ)

КОРНИ, СТВОЛ И ВЕТВИ

ПРОЙДЕТ меньше месяца, и в Софии соберутся писатели разных стран. Соберутся, чтобы снова поднять свой голос в защиту мира, в защиту духа Хельсинки.

Что значит бороться за разрядку, за дружбу между народами? Это подразумевает и разоблачение клеветы, дезинформации, потоки которой выливают сейчас на нас западные поборники «прав человека».

Права человека... Сколько разглагольствуют о них Буковский и ему подобные, разъезжая по свету! Но о каких правах? Может быть, они рассказывают о Юване Шесталове, сыне семитысячного народа манси с берегов реки Обы: рассказывают о том, как народ, находившийся рядом под угрозой физического исчезновения, умственно проснувшийся, воспрял и дал обществу яркого, самобытного художника слова? Или о Владимире Санги, большом писателе маленького народа нивх? Или о Семене Курилове, юкагире?..

Нет, конечно, нет! Слишком далеко уводит меня фантазия. Они могут рассказывать о личностях, потерявших духовные связи со своим народом, суетливо собирающих скарб в узлы и прячущих глаза от соседей. Кстати, пока эти личности не покинули советской земли, у них есть все права, гарантированные конституцией. Такие же, как у меня.

А вот какие у них будут права завтра, когда они приземлятся на гулком летном поле закордонного аэродрома и, пройдя сквозь минутное ослепление сенсационных фотовспышек, начнут тыкаться в двери антисоветских газет? У них будет одно основное право — хулить советский строй, советский образ жизни, советский народ. А уж за хулу на первое время будут обеспечены и стол, и угол с теплым клозетом. Одним словом, плати совестью — не прогадаешь. Интересно, как бы реагировали «диссиденты», когда бы то, кого они содержат, протянули, понежиться: «Не все у вас совершенно... Вот то... да это...» Полетели бы «инакомыслящие» со своих теплеющих мест коротать век в бидонвиллях. Но «инакомыслящие» эту истину хорошо понимают.

Знавал я кое-кого из «инакомыслящих». Например, неудачника поэта Василия Бетаки, разболтанного, взлохмаченного, с мятущимися глазами. Что приобрел Запад, заполучив В. Бетаки? Мыслителя? Художника? Он издал в Ленинграде тоненькую книжку эпигонских стихов и, потрясая этим творением, возомнил себя звездой первой величины. «Звездой» его могли считать только несколько таких же лишних духом, как он сам. Уехал В. Бетаки из Советского Союза и сразу принялся отрабатывать подачки, что получил из рук западных благодетелей, — стал поливать грязью с помоек. Художник своим творчеством стремится способствовать общечеловеческому взаимопониманию, цель его — рассказать об опыте, нуждах людей, об их жизненном опыте. Вот почему обмен мнениями между литераторами имеет огромное значение.

— Отношения между СССР и Финляндией получили широкое развитие в самых различных областях. Как вы оцениваете нынешние связи советских и финских литераторов?

— Мы все знаем, насколько многообразными, широкими и глубокими в течение последних лет стали развивающиеся на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи отношения между Советским Союзом и Финляндией в сфере экономики, науки и техники, в сотрудничестве между различными общественными организациями, а также во многих областях культуры. Контакты и связи советских и финских писателей развивались, на мой взгляд, более скромными темпами.

60-летие Великого Октября — это и наш юбилей. 1917 год был связанным в судьбе нашей страны, Финляндии обрела национальную независимость. Хотел бы напомнить о нашей общей, очень важной и ответственной цели, для достижения которой нам, финским и советским писателям, следует работать в еще более тесном сотрудничестве, чем раньше. Здесь у нас есть богатые традиции, имею в виду дружбу между Максимом Горьким и великим поэтом Финляндии Эйно Лейно. На основе их примера мы можем и далее углублять и расширять наши контакты, способствуя взаимопониманию и познанию наших стран, народов, культур.

— Над чем вы сейчас работаете? Каковы ваши творческие замыслы?

— О собственном творчестве всегда говорить трудно. Скажу лишь, что работаю над второй и третьей частями романа «Род кожевенников». Предполагаю опубликовать их в 1979 и 1980 годах, если позволит здоровье, будет душевный покой и возможность сосредоточиться. Мой дед был кожевенником — отсюда и название трилогии. Это книга о людях труда.

ХЕЛЬСИНКИ

Олег ШЕСТИНСКИЙ

МАРШРУТАМИ КЛЕВЕТЫ

Пройдет меньше месяца, и в Софии соберутся писатели разных стран. Соберутся, чтобы снова поднять свой голос в защиту мира, в защиту духа Хельсинки.

Что значит бороться за разрядку, за дружбу между народами? Это подразумевает и разоблачение клеветы, дезинформации, потоки которой выливают сейчас на нас западные поборники «прав человека».

Права человека... Сколько разглагольствуют о них Буковский и ему подобные, разъезжая по свету! Но о каких правах? Может быть, они рассказывают о Юване Шесталове, сыне семитысячного народа манси с берегов реки Обы: рассказывают о том, как народ, находившийся рядом под угрозой физического исчезновения, умственно проснувшийся, воспрял и дал обществу яркого, самобытного художника слова? Или о Владимире Санги, большом писателе маленького народа нивх? Или о Семене Курилове, юкагире?..

Нет, конечно, нет! Слишком далеко уводит меня фантазия. Они могут рассказывать о личностях, потерявших духовные связи со своим народом, суетливо собирающих скарб в узлы и прячущих глаза от соседей. Кстати, пока эти личности не покинули советской земли, у них есть все права, гарантированные конституцией. Такие же, как у меня.

А вот какие у них будут права завтра, когда они приземлятся на гулком летном поле закордонного аэродрома и, пройдя сквозь минутное ослепление сенсационных фотовспышек, начнут тыкаться в двери антисоветских газет? У них будет одно основное право — хулить советский строй, советский образ жизни, советский народ. А уж за хулу на первое время будут обеспечены и стол, и угол с теплым клозетом. Одним словом, плати совестью — не прогадаешь. Интересно, как бы реагировали «диссиденты», когда бы то, кого они содержат, протянули, понежиться: «Не все у вас совершенно... Вот то... да это...» Полетели бы «инакомыслящие» со своих теплеющих мест коротать век в бидонвиллях. Но «инакомыслящие» эту истину хорошо понимают.

Знавал я кое-кого из «инакомыслящих». Например, неудачника поэта Василия Бетаки, разболтанного, взлохмаченного, с мятущимися глазами. Что приобрел Запад, заполучив В. Бетаки? Мыслителя? Художника? Он издал в Ленинграде тоненькую книжку эпигонских стихов и, потрясая этим творением, возомнил себя звездой первой величины. «Звездой» его могли считать только несколько таких же лишних духом, как он сам. Уехал В. Бетаки из Советского Союза и сразу принялся отрабатывать подачки, что получил из рук западных благодетелей, — стал поливать грязью с помоек.

На фоне исторических потрясений особую, пронзительную силу приобретает любовь к женщине, выраженная поэтом, ибо эта любовь как бы вырастает из духовного преодоления трагедии, навязанной людям черными силами фашизма.

Проблема мира человека существует на земле. Во многих западных странах люди борются против угнетения, отсталости, нищеты, голода, невежества. Но только эта проблема существует не там, где ее ищут господа «диссиденты». Я мог бы подсказать им некоторые маршруты. Надо сесть в нью-йоркском аэропорту Кеннеди на самолет, скажем, компании «Пан-Америкэн», долететь до Лимы, оттуда на самолете местной авиакомпании до города Икитос, километров 700 на север — Перу, а там километров 50—70 на моторке по Амазонке до индейских селений в джунглях.

В этих селениях испокон веков жили лесорубы. Они валили в джунглях могучие деревья, обрабатывали их, а потом в ним перевозили перекупщики и за бесценок приобретали древесину. А индейцы жили неграмотные, изнуренные болезнями, одетые в лохмотья. Я был в их хижинах, поднимающихся на сваях над ядовито-зелеными болотными прибрежными лугами.

Коммунисты Икитоса решили помочь индейцам. Они вели разъяснительную работу, доказывали преимущества кооперативного хозяйствования и добились того, что жители селения образовали артель по обработке и продаже древесины без перекупщиков. Спекулянты грозили коммунистам судом, физической расправой, предлагали взятки, чтобы они отступились от индейцев. Но никакие угрозы и посулы не помогли, коммунисты были с индейцами, защищали их. Когда индейская артель подсчитала первую выручку за продажу древесины, рабочие не поверили своим глазам — столь большой была разница в доходе. Но что до глубины души потрясло меня: индейцы решили на вырученные деньги приобрести парты для школы и пригласить учителя. Я видел эти старенькие, подержанные парты, стоящие на берегу Амазонки под деревянным навесом, скрывающим их от тропических ливней. «Дети должны понимать мир, должны учиться», — повторяли индейцы. Вот она, реальная борьба за права человека!

Я был в Афинах, когда здесь отмечалась годовщина злодейского убийства студентов греческого Политехнического института. Я видел скорбные лица матерей, закутанных в черные платки, видел портреты в траурных рамках молодых красавцев, которых расстреливали и давили гусеницами фашистские танки. Я был на афинском кладбище, где под белыми мраморными плитами, залитыми солнцем, лежат эти юноши. А известно ли вам господа «диссиденты», что многие из их убийц, черных полковников, оправданы афинским судом? Разве эти жертвы не вопиют о правах человека?

Давайте все назовем своими именами. Выступления «диссидентов» о правах человека — это попытка отвести глаза, которая порой, видимо, и бывает сознательной. Они боятся, что, если люди увидят, что в мире есть и другие проблемы, кроме «прав человека», то, пожалуй, не захотят слушать, что им поют «диссиденты». Но, на мой взгляд, ложь — ложь, и ее не спасет никакая ширма.

Я видел в Перу, в Греции, в Чехословакии, в Вьетнаме, в Анголе, в Мозамбике, в Гвинее-Бисау, в Сирии, в Ливане, в Иордании, в Египте, в Алжире, в Марокко, в Тунисе, в Ливии, в Эфиопии, в Сомали, в Кении, в Танзании, в Замбии, в Мозамбике, в Анголе

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

нам сообщили

СОВЕЩАНИЕ КРИТИКОВ

В Ашхабаде состоялось республиканское совещание литературных критиков, в котором приняли участие писатели, ученые, журналисты. Открыл совещание председатель правления СП Туркменской ССР Т. Курбанов. Доклад «Задачи литературно-художественной критики в свете постановления ЦК КПСС о 60-летии Великой Октябрьской социалистической революции» сделал кандидат филологических наук, критик Д. Нуралиев. В творческом разговоре участвовали Б. Абдуллаев, А. Ашнаев, А. Караев, Ч. Маталов, С. Мурадов, А. Хандов, Б. Худайназаров и другие. На совещании выступил секретарь правления СП СССР Ю. Суровцева.

Наш корр.

АШХАБАД

СТИХИ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

В Ленинградском Доме писателя имени В. В. Маяковского прошел вечер памяти поэта и переводчика Евгения Нежинцева, погибшего в дни блокады Ленинграда. На вечере выступили П. Гейфа, В. Азаров, С. Ботвинник, представители Ленэнерго — В. Савчук, Б. Шабадин и другие. Энергетики рассказывали о первом инженере-релейщике Волховской ГЭС Е. Нежинцеве, а литераторы говорили о поэте, слагавшем стихи о людях труда, авторе сборников «Рождение песни», «Яблочная пристань», о талантливом переводчике, лингвисте. До последних дней жизни он продолжал работу над переводами произведений Ивана Франко.

Поэзия Е. Нежинцева и сейчас в строю: только что издательство «Советский писатель» выпустило книгу его стихов и переводов.

Наш корр.

ЛЕНИНГРАД

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

— ...*Этот человек прекрасно знает жизнь, знает по собственному опыту, сколько весит рюкзак на плечах, что такое работа геолога «в поле», знает, чем пустая порода отличается от золотоносного пласта, — говорит Виль Липатов. — Анатолий Кривоносов работал на Северном Урале, на Курской магнитной аномалии, на рудниках Казахстана и Забайкалья, он был рабочим на буровой, коллектором, техником, затем инженером-геологом. Мы встречались еще до того времени, когда Кривоносов поступил в Литинститут и начал заниматься в моем семинаре. Он показал мне написанное, делился своими раздумьями. Мне всегда было с ним интересно. Удивительно цепкий, жизнелюбивый человек!*

В прошлом году он окончил наш институт, уже став членом Союза писателей СССР. А повесть его «Горн, горн ясно», написанная в годы учебы, получила широкий отклик в печати. Сейчас он закончил новую повесть.

ИДЕТ ЗАЩИТА

В Литературный институт имени А. М. Горького я пришла незадолго до начала защиты дипломных работ. В актовом зале рассматривали обложки книг, выставленных за стеклами витрин. Десятки славных имен, вошедших в историю советской литературы. Все эти люди в разное время приходили сюда — кто со строек первых пятилеток, кто только что сняв военную форму, кто покинув далекое село или оставив свой завод. А вот книги — совсем тонкие! — тех, кто ушел из Литинститута на фронты Великой Отечественной войны, не дотлюбив, не докурив последней папиросы, и не возвратился обратно...

* * *

«По указанию Алексея Максимовича Горького открывается высшая литературная школа», — торжественно произнес секретарь Оргкомитета Союза советских писателей В. Ставский. Так 1 декабря 1933 года в Москве открылся Вечерний рабочий литературный университет. А 3 декабря 130 молодых писателей впервые пришли на занятия.

Несколько лет звучали в старом доме их голоса, и, наверно, так же волновались они, как сегодня волнуется, услышав свое имя, произнесенное председателем Государственной экзаменационной комиссии Вл. Лидиным, молодой Сабит Мадалиев.

Совсем недавно в Ташкентском издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма вышла книга стихов под названием «Время цветения персиков». Ее автор стоит сейчас перед членами комиссии, под сочувственными и ободряющими взглядами однокашников.

Предварял подборку его стихов в журнале «Дружба народов», Олжас Сулейменов писал: Сабит Мадалиев «вступает в плеяду советских писателей, которых можно назвать активными проводниками взаимодействия культур».

Руководитель семинара, в котором занимался молодой поэт, профессор Е. Долматовский (один из самых первых выпускников Литинститута) считает стихи С. Мадалиева искренними и лиричными.

Но не только похвалу услышал молодой поэт — речь шла и о необходимости кропотливо работать над словом, совершенствоваться в языке, сохраняя при этом оригинальность и своеобразие почерка.

Если А. Кривоносова в Литинститут привела дорога из брянской деревни Кривуши, то узбек С. Мадалиев родился в Казахстане, где и сейчас живут его родители, семь братьев и сестер. После школы Сабит работал бетонщиком на стройке, служил в армии. Затем окончил два курса режиссерского отделения Ташкентского театрально-художественного института имени А. Н. Островского.

— Никогда не забуду, как внимательно отнеслись к моим первым стихотворным опытам преподаватель литературы и языка и литературный консультант Союза писателей Узбекистана, — говорит С. Мадалиев. — Это они посоветовали мне отправить на творческий конкурс в Литинститут подборку из двух десятков стихотворений. И вот позади пять лет учебы, первые публикации в журналах «Дружба народов», «Звезда Востока», «Юность», первая книга...

Творческий семинар в Литинституте ведет Георгий Березко Фото **В. КРОХИНА**

Репортаж «ЛГ»

Творческий бульвар 25

РАЗГОВОР С РЕКТОРОМ

Кабинет ректора Литературного института имени А. М. Горького, профессора В. Ф. Пименова.

— Владимир Федорович, хочу задать вопрос с которым до меня к вам обращались, вероятно, десятки раз: можно ли «выучиться» на писателя?

— Я понимаю о чем вы: «из ничего не найдет ничего». В любом деле хорошо трудолюбие и настойчивость, терпение и упорство, но если человек лишен той «искры», что называется одаренностью, сколько бы он ни убивал времени сидение за столом, толку не будет. В наш институт поступают только те, кто представил на творческий конкурс работы — пусть далеко не профессиональные, но отмеченные вот этой самой «искрой». Наше дело, дело педагогов — дать верное направление развитию их способностей.

— То есть учеба в Литинституте в чем-то схожа с учебой в консерватории, например?

— Безусловно. Постоянная «тренировка», выработка профессиональных навыков, художественное совершенствование в избранной сфере, изучение и творческое осмысление лучших образцов мировой и отечественной культуры — разве не таким же путем воспитываются молодые композиторы, музыканты, художники?

Наш институт стал крупным учебным центром Союза писателей СССР. Творческие семинары в Литинституте ведут известные писатели — Г. Бакланов, Н. Евдокимов, Ал. Михайлов, Л. Ошанин, В. Розов, С. Смирнов, В. Субоготин и многие другие. На очном отделении занимаются будущие прозаики, поэты, драматурги, критики и переводчики с языков народов СССР и социалистических стран. Более 500 человек — студенты заочного отделения. В аспирантуре готовят специалистов по теории литературы, теории прозы, поэзии, драматургии, по художественному переводу. При Литературном институте более двух десятилетий работают Высшие литературные курсы, здесь учатся в течение двух лет приехавшие со всех концов страны члены Союза писателей СССР. В нынешнем составе СП свыше тысячи литераторов, окончивших Литинститут, и 600 выпускников ВЛК.

Главной своей задачей, в выполнении которой нам помогает постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», мы считаем воспитание творческой, гражданской, идейной зрелости литературной смены. Большую помощь оказывает Литинституту Союз писателей СССР, который глубоко заинтересован в том, чтобы выходящие из стен нашего института молодые люди сумели со временем внести достойный вклад в советскую литературу. Одним из свидетельств этой заботы является недавно принятое секретариатом правления СП СССР постановление, непосредственно касающееся учебно-воспитательной работы Литинститута. Например, для интересно проявивших себя на творческом конкурсе, но недостаточно владеющих русским языком абитуриентов из республик и национальных областей будут организованы десятимесячные подготовительные курсы. Откроется отделение художественного перевода, на Высших литературных курсах появится специальный семинар литературных критиков.

Очень важной для нас является та часть постановления, в которой редколлегиям журналов СП СССР рекомендуется поддерживать инициативу журнала «Октябрь» — систематически печатать произведения наших студентов. Кроме того, издательству «Советский писатель» поручено выпускать сборники, составленные из лучших работ наших прозаиков и поэтов. Уже собираются материалы для одного из них.

ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ ЛИТИНСТИТУТА

Я пришла в Литинститут во вторник — в главный для него день, день, когда идут занятия в творческих семинарах. Что же такое семинар?

* * *

Константин Паустовский: «По существу — что такое литинститутские семинары? Помимо того, что это форма воспитательной работы с писателями, это ведь еще и клуб в очень хорошем смысле этого слова, это место для схваток, для споров, для очень бурной литературной жизни...» (из выступления на юбилейном вечере 20-летия со дня основания Литинститута).

Илья Сельвинский: «В моей работе со студентами я избегал проповедей и воскресных речей, но одну идею внушал им постоянно: если хотите быть нужными своему времени, мыслите себя как людей своего поколения» (из сборника «Сквозь время»).

Михаил Луконин: «Мы бывшали на семинарах Луговского, Сельвинского, Асеева и Кирсанова, сами уже выступали на вечерах и уже затевали принципиальные битвы между собой. Это была пора опытов, исканий, мятущаяся пора нашего студенчества, пора неудержимого писания и любви» (из сборника «Сквозь время»).

Хочу быть начинающим поэтом.
На мятра городящего смотреть...

— писал семнадцать лет назад Евгений Винаров. Когда он пришел с войны, в небольших литинститутских комнатах занимались со студентами К. Федин и В. Луговской, Л. Соболев, П. Антокольский... Прошло немало лет, и теперь на него самого устремлены глаза студентов.

— Евгений Михайлович, в чем вы как руководитель семинара видите свою задачу?

— В воспитании творческой личности. Стараюсь приучать молодежь мыслить, учитывать свою точку зрения. Ведь без мысли не может быть поэзии, иначе все это становится простым сотрясением воздуха, дешевой игрушкой — пускай яркого, раскрашенной. Без личности не существует поэтического «я», а формирование индивидуальности художника — процесс загадочный, глазу невидимый. Тут важны нюансы, оттенки, осторожность. Резким давлением можно только навредить.

— Когда-то вы написали:

Художник, воспитай
ученика.
Чтоб было у кого потом
учиться.

Как вы сейчас относитесь к своей роли воспитателя?

— Наблюдая за студентами, из года в год приходящими на мои занятия, стараюсь разгадать особенности каждого и помочь ему выявить себя полнее именно в том, что для него органичнее, ближе. Буду только рад, если из моего семинара выйдут поэты, обогащение своего учителя в каком-то смысле — очередь вырастить новое литературное поколение...

* * *

В другой аудитории занимаются прозаики. Ведет занятия Ю. Трифонов. Обсуждается рассказ одного из студентов о детстве, о первых постевоенных годах.

— Трудно очень точно знать, когда именно произошли описываемые в рассказе события, — говорит Ю. Трифонов, обращаясь к автору рассказа. — Ведь годы после Победы были непохожи один на другой, а у вас время какое-то расплывчатое. Вот вы пишете — «ковбойка», а такая ткань появилась намного позже. Эти очки кружочками, которые, как вам кажется, отличали героя вашего рассказа от его сверстников. Что за радость! У меня тоже такие были, и сидел я в них в этом зале, где мы сейчас занимаемся.

...В этом самом зале студент Литинститута Трифонов слушал своего руководителя — К. Федина.

«Пожалуй, только в последние годы учения в Литинституте, когда было исчиркано множество тетрадей в клетку, когда наслушался вдоволь рутины и поношений на семинарах, начала брезжить догадка о том, что не так трудно найти сюжет, как его изложить», — писал Ю. Трифонов в книге «Продолжительные уроки».

— Я приветствую «графоманство» своих учеников, — говорит он. — Я все время твержу им о том, чтобы писали как можно больше, стараюсь привить вкус к серьезной работе. Может показаться, что мы напрасно задерживаем свое внимание на деталях, но ведь именно они создают правдивое или ложное представление о времени, о характерах. Интересно читать тех, кто не «вымучивает» темы, а передает увиденное, пережитое. Таков, например, студент из Туркмении Чары Аширов. Пишет очень интересно, пробует себя в разных жанрах, на редкость трудолюбив.

ВЕЧЕР В ОБЩЕЖИТИИ

«Мы съехались со всех концов страны в Литературный институт имени Горького. Сергей Смирнов из Рыбинска Яшин из Вологды, Кульчицкий из Харькова, Михаил Львов с Урала, Майоров из Иванова, Платон Воронько из Киева. Потом из другого института пришли Наровчатов, Слуцкий, Самойлов.

Осенью 1939 года я приехал из Волгограда Николая Отраду. Ходил с нами добрый и большой Арон Копштейн. Порывисто будили от стихов, стихи звучали в пригородных вагонах, когда мы возвращались в общежитие» (из воспоминаний М. Луконина).

Давным-давно общежитие Литинститута переехало из Переделкина в Москву. За Савеловским вокзалом выросло семиэтажное здание.

— Трудно назвать такую национальность нашей страны, представителей которой мы не отыскали бы в нашем доме, — говорит В. Самохин, председатель студкома общежития, — Вместе с советскими студентами живут студенты социалистических стран, Ливии, Ирака, Панамы, Эфиопии. Они активно участвуют в общественной жизни института, в работе клуба «Молодой литератор».

Недавно мой «гид» по общежитию В. Самохин вернулся из Тольятти — ездила группа студентов выступала перед рабочими.

Для «тольяттинской» группы, как и для подавляющего большинства речи институтовцев, эти встречи не были «открытием» какого-то нового мира. Почти у каждого студента есть трудовой стаж — так же, как у бывшего рабочего С. Маданиева, рабочего А. Романова, А. Немиловой, прошедшей школу стройки Тюмень — Сургут, чабана Чары Аширова, пленевода А. Латкина... Но для каждого из них — и более опытных, и только-только начинающих писать — не пропадет даром багаж жизненных впечатлений, обретенный перед Литинститутом, а за студенческие годы он пополнится новыми, полученными во время поездок по стране, встреч на столичных предприятиях.

Прочная дружба связывает литинститутовцев с коллективом подшефного московского электромашиностроительного завода «Лампа» имени революции 1905 года», где студенты — постоянные и желанные гости.

* * *

Один день Литинститута... Один из множества дней, складывающихся в годы. Из пестрой мозаики впечатлений вырисовывается единое целое — дух Литинститута. Дух творчества, товарищества, молодости.

«Счастливого пути тебе, человек, идущий в Литинститут!

Т. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ВЫДАЮЩЕМУСЯ СОВЕТСКОМУ ПОЭТУ

В минувшую пятницу десятки москвичей собрались у дома 1/7 по Кутузовскому проспекту, в котором с 1950 по 1961 год жил и работал выдающийся советский поэт Александр Трифонович Твардовский.

На митинге, посвященном открытию мемориальной доски (художник Т. Калемкова, архитектор С. Захаров), в выступлениях начальника Управления культуры Мосгорисполкома В. Анурова, заместителя министра культуры СССР К. Воронова, секретаря правления Союза писателей СССР, главного редактора «Нового мира» С. Наровчатова, первого секретаря правления Московской писательской организации Ф. Кузнецова говорилось о замечательном художнике слова, вступившем в литературу в грандиозные годы — годы бурного строительства социализма в нашей стране, о том, как родились поэзия Твардовского вырвалась из самых глубин народной жизни, что Твардовский — наша национальная гордость, замечательный поэт современности.

На митинге присутствовал первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, секретари правления СП СССР Ю. Верченко, С. Сартаков, заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев.

от среды до среды

СОСТОЯЛИСЬ...

...в Казани семинар творческой молодежи Татарской АССР.

На семинаре выступил первый секретарь Татарского обкома КПСС Ф. А. Табеев.

■

...в Воронеже «круглый стол», посвященный творчеству молодых детских и юношеских писателей Центрально-Черноземного края. «Круглый стол» был организован журналом «Детская литература».

■

...в одесском Дворце культуры моряков первый выпуск устного литературно-художественного журнала «Маринист». Он создан по инициативе одесской писательской организации, партийного комитета Черноморского ордена Ленина морского пароходства и редакции газеты «Моряк».

ПРИСВОЕНО...

...почетное звание заслуженного работника культуры Азербайджанской ССР писателям С. Велиеву и Г. Мамедли.

ПРОШЛИ...

...в Союзе писателей РСФСР обсуждение творчества Александра Воинова, пишущего на военно-патриотическую тему.

■

...в Большом зале Центрального лектория вечер поэзии Андрея Деметьева. Вел вечер А. Аленсин.

ДЕЛА ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ

Из года в год в Молдавии увеличивается объем переводной литературы. СП Молдавии десятый год издает альманах «Меридианы», где наряду с новыми переводами публикуются статьи по вопросам теории и практики переводческого дела.

Вопросы дальнейшего развития художественного перевода были в повестке дня пленума правления СП республики, на котором с докладом выступил секретарь правления В. Телеукэ. В творческом разговоре приняли участие А. Лупан, Е. Буков, М. Чимпой, Г. Перов, Л. Бриндзе (Киев), К. Кавальджи (Москва), Н. Искижин, А. Купча-Жосу, В. Коробан, С. Сэка, А. Козмеску, С. Пынзару и другие.

Пленум рассмотрел организационный вопрос. Секретарями правления СП Молдавии избраны С. Чиботару и А. Бусуйок.

Наш корр.

КИШИНЕВ

К юбилею Октября

В Киеве прошло совместное заседание президиумов творческих союзов и общества Украинской ССР, посвященное задачам художественной интеллигенции республики в свете постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Вступительное слово произнес Герой Социалистического Труда поэт-академик М. Бажан. С докладами выступили первый секретарь правления СП Украины В. Кожаченко, первый секретарь правления Союза кинематографистов Украины Т. Левчук, председатель правления Союза журналистов Украины В. Серобаба и другие руководители творческих организаций республики.

Наш корр.

КИЕВ

Праздник в Каунасе

На Каунасском шелковом комбинате имени П. Зиберта торжественно вручена литературная премия, учрежденная несколько лет назад коллективом этого передового предприятия. Лауреатом премии стал Альфонсас Бяслаускас. Лучшим произведением года на рабочую тему признан его роман «Она любила Паулиса».

В тот же день большой праздник состоялся и в Литературном музее Литовской ССР, который после реставрации снова гостеприимно распахнул свои двери.

На литературном празднике присутствовали руководящие партийные и советские работники республики и города Каунаса, писатели, деятели культуры, многочисленные представители общественности.

Наш корр.

ВИЛЬНЮС

ПИСАТЕЛЮ-ЗЕМЛЯКУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В Новгороде, на родине известного советского писателя Всеволода Анисимовича Кочетова, есть улица, носящая его имя. Недавно имя Кочетова присвоено средней школе № 2, где он учился и где работа тщательно собирают и изучают материалы, связанные с жизнью и творчеством писателя.

Здесь прошли недавно Кочетовские чтения. К этому событию была приурочена выставка, рассказывающая о его литературной и общественной деятельности. В гостях у новгородцев побывала писательская бригада, возглавляемая секретарем правления СП РСФСР С. Орловым. В ее составе — А. Чепуров, Ф. Чуев, Д. Хренков, народный художник РСФСР А. Ярославцев, подаривший учащимся школы портрет В. Кочетова, и другие.

Участники бригады выступали на предприятиях, в учебных заведениях, рабочих общежитиях, библиотеках Новгорода, а также городов Боровичи и Старая Русса.

Т. СЛАВИНА

Иван Петрович ШУХОВ

Многонациональная советская литература понесла тяжелую утрату — 30 апреля скончался видный советский писатель, член правления СП СССР, секретарь правления СП Казахстана, лауреат Государственной премии Казахской ССР, член КПСС с 1940 года Иван Петрович Шухов.

И. П. Шухов родился в 1906 году в селе Пресновка Северо-Казахстанской области в крестьянской семье. Трудовую деятельность он начал в 1927 году как журналист в газетах Казахстана и Сибири. В литературу вошел в начале 30-х годов романами «Горькая линия» и «Ненависть», в которых ярко и правдиво рассказал о классовых битвах в гражданскую войну, о революционных, социально-экономических преобразованиях в Казахстане в годы коллективизации. Насыщенные глубоким социальным содержанием, эти романы получили высокую оценку А. М. Горького.

В годы Великой Отечественной войны И. П. Шухов публикует патриотическую повесть «Дым Отечества». Новый расцвет таланта писателя проявился во время освоения целины. И. П. Шухов становится летописцем и поэтом героического подвига целинников Казахстана. Его сборники очерков и рассказов «Покорители целины», «Золотое дно», «Целинные будни» и другие принадлежат к лучшим образцам советской художественной публицистики.

Последние годы жизни писатель работал над автобиографическим циклом «Пресновские страницы». Этот труд был отмечен Государственной премией Казахской ССР.

Верный друг казахской литературы, переводчик ее произведений, И. П. Шухов был в числе тех писателей, кто ввел тему Казахстана в мир большой русской литературы.

Писатель-коммунист И. П. Шухов много сил отдавал общественной работе, воспитанию творческой смены. Долгие годы он был одним из руководителей СП Казахстана, главным редактором журнала «Простор».

Партия и правительство высоко оценили заслуги И. П. Шухова, наградив его двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, медалями СССР. Он избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

Светлая память об Иване Петровиче Шухове, видном советском писателе, человеке огромного личного обаяния, навсегда сохранится в сердцах почитателей его таланта.

Д. КУНАЕВ, А. АСКАРОВ, Б. АШИМОВ, С. ИМАШЕВ, А. КЛИМОВ, А. КОРКИН, Ш. КОСПАНОВ, Н. ЛЯЩЕНКО, О. МИРОШХИН, С. НИЯЗБЕКОВ, С. СМИРНОВ, С. МУКАШЕВ, И. СЛАЖНЕВ, В. ШЕВЧЕНКО, Ш. ЖАНЫБЕКОВ, В. ДЕМИДЕНКО, Н. БОЛАТБАЕВ, М. ИСИНАЛИЕВ, П. ЕРПИЛОВ, К. ФЕДИН, Г. МАРКОВ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ТИХОНОВ, М. ШОЛОХОВ, А. АЛИМЖАНОВ, К. АХАДИЕВ, Н. АНОВ, С. БАРУЗДИН, Ю. ВЕРЧЕНКО, В. ВЛАДИМИРОВ, Ш. ЕЛЕУКЕНОВ, Ж. ЕРКИМБЕКОВ, И. ЕСЕНБЕРЛИН, М. КАРАТАЕВ, А. КЯНИЦА, П. КОСЕНКО, В. ЛАРИН, Г. МУСРЕПОВ, Г. МУСТАФИН, Ш. МУРТАЗАЕВ, Ф. МИЖАЙЛОВ, С. МУРАТБЕКОВ, В. ОЗЕРОВ, С. САРТАКОВ, Д. СНЕГИН, О. СУЛЕЙМЕНОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТАЖИБАЕВ, Б. ТЛЕГЕНОВ, К. ТУРСУНКУЛОВ, А. УСТИНОВ, А. ШАРИПОВ

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Трудно и горько примириться с мыслью, что мы больше не увидим Ивана Петровича Шухова, видного советского писателя, человека большой души и щедрого таланта.

Он был певцом сибирского казачества в переломный момент его истории, взволновано, ярко и правдиво рассказавшим о прошлом и сегодняшнем дне казахской степи, без которой он не мыслил себя и своей жизни. «В суровых лесах и скалах далекой Карелии, под огненным небом непокорного Сталинграда, среди первобытного величия древних Кавказских гор, — писал он, — везде и всюду вижу я вас, овеянных пороховым дымом сражений, славных моих земляков...»

Уже первые романы Шухова «Горькая линия» и «Ненависть», в которых он отобразил роль революционного самосознания казахского народа, показал классовое расслоение русского казачества и жителей казахского аула, выдвинули его в ряд крупнейших русских писателей и были высоко оценены М. Горьким. «...У вас хорошее, здоровое, революционное дарование, его необходимо расширить, углубить», — писал А. М. Горький в одном из писем Шухову.

Все его творчество — это как бы единое повествование о сибирском казачестве, о его пути в революцию, о коллективизации в казачьих станицах, о борьбе с кулаками, о приобщении честных трудяг к знаниям и строительству нового мира.

О колоссальных изменениях, происшедших в родном краю, рассказывают целинные очерки И. П. Шухова. В них рассыпаны точные, зоркие приметы времени покорения целины. С любовью, высоким художественным мастерством Шухов показывает жизнь людей, украшающих свои трудом степь.

Все что выходило из-под пера этого мастера, было отмечено печатью высокой требовательности и взыскательности к своему творчеству. Этого же он требовал и от своих коллег. Через все творчество, через всю жизнь Шухов пронес огромную любовь к родному Отечеству, его людям. «...Нельзя служить народу, не зная его повседневных нужд и забот, его трудовых свершений и мыслей о жизни, — говорил Шухов на VI съезде писателей Казахстана, — А они, эти мысли и свершения, огромны и прекрасны, как все, что рождается и творится в недрах народной жизни. Но нас не страшит такая почетная обязанность, потому что нет более высокого счастья, чем быть нужным своей стране хотя бы одной строкой, хотя бы одним умным, правдивым словом».

Имя, правдивое слово Ивана Петровича Шухова останется в золотом фонде нашей литературы.

Габит МУСРЕПОВ

Художник и книга

Иллюстрация художника Н. Кутилова к повестям Ивана Виноградова «Потери — один человек...». Воениздат. М.

Николае БИЛЕЦКИ

НАЙТИ ОБРАЗ ВРЕМЕНИ

СЕМИДЕСЯТЫЕ: НОВОЕ В ЖИЗНИ — НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ — семидесятые стали годами небывалого развития всех сфер советского общества. Динамизм нашей жизни выдвинул на первый план важнейшие вопросы коммунистической морали, духовного и нравственного роста личности. Огромное влияние оказывают на нее процессы НТР. Нынешние темпы, писал кандидат философских наук А. Т. Чемерис, «настолько стремительны, что если раньше каждое поколение людей получало от своих предшественников условия жизни и деятельности как данную реалию, которая в сущности предопределяла все будущее этого поколения, оставаясь почти неизменной, то ныне одно поколение будет претерпевать неоднократные перестройки условий своей жизни». Эти преобразования, затрагивающие нравственную атмосферу как всего советского общества в целом, так и психологию, характер отдельной личности, находят воплощение на страницах книг большинства советских писателей, создавших немало запоминающихся образов героев сегодняшнего дня.

Широкое обсуждение проблем литературы семидесятых, начатое в «ЛГ» статьей А. Дубровина, поможет, полагаю, уяснить некоторые характерные тенденции современного литературного процесса.

Плодотворным представляется тот факт, что новаторство исследуется участниками обсуждения на опыте литератур разных республик. И уверен, при нынешнем интенсивном процессе взаимообмена и взаимообогащения любая национальная новаторская черта имеет реальные шансы стать закономерностью для всего многонационального литературного процесса.

Я хотел бы обратиться к литературам Молдавии, Украины, Белоруссии и Прибалтики, в которых, на мой взгляд, наблюдаются весьма сходные явления.

Одна из отличительных черт этих литератур в семидесятые годы — это стремление осмыслить прошлое с позиций сегодняшнего дня. Предтечу возражения: стоит ли выделять именно такой аспект, когда, например, эстонский критик О. Ивич с понятным удовлетворением отмечает, что «за последнее десятилетие эстонская проза наконец-то обратилась к темам современности...», а П. Браженас констатирует, что почти в каждой литовской повести «рассказывается о судьбе молодого человека, чаще всего даже очень молодого, только что окончившего школу и начинающего собственный путь». Все это так. Тема современности, несомненно, определяет лицо литературы семидесятых. Но я говорю здесь не о преобладании исторической тематики, а лишь о **качественно** новом подходе к ней в творчестве писателей.

В силу более позднего вхождения Прибалтики, правобережной Молдавии и западных областей Украины и Белоруссии в состав СССР внимание к исторической тематике в этих литературах объясняется чувством острой необходимости оставить для грядущих поколений целостную картину борьбы народа за свою национальную независимость, за социализм. Но вместе с тем вершины, на которых писатели и трактовке писателей какими-то гранями смыкается с настоящим, становится его частицей, приобретая в своем осмыслении новые нежиданные акценты. Так, например, произошло в известном романе П. Куусберга «Одна ночь».

Герои молдавских романов «Бадя Козма» Г. Мачарутка, «Огни на перевутье» А. Лицкана, повести «Мой парижский дядя» А. Бусуйока или получившего всесоюзное признание романа «Потерянный кров» литовского писателя В. Ламбжюса лишь прописаны в прошлом. Живут они сегодняшними чувствами, мыслят категориями настоящего времени.

Опыт литературы показывает: чем выше в гуманистическом отношении поднимается человек, тем острее он ощущает необходимость в сильных, крепких корнях. Пример тому — романы «Разгон» украинского писателя П. Загребельного, «Домой» молдавского прозаика В. БеШляга, «Танец вокруг парового котла» эстонца Матса Траата. И знаменитый кибернетик Карналь, герой романа «Разгон», и крупный специалист в области ирригации Александр Мирзан из романа «Домой» ощущают необходимость «спуститься» в родное село на определенном витке своего интеллектуального взлета, Мирзан, приезжая из романа в родной дом в тот момент, когда казалось бы он достиг успеха и признания, вдруг ловит себя на мысли, что «духовно как-то обедняет». По его словам, этот приезд в село — словно призыв из прошлого, которое он успел позабыть. И тут-то наступает прозрение, что оно, это прошлое, «...есть часть его существа, без которого он не мог бы быть цельным человеком». К подобному выводу приходит и герой Матса Траата: «...что бы ты ни делал, Таавет, корни в каждом деле оберегай».

Пристально вглядывающимся в окружающее, в самую суть современных явлений, остро ощущающим ответственность своей гражданской, человеческой миссии, но не забывающим и движительные истоки народной жизни — таким видится мне герой литературы семидесятых.

Переход в литературе от локального изображения картин дней минувших к художественному синтезу ознаменовался и некоторыми изменениями в самой концепции героя. Мы видим личность сложную, олицетворяющую подчас весьма противоречивые явления и тенденции жизни, не укладывающиеся в старые стандартные представления.

В вопросе А. Дубровина «Не злочинствием ли мы, говоря о сущности явлений, отражаемых искусством, категорическим «или — или»?» — надо, положив руку на сердце, ответить: не всегда, но иногда... И уроки этого следует отнести не только к тем писателям, которые нарушают принципы типизации, но и к тем критикам, которые, сталкиваясь с неординарными явлениями жизни, оценивают их, исходя из привычных, устоявшихся критериев.

Нас не должны пугать необычность художественных сплавов, формирующихся в современной прозе. Ведь в итоге вина достоверность и убедительность приемы же — дело творческих манеры автора, его стилистики.

Но-новому проявляет себя в семидесятые годы и герой, настроенный, скажем так, на волну «романтического порыва». Если раньше, в шестидесятые, он протестовал против очевидного зла, то теперь его протест часто направлен будто бы и против «добра», но уготованного для него другими, которое он не может и не хочет принять из чужих рук, не видя радости в «одежде с чужого плеча».

Как, возможно, раздастся вопрос: разумно ли бороться с добром? Но так наступают и Санда Брай из повести «Песня пробивает сквозь путь» В. Малевой, и Анжела Гард из книги «Неугомонная» А. Маринета. Уже сами названия книг говорят о романтическом настрое героев, недовольных собой, полных желания порвать с рутиной, шагнуть в неизвестное, добиться всего самому. Возвышенная устремленность в характере своих героев наполняется конкретным содержанием, происходит знаменательное сочетание романтических порывов и вполне реалистических действий, страсти и трезвого расчета. Вот Столохану из повести М. Чиботару «Семафор». Начал он свой путь учителем. Потом за лесный ум и молодой задор колхозники в трудный момент избирают его председателем. Столохану весь отдается мечте вывести родной колхоз в передовые. Увлеченный делами, председатель и не подозревает, что бригадир Пискару, чтобы закончить все работы в срок, перегнала массы со свеклой. Столохану узнает об этом, но слишком поздно: он уже председателя Пискару к награде.

Ситуация поистине драматическая. Столохану не достает сил разрешить ее, он выбирает ложный путь умиротворительства. Лишь со временем он понимает, почему, что «ехал на красный свет», что главное не эти красивые здания, водопровод, свет и газ (хотя они и украшают очень много в жизни села), а перемены в нравственности человека, формирования коммунистических представлений в сознании трудящихся. Один из таких людей — тракторист Олару, последовательно отстаивающий свои убеждения.

В семидесятые годы этот тип героя нашел воплощение в «Сказании о директоре Прокатове» В. Тендряковой, в пьесе А. Гельмана «Протокол одного заседания», в драматургии И. Дворецкого, Г. Бокарева, в литературах Прибалтики, например, в творчестве В. Лаа, А. Бала, М. Саулкиласа, Р. Житинскаса, а в молдавской прозе — в романе «Перепутье» В. Малевой, С. Ивановичем такого героя связано усиление публицистической направленности и аналитического духа прозы и драматургии. Все это радует, но одновременно и настораживает. Радует потому, что налицо свежее дуновение в нашей многонациональной литературе, настораживает, подо поиски эти формы иногда могут привести к внутренней неискренности, притяги чего, в частности, справедливо замечает А. Дубровин. Ведь приемы публицистики при поверхностном их применении и талантливом лицо легко могут увести от изображения глубоких человеческих страстей, сложных конфликтов и ситуаций.

Шестидесятые поставили перед критикой еще одну проблему, которая ждет своего разрешения в семидесятые годы. Речь идет об отражении НТР в литературе. Уже написаны сотни статей, десятки книг, но все же, как мне думается, дальше распрыгия чисто «пограничного» горизонтов НТР в литературе мы двинуться не смогли. Между тем без успешного решения этой проблемы разговор о новаторстве будет далеко не полным.

Ведь в эпоху НТР наука и техника органично входят в жизнь и быт, в сознание современника, оказывая тем самым сложное и подчас не сразу ощутимое влияние на искусство, на литературу, прежде всего через личность героя художественного произведения. Современный человек, пусть и в общих чертах, знаком с величайшими открытиями науки и техники: расщеплением атома и освоением космоса, достижениями генетики и кибернетики. На его глазах старые орудия труда заменяются новыми, более совершенными. Изменяются представления о времени и пространстве.

Доли критика — видеть на всем этим то характерное, что рождено временем, эпохой. Возьмем, в пример, романы «И здесь мы строим людям свое» И. Гайсанюка, «Селтели» М. Чиботару, «Весенние снегопады» Г. Георгиу, отражающие сложные процессы формирования рабочего класса или перестройки сельского хозяйства Молдавии на промышленной основе. Оговоримся сразу, разработку названной темы молдавская проза ведет пока робко и осторожно, что, в общем-то, можно понять — явления эти еще нуждаются в пристальном изучении. Но всегда и не все герои названных произведений стоят на передовых рубежах научно-технического прогресса. Однако по строю мыслей, чувствам, интеллектуальному кругозору все они, конечно же, люди эпохи научно-технической революции. Признаки времени не выступают здесь навлочно, а как бы «спрессованы» в нравственном облике личности. Как отразится эти перемены на особенностях индивидуального стиля — покажет время. Несомненно лишь то, что надо отказаться от стремления перерезать произведения специальной терминологией, которая вряд ли послужит усилению эстетического достоинства прозы.

Между тем еще наблюдаются попытки оправдать подобные поиски. Так, украинский литературовед В. Фащенко в статье «Человек, природа, машина» («Литературное обозрение», № 2, 1975) приводит следующую выдержку из романа С. Залыгина «Ослиная смешной мальчик» (отмеченные при цитировании «Сказание опять составляют — правильно, если не больше, романа»): «И что-то вроде рабочего котлса гудит-бормочет насоса подхватило его, и пошло, и завращало, и включился в какое-то вихревое движение, по своему рисунку напоминающее то изображение, которым еще древние обозначали — отдаленно обозначали — понятие вечности. Он миновал плоскостные состояние, в котором пребывал не так давно в качестве амебы, и ускорился дальше, туда, где не было не только объемов, но и плоскостей, где он уже потерял ощущение своего собственного протяжения, своих размеров, форм, размеров и форм всего окружающего...» Автор статьи приходит к выводу, что «в этом отрывке при помощи понятийно-образных конструкций описано своеобразное состояние ученого XX столетия» и что «историки литературы отметят в будущем не только важность затронутого С. Залыгиным проблемы, но и увидят элементы нового скорого повествования...».

Лично мне такие прогнозы кажутся едва ли чем сомнительным. Ведь слово в образной системе литературы будущего доля понятного увеличится, но вряд ли оно продлится в такой абстрактной форме. Что касается творчества С. Залыгина, думаю, сила художественного таланта этого писателя проявляется совсем в другом — например, в тонкой корреляции человеческих отношений, которая так мастерски воплощена на страницах его книг, в неотступном внимании к острым нравственным вопросам, к бытию личности в истории.

Я затронул лишь некоторые аспекты новаторства литературы семидесятых годов. Но и они наглядно показывают, что в основе всех новых плодотворных исканий лежит углубленное исследование проблем современной действительности, психологии человека сегодняшнего дня.

КИШИНЕВ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Вл. ГУСЕВ

БЕСПРИЗОРНАЯ ПРОЗА?

Автор рассматривает причины, по которым некоторые художественные произведения остаются вне поля зрения критики.

У МНОГИХ создается ощущение, что современную художественную прозу можно без ущерба для дела поделить на «отсеки»: «производственный», «военный» роман, «деревенская проза», «лирическое эссе»... Появляются новые произведения, разрабатывающие пласт далее, открывающие в нем новые жилы; но сам пласт остается тем же. Молодые так прозаики «профессионально» следуют в колее старших товарищей...

Ощущение это обманчиво. Напор уже открытых «тенденций» сейчас настолько силен, что у критики, да и у самих литераторов повышает тяжесть инерции. Возникает иллюзия, что надо писать так или так, но не иначе.

В текущей литературе разработка пласта — дело открывшего его. Роль пионеров неблагодарна. Возьмем Белова и Битова — наших известных писателей одного поколения. Их деятельность весьма плодотворна и заметна в последнее время. Но есть масса мальчиков Беловых и Битовых, а это уже второй вопрос.

Между тем в современной прозе давно уже или недавно «ходят» писатели, которых (по отношению к ним критики и по нашему среднему «общему» мнению) не назовешь иначе, как беспризорными. Рисуя впасть в трюизм, должен отметить, что текущая критика наша не всегда «на уровне»: она все еще отбывает, допустим, И. Семина, а он давно открыт; она идет подчас по легкому пути — в общем и целом следит лишь за новыми произведениями слишком давно очерченного круга писателей (конечно, пишутся рецензии или, по частным поводам, статьи и «о других»,— но эти «другие» все равно как бы входят и выходят из кабинета, где принимает Текущая Критика, а те, главные, находятся в этом кабинете постоянно — как бы не дают забыть о себе).

Названные крупные писатели «виноваты» лишь в том, что мобилизовали такие потенциальные силы в литературе и в читателе, от которых возникла та инерция. Однако критика могла бы почаще вспоминать, что высшая смелость — это суждение о еще не признанном; что высшая заслуга — это услышать то духовно новое, что только «носится в воздухе», что еще не сконцентрировалось в фигуру, в кристалл.

ДАВНО существует в нашей литературе Георгий Семенов... Он, на мой взгляд, «типично из тех» писателей, которые как-то никуда не «приклонены», поэтому рецензионно-обзорная критика пишет о них редко. В его произведениях нет ни драматической проблемы «уходящей» деревни, ни «городского» индивидуализма, ни борьбы стройки, ни «лирического раздумья о судьбах нашей нынешней молодежи», ни гуши быта. Разве что, судя по последнему роману («Вольная натаска», журнал «Новый мир», №№ 9, 10, 1976), можно приписать его в «прозаики на моральные темы»; однако всякий, кто знает Г. Семенова не только по «Вольной натаске», знает и то, что он и тут, в общем, случайный или, во всяком случае, непостоянный гость.

Есть в манере Г. Семенова некая расслабленность, женственность. Он весь «воркующий», даже по сути жестокие жизненные ситуации у него самортизированы невинной сентиментальностью: «Он оскорбить боялся своими чувствами Верочку Воркуеву, живущую только сегодняшним днем, не помнящую только о сыне, оживающую вместе с сыном, которая и его-то обласкала своим вниманием только лишь потому, что он был восхищенным ее слушателем...» Стиль его недостает строгости. Г. Семенов многословен, его «разъяснительные» прилагательные и даже фразы порой не музыкально-стихийны, а избыточны.

Но в этой мягкой манере Г. Семенов говорит о **нелепую, мягкую** любовь в мужчине: знамение времени! Если угодно, если подумать, знамение в глубоком смысле социальное. Сочувствие к человеку, стремление привязаться к чему-то, излучать и и принимать «флюиды теплая» — знамение конца века. Может быть, Г. Семенов тут более новатор, чем сами новаторы.

Конечно, не в том же конкретном плане, но то же, по сути, можно было бы сказать о В. Конецкого, Ю. Куранове, В. Шефнере, Г. Горышине, А. Ткаченко, В. Осипове, ранних публикациях А. Проханова, об Н. Рапиафудинове В. Марченко, Б. Бондаренко, В. Белокрылове, С. Сапожникове и др.

ВОТ ОДИН из таких варантерных авторов — в чем-то похожий на Г. Семенова и в чем-то отличный от него. То же стремление подойти к предмету описания как он есть — без предвзятой, пусть благородной и умной идеи — я вижу в некоторых из повестей и рассказов Ольги Мирошниченко, составляющих ее «некучную книгу» («Я строчу книгу», изд. «Советский писатель», М., 1976).

Вообще надо сказать в пользу, что многое новое и любопытное сейчас происходит не в журналах, а непосредственно в издательских публикациях — эта мысль уже мелькала в нашей печати... Даже такие известные прозаики, как В. Астафьев, новой обходятся «без журнала»: что же касается литературно более молодых или менее именитых — Вл. Орлова, Г. Корнилова, В. Мирнева, А. Кима и др., — то это почти закон...

Проза О. Мирошниченко точна, повествовательна, информационна. В этой манере есть сила и слабость: сила — в близости жизни как она есть, в ее среднем плане, выражаясь языком кинематографии: слабость — в недостатке поэзии, полета, крупного и общего (то есть необходимых) планов.

Вот О. Мирошниченко описывает деревенскую старуху («Покров — день коротний»). Казалось бы, как опасно: после В. Распутина, после... Но О. Мирошниченко пишет старую ту так, как будто В. Распутина нет, и правильно делает: в данном случае это единственный выход. Оглянись на уже написанное до тебя — и, как в заповедном лесу, со всех сторон кинутся тени «традиций», «вторичности» и т. п. — и сомкнут и если в этой ситуации писатель будет даже и спорить с предшественниками, кто не спасет положения: давно известно, что в искусстве «спор» в той же плоскости — лишь одна из форм зависимости.

Сюжет тут простой: бабка, которая почти уже готовится отойти в иной мир, случайно помогает нерутинному парню, «отбившемуся от поезда», — даже продает ради него любимую корову. Естественно, что, прочитав такое начало и сегодняшнему, мы в какой-то момент насторожимся: на ответственный лад: сейчас возникнет традиционная символика «возвышенная старость — нуждающаяся в уроке юность». Но автор следует своей линии, которую мы сначала внутренне подмечали своей, уже привычной, а потому и не заметили со этой нервозностью. Малый, оказывается, кое в чем соврал: ему, конечно, стыдно, но как-то не очень... А бабка? «Села на лавку, привалилась спиной к стене и задремала. Сказать редкое событие видела, как пришла Шурка, услышала тихое позвякивание посуды. Шурка, видно, прибиралась. Мелькал передний ее платок, зеленая шерстяная кофта. И присутствие ее, и тихая суета отогнали последнее, что мешало отдаться спокойному сну. Федора уснула, полуоткрывая полуоткрытым ртом».

Оказалось, что идея автора была иной, чем мы ожидали: идея сочувствия к единичной бабкиной жизни, которую постепенно поглощает общая могучая толща жизни, этот «сон уход» жизни крайне уместен: надеюсь, что в нем не главное, а мы думали...

Но раз состоялось не то, что мы думали, то мы вроде недовольны своей недогадливостью, нам неприятно, что автор «сумел» «обмануть» нас — хотя он вовсе не стремился к этому, а просто писал свое, свой предмет — с той самой идеей, которая из него, из этого предмета, вытекает.

В других очерках и рассказах О. Мирошниченко ход мыслей, может быть, порою более традиционный, но — как сказать? — и в самой этой традиционности иногда есть что-то приятное, есть оттенок того же подхода к современной жизни, к современному человеку, что и в рассказе «Покров — день короткий».

ЕЩЕ БОЛЕЕ характерен в этом смысле В. Маканин. С ним критика, по-моему, уже перестаралась: не знает, как быть; традиция его — в чем-то, может, Зощенко, но «серьезный»: материал — в общем и целом современный город, в особых, «тайных», что ли, его чертах. Стиль его динамичен, но не в духе «молодежной прозы», а, пожалуй, даже в отрицающем ее духе: он деловит, лишен кокетства.

В. Маканин отказывается и от соблазна написать личность изнутри: он — «портретист» и при этом создает об этом в подзаголовках своих повестей.

Кто такая Светик — героиня повести «Старые книги», давшей название сборнику повестей (писатель, М., 1976)? Она не лишена органического благородства натуры и силы заветных чувств — мы ощущаем это с самого начала и убеждаемся в этом в конце.

Но Светик, которая, надо сказать, и по имени, и по характеру так и просится сразу в нежно нарицательные формы (в отличие от героя Г. Семенова), — это нежно Гаврош и одновременно Остап Бендер в юбке, подвизающийся на ниве современного города. Масса скупо, но ясно написанных трагикомических «ситуаций и положений» смотрят перед нами, прежде чем мы подойдем к предопределенному краху Светика — талантливой, но вместе с «мелко плавающей» спекулянтки редкими книгами: за спиной Светика мы все время ощущаем молчание и дыхание иных неприязненных ее сверстников, сверстниц — всех, от кого порой брезгливо отворачивается высоколобая литература: тут, мол, и отрицательного героя порядочного нет — так, один сброд. Но «сброд» это на миг забытые нами люди...

Пусть личность
не больше, чем глаз
Муравья,
но личность есть личность!
Так думаю я,

— пишется в популярной ныне детской книжке...

При всей сдержанности, жесткости Маканина (в отличие опять же от Г. Семенова — безусловный гуманист; гуманизм его действенный — он нигде не подвержен риторике, он работает.

Но «о чем он пишет»? «Куда ведет»?..

Что сказать?

Перед нами писатели, которые, видится мне, не примыкают ни к одной из известных манер и духовных тенденций, но при ближайшем рассмотрении они, оказывается, имеют дело с определенным, довольно широким слоем людей. Я не хочу сказать, что эти писатели теперь «отменят» репутации ныне более известных писателей — не об этом речь, — то тому же многим из них в их книгах не хватает нового размаха, напора жизни: но именно в них я ощущаю нечто назревающее, хотя еще и не назревшее... Должен, сказать, что эта литература вызывает читательский интерес.

Залог возможностей этой литературы я вижу в той непосредственности и неопредвзятости взгляда, подхода к предмету, что дорожные выны «высокопрофессиональных» разработок вперь в уже проложенной другими литературной колее.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Б. Х. ХУДАЙНАЗАРОВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по туркменской литературе направили Бердыназару Худайназаровичу Худайназарову приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, одного из известных писателей Туркмении, с днем пятидесятилетия.

Подростком еще в годы войны, начав трудовую деятельность, Вы прошли большую жизненную школу, дающую ценный материал для Вашего творчества. В романе «Лунда песков», удостоенном Государственной премии Туркменской ССР имени Махтумкули, глубоко раскрыты жизнь и судьбы советских людей, объединенных общим стремлением — приблизить победу над врагом.

В поэме «Горячая степь» Вы проникновенно рассказали о трудном подъеме высоких нравственных качеств наших современников. Ваш пытательский талант над прославился в повести «Сорокаво-2?», в которой созданы героические образы строителей Каракумского канала имени В. И. Ленина. Ваши произведения переведены на многие языки народов СССР.

Туркменские зрители знают Вас и как плодотворно работающего драматурга. Ваши пьесы, с успехом идущие на сценах ряда театров, прожили сегодняшнюю жизнь республики, борьбу советского человека с беспощадной и суровой пустыней.

Вы являетесь требовательным наставником начинающих литераторов. В Ваших статьях, посвященных творчеству молодежи, всегда лаконично и принципиально рассматриваются произведения молодых авторов, что содействует развитию нашей литературы в целом.

Желаем Вам больших творческих успехов, здоровья и счастья».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через «Литературную газету» выразить сердечную благодарность всем вашим добрым друзьям, поздравившим меня с шестидесятилетием и высокой правительственной наградой — орденом Октябрьской Революции.

Семен ДАНИЛОВ

ПРОЗА

ДЕЛО, КОТОРОМУ МЫ СЛУЖИМ

ВЕРНУВШИСЬ домой после ожесточенного спора на заседании бюро районной партии, где столкнулись два подхода к делу: администрирование, волевой нажим и нарождающийся творческий, смелый метод хозяйствования, — герой повести «Подгона», молодой председатель колхоза Александр Огоньков, в глубоком раздумье сидит у прокатки маленького ежа:

«Этот человек еще и знать не знает, он что такое мягкие гектары, ни что такое десять процентов за какой-то там бункерный урожай. А когда он вырастет, люди уже забудут о том и о другом, и ему даже рассказать будет нельзя — не поймет».

Неужели действительно забудут! Неужели безвозвратно канут в Лету те заботы и проблемы, что составляли суть жизни людей старшего поколения!

Нет, мы не вправе упускать из памяти все, даже самые будничные, самые обыкновенные, казалось бы, события и процессы минувшего, ибо в них неотъемлемой частью вошли в историю нашего государства, нашего народа. Так отвечает на эти тревожные вопросы Семен Шуртаков в своих повествованиях, посвященных подъему сельского хозяйства, начавшемуся в пятидесятые годы.

Судьбы всех героев повестей и рассказов писателя неразрывно связаны с деревней, в них явственно отразилась эпоха с ее конфликтами, страстями, проблемами. И важно отметить, что С. Шуртаков верно уловил основные противоречия того времени, тормозившие развитие сельского хозяйства, показал, как постепенно и мучительно подчас изживались устаревшие методы руководства, материального и морального стимулирования.

Один из персонажей повести «Трудное лето», бригадир трактористов Михаил Брагин, делает глубокую вспашку засоренных участков... из добрых чувств и вопреки воле Ольги. И вот так, у него не было бы никаких иных — например, экономических — мотивов для выполнения этого обычного агротехнического задания. Более того, он был бы заинтересован в его невыполнении. В другом раз Брагин отказывается проводить вручную перепашку парового клина — и правильное в сложившихся условиях решение обращается для героя неприятностями с начальством, материальным ущербом... Но почему? Что нужно сделать для того, чтобы колхозникам выгодно было работать хорошо, с учетом всех новейших агротехнических норм и требований? Размышляя об этом вместе со своими героями, писатель приходит к выводу: необходима научная организация труда, такие экономические рычаги, которые, исключив возможность недобросовестного отношения к порученному делу, создали бы у каждого прямую заинтересованность в конечном результате — в урожае.

Трудности, с которыми сталкивается герои С. Шуртакова на этом непроторенном пути, очень велики. Агроном Ольга Орешина, партийный секретарь Илья Гаранин, бригадир Михаил Брагин из повести «Трудное лето», председатель колхоза Александр Огоньков и его помощники из повести «Подгон» успевают многое пережить и многое выстрадать, пока добиваются своего, проводя в жизнь решения партии о передовой организации сельскохозяйственного производства.

Художественные задачи, стоявшие перед писателем, нашли своеобразное преломление в его стиле. Простота и лаконичность языка, публицистические отступления автора, динамизм и «невыдуманность» ситуаций, в которые писатель ставит своих героев, внимание в первую очередь к актуальной проблематике — все это делает книгу Семена Шуртакова «За все в ответе» Гуньалы по-очерковому достоверным и злободневным свидетельством хозяйственных преобразований в деревне и связанном с ними подъеме в сознании людей, в их отношениях к труду.

Н. СТАРЦЕВА

РОСТОВ-на-ДОНУ

Семен Шуртаков. «За все в ответе». Рассказы и повести. Издательство «Советская Россия». М. 1976.

НЕОБЫЧНОСТЬ ОБЫДЕННОГО

В ЭТОМ сборнике, несмотря на разнообразие его состава (три повести и дюжина рассказов), чувствуется последовательность внутреннего строя, единая направленность авторского взгляда. Этот-то и определяется в конечном счете цельность книги Сабира Ахмедова, который впервые переведен на русский язык.

Я сказал бы, что и героям книги, и ее автору более всего интересны проблема неодномерности бытия, тог глубокий жизненный слой, который часто скрыт за поверхностным течением привычных будней. Многие герои С. Ахмедова способны преодолевать инерцию сложившихся обстоятельств, неожиданные ситуации, целенаправленно формируя свою судьбу.

Таков, например, Ланин из повести «След на холме», давший название всей книге. Он невольно не эстетики меня вспомнить Вамоха из романа «Бремнины» грузинского писателя Гурама Гегешидзе. Характеры, судьбы этих двух героев подобны камням, упавшим в спокойную водную гладь: далеко расходятся круги, колышется и дробится привычное отражение берегов, меняется на глазах устоявшаяся картина... Ланин, как и Вамех, — человек, изменяющий уже одним своим присутствием настроение окружающих. Но если Г. Гегешидзе доходит до утверждения либо инсинорвержения категорий сферы философских, немного интересных, то герой С. Ахмедова подчеркнуто «заземлены», более обыденны.

Ланин хочет иметь работу — и только ту, которую сам для себя выбрал. Хочет соединить свою судьбу с единственной избранницей. Хочет, наконец, построить свой дом... Все это, казалось бы, так житейски просто, будненно. Но под внешне спокойным ходом событий бьется сильный внутренний пульс, сообщающий повествованию психологическую напряженность. Спор Ланина с жителями его родного городка вызван тем, что для героя непременна полная поповинчность — полумеры, полудействия, полусправедливость. Все должно быть предельно ясным, честным и открытым. Герой — с его нравственным максимализмом — часто «инвудобен» в общении, беспокоен для окружающих. Он активно выступает против «инертности и холода».

Якуб из повести «Невидимая волна» тоже на свой лад стремится жить так, как кажется ему справедливым и правильным. Не только быть верным себе, но и не забывать при этом об окружающих, о судьбах близких людей — это нравственное двуединство пока еще не достигнуто Якубом, он лишь идет к нему. Тут как раз и кроется идейный замысел повести. Можно сказать, что главный герой «Невидимой волны» проходит определенный путь нравственного и гражданственного взросления, подготовки к социальной активности. В начале этого пути — нехитрое, но опасное, поживное кредо: «Каждый думает лишь о себе, о собственной выгоде...». В конце же — понимание того, что пишь служение людям, работа «формируют человека, воспитывают его... Каждый имеет свое место, все оцениваются одним мерилом — работой». Но мне кажется, что в повести все же ощутимо некое несоответствие между интересующей автора идеей и ее художественным воплощением: проблема введена скорее искусственно, нежели органично.

Рассказы сборника, кстати сказать, свободны от упомянутой искусственности. Они очень естественны, в них ощутима подлинность бытия. Особенно показательны в этом смысле рассказы «Охотники» и «Парад эпигонов».

Несколько слов о переводе, о том, насколько соответствует русский текст внутреннему смыслу повестей и рассказов С. Ахмедова. Должен сказать, что переводчики А. Мустафазаде и Э. Агаев достаточно тщательно и взыскательно отнеслись к своей задаче. Лишь иногда, правда, вызывают досаду безликие фразы, вроде: «Строительство ГРЭС с каждым днем ширилось», «Работали дружно, сообща, стремились сделать как можно больше и лучше» и т. п. В целом же, повторяю, если исключить эти печальные огрехи, переводчикам удалось по-новому передать ощущения органического единства между содержанием произведения и его формой.

Игорь ШТОКМАН

Сабир Ахмедов. «След на холме». Повести и рассказы. Перевод с азербайджанского. Издательство «Советский писатель». М. 1976.

ИСКУШЕНИЯ ГЕНЫ ПАКШИНА

РАБОТАЮЩИЙ на одной из северных строек молодой шофер Гена Пакшин, ставший главным героем повести Н. Кучумидиы «Держи пять», в глазах окружающих «выглядел... обаятельным, талантливым — добрым, отзывчивым, но немадежным».

В справедливости подобной характеристики читателя повести вполне убеждают и собственные рассуждения Геннадия («Жизнь сложна»... Да разве она сложна! В ней больше скуки, чем сложности), и тот «мягкий» стиль, который принят у него в отношениях с близкими, и, главным образом, весь немудрящий образ жизни героя:

«Умылся, поел, пошел на работу. Кончалась смена, он ставил машину в парк, шагал в общежитие... Начинался вечер... Пакшин одевался и выходил в город. Дальше — по настроению. Сегодня — в кино, завтра — в клуб, на танцы... Будильник звенел в шесть. И Гена снова вставал, умывался, шел на работу... Как он покручивал вправо-влево рулевое колесо своего самосвала, так и оно покручивало его вправо-влево»...

Геннадий молод, здоров, хорошо работает, нравится девушкам, и чему же ему еще тяготиться «неинужными» мыслями! Ведь все равно «она серая и простая, эта «сложная» жизнь». Не удивительно, что первое же встретившееся на его пути препятствие — мать любимой девушки возражает против их связи — кажется Геннадию абсолютно непреодолимым и заставляет его бесславно опустить руки. Решительно отгоняя от себя все «сложности» и «тонкости», предпочитая не вдумываться, не анализировать свои поступки и чувства, юный герой повести «Держи пять» беспечностью принимает все, что жизнь предлагает ему сама.

Что ж, значит, можно поздравить молодого прозаика, сумевшего нарисовать в повести любопытный психологический тип рубахи-парня, хорошо справляющегося со своим делом, но во всем, что не идет прямого отношения к работе, предпочитающего полуразтительный, «мятый-клетый» образ жизни!

Так, да не так. Верными и точными штрихами набросав портрет душевно инертного молодого героя, автор решил показать, как шаловал постепенно превращается в передового рабочего парня. И, увы, вместе тогс, чтобы попытаться проанализировать причины возникновения подобного характера, проследить, как изменяется он в столкновениях с людьми, с реальной действительностью, прибег к весьма банальной, облегченной схеме.

Случилось то, что не так уж редко случается с молодыми авторами: замысел — создание характера современного молодого рабочего — вступил в противоречие с изображенным в книге реальным жизненным материалом. Автору кажется, что он рисует вполне симпатичным и привлекательный образ молодого парня. А читатель с каждой новой страницей повести проникается к Геннадию все большим и большим недоверием, явно сомневаясь в его готовности к моментальному перевоспитанию. Автор полагает, что ему удалось показать стремительное перерождение, — читатель же видит, увы, только вполне дюжинную схему: рабочий паренек проходит через искушение любовью к чуждой девушке» (проще говоря, студентке), затем через искушение возможностью поступить в лучшее училище, но остается за рулем своего старого самосвала и возвращается к прежней, давно уже не любимой подруге «из рабочей среды».

Результат подобного столкновения замысла и воплощения, азбучной схемы и художественной интуиции, проявившейся в частности, в умении выделить и точно зафиксировать убедительные приметы повседневности, ясен: разрушилась логика естественного развития образа, повисла в воздухе мотивировка действий и побуждений героя, и просто о становлении рабочего характера, помимо воли автора, превратилась в вереницу занятных эпизодов из жизни пустоватого, хотя и обаятельного шалопая, старательно уверяющего читателей в своей образцово-показательности...

Вл. БОНДАРЕНКО

Николай Кучумидиы. «Просто дорога». Повесть и рассказы. Издательство «Современник». М. 1976.

ПОЭЗИЯ

СПАСИБО, ПЕСНЯ!

ДЛЯ МЕНЯ Доризо — поэт, чьи стихи особенно впечатляют, когда звучат со сцены, с эстрады. Факт не только не обидный, как думают некоторые критики (да и кое-кто из поэтов), а наиболее полно характеризующий направление, манеру разговора с читателем и, наконец, в сущности, благородную и демократическую цель — приобщить как можно больше читательских сердец к поэзии. «Избранное» Доризо доказывает, как, что раскрывает многообразие способности поэта во владении формой: от песни до поэмы, от эпиграммы до драматургии.

Доризо принципиален в своей позиции «интимкамерного» поэта. Потому и важно подчеркнуть: его лирика, будучи эстрадной, то есть выраженной публично, во всеуслышание, не замкнута в себе и не эгоистична. Менее, чем кто-либо, Николай Доризо заботится о причислении себя к шеренге великих. Говоря об этом в связи с тем, что не так давно в печати некоторые критики вдруг «открыли», что в стихах о Пушкине Доризо якобы отождествляет себя с Пушкиным, а своих недругов—с Дантесом, мягко говоря, натянуто данное утверждение.

Маяковский расправился с Дантесом по-своему: «Сукин сын... Мы б его спросили: — А ваши *кто* родители? Чем вы занимались до 17-го года!» Позднейший поэт видит в убийце Пушкина символ — образ врага поэзии во все времена. Возможно, образ этот гиперболичен и полемичен, но и в этом случае критик обязан понять замысел поэта объективно, а не выискивать в чистосердечном порыве корыстный умысел. Поэт говорит о своих стихах:

Когда о щеки жарко трется
Норд-рест
И неритное щенки,
Пустая строка мая поется, —
Ой
Как спичка под рукой!

Допускаю, что изощренному восприятию иного ценителя поэзии творческая манера того или другого поэта может не нравиться. Кроме того, на своем опыте знаю, как проигрывают иногда строки в печати, вне музыкального сопровождения, в слабом интересном воспроизведении, трактовке. В этом смысле печатные произведения Доризо не всегда безупречны. Взятое на себя обязательство «писать для безголосых, они Шаляпины мои!» — пусть оно в высшей степени демократично — порой ведет к недостаткам. Поэт вдруг оказывается жертвой пристрастия к речевой обязодности языка, и тогда он рифмует Спартак и старика...

Об успехах поэта в песенном жанре говорилось достаточно. Остановимся на крупных произведениях, опубликованных в двухтомнике. Прежде всего на лирических и драматизированных поэмах, темы и фабулы которых почерпнуты из истории. Непринужденность и чувство меры, свойственные Доризо, проявляются особенно удачно в словах персонажей из народа. В меньшей степени это сказывается в речах героев из дворянского круга или современной интеллигенции. Пугачев, герои поэмы-драмы «Место действия — Россия», задуман интересно. Природный ум, знание психологии своих сторонников, воля народного вожака, незаурядный темперамент, часто увлекающий Пугачева в опасные ситуации, — вот черты, вдохновившие Доризо, чуткого и театрального в лучшем смысле. Получился образ, бесспорно, своеобычный.

Другие поэмы и стихотворные драмы тоже подтверждают глубокий интерес поэта к исторической теме. Это относится и к поэме о Ленине, и к драматическим сценам, посвященным Андрею Желябову, и к поэме «Бессмертное слово» — вдохновенному монологу о красоте памятников древнерусской письменности. Несколько слабей трехактная драма в стихах «Утром после самоубийства», где чисто театральные решения «забивают» речевую ткань.

«Избранное» поэта, думаю, не ошибусь, выразив надежду, что стихи, такие притягательные с эстрады, не обманули читателей, полюбивших лиричность и добрый юмор Николая Доризо.

Илья ФРЕНКЕЛЬ

Николай Доризо. «Избранное». Избранные произведения в двух томах. Издательство «Художественная литература». М. 1976.

«НЕ ЗАБУДУ ТОТ РАССВЕТ ВЕСЕННИЙ...»

Я ФРОНТОВИК. Для меня в прямом, а не в переносном смысле звучит крылатая фраза: «Прошел огонь, воду и медные трубы». И потому, наверное, мне, да и не только мне — многим людям фронтового поколения, нравятся стихи военной поэзии и стихи о войне, те, в которых, если можно так выразиться, осколок застрял и даже в радости дает знать о себе: радость получается несуетной.

Именно к таким стихам относятся лучшие вещи Владимира Оснина, вошедшие в книгу «Приношение в любви». Это итоговый сборник поэта фронтового поколения. Своего рода избранное.

Книга проникнута суровостью солдата, который, даже любуясь расцветающей природой, не может забыть о давних и грубых утратах: «Зреть в розовинах предрассветных, вновь и погоде солнечной. А на холмах под синей рожью лежат товарищи мои». На всю жизнь запоминаешь ему утро Победы:

Не забуду тот рассвет весенний —
Мир гремел во все колокола,
Дымные раздваивались тени,
И повсюду — пряная зола.

Но рядом с суровостью уживается в его душе теплое человеческое чувство: «Где броня, обугрившись, темнела, сердцем становился я нежней». И может в его строках непримиримость ко всякой горести, безлунье, безрадостному лишению к жизни — когда человеку ничего не нужно, только бы поесть да посидеть у телевизора, мол, все уже завоевано!

Осинин умеет и почувствовать, и передать нам свою и чужую боль. Так, в стихотворении «Конник кричат» лирический герой-фронтовик смотрит на поверженный вражеский город, и кажется ему, будто «в умирающих окнах тускло освещенные пуной, болью человеческой кричат камни, отлученные войной». Читатель не может не захватывать искренность чувства, выраженного поэтом с такой силой.

Когда читаешь о войне, трогают не столько картины бои или похода, сколько внутреннее состояние человека, жизнь его души. Вот характерное для Оснина восьмистишие, как будто прадставляющее картину окружающей солдата природы:

Охоту в оранжевое лето.
Дорога тянется вдали,
И небо легкое — проглота,
И травы буйно зацвели.

Кого-то ищет в поле чибис,
Дымок курится над кленом.
О, если б сердце только билось
И не болело ни о чем!

Две последние строчки этого смирного» стихотворения напомнили о боли утрат, о том, что в памяти солдата живы те, кто погиб в далеких огненные годы... Словом, приотворилась вдруг перед нами душа человека, опаленного войной.

Искренними стихами о незабываемом времени боевой юности, о погибших друзьях и о сегодняшних, мирных днях бывших воинов Великой Отечественной и дорога мне книга Владимира Оснина.

Алексей МАРКОВ

Владимир Осинин. «Приношение в любви». Стихи. Поэмы. Воронеж: М. 1976.

«САПОГИ У НИХ—ГРОМИЛЫ...»

АВТОР вступительной статьи к сборнику стихов, считалок, загадок, скороговорок «Между ногой и ладонью» (издательство «Детская литература». М. 1976) Валентин Берестов утверждает, что стихи для детей «пишутся в особенном, редком душевном состоянии, возникают (это почти закон) в общении с малышами, в игре с ними». Не будем подвергать обсуждению то, что без колебания названо «почти законом». Тем более что многое в стихах книжки только и можно объяснить наличием «редкими душевным состоянием», когда на смену стремлению проникнуть в непростой мир детского сознания, детских интересов и переживаний и поэтически воспроизвести их является лишь натужная ребячливость, а вместе душевного контакта с ребенком — неуклюжие попытки говорить с маленьким читателем «по-детски»:

Запряну я курочку — Постою, подумаю,
В расписные сани, — Посмотрю на сани,
Курочку-хохлатку — Запряну и курочку
С красным гребешком — И пойду пешком.

Так развлек своих читателей А. Александров в стихотворении «Какой я умный». В этом же сюсюкающем тоне строит общение с юной аудиторией и Е. Кропивницкий. Да и стоит ли утруждать себя поисками каких-то особых образных решений, если куда проще с помощью этакой простенькой стилизации «под детский язык» нарисовать вполне исчерпывающую картину осени:

Дни походолели.
Окна запотели.
Листики опали,
Цветики увяли.
Улетели птички,
Отыграли спички.

Все атрибуты пресловутой «детскости» речи налицо: тут вам и «листики», и «цветики», и «птички», и даже рифмующиеся с ними «спички», которые, как известно, детям не игрушка... Вот только поэзии что-то незаметно... Что же, если для дошкольников — то чем примитивнее, тем и лучше!..

А вот другой автор, В. Некрасов, как видно, придерживается прямо противоположной точки зрения: в вяк акселерации, видимо, полагает он, с дошкольтами надо и в поэзии разговаривать строго «научно»: «Опускается снег точно вертикально, и ложится везде, где горизонтально. Ну, а если ребятишки него-то не поймут, беда невеликка — пусть попросят кого-нибудь из взрослых прочитать соответствующие пояснения из учебника геометрии...

Впрочем, при чтении некоторых строк есть основания опасаться, что даже взрослые диди и тети не всегда смогут ответить достаточно четко на вопросы, возникшие при этом. Что и пример, означает загадочная фраза из стихотворения Г. Лагздыни: «В небе очень тучно! Почему, скажем, Е. Гульга называет рыбацкие сапоги не только бахилами, но еще и... громилами!» Ведь последнее, если верить «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, означает или вор, производящий кражу со взломом», или «участник погрома»...

Видимо, «редким душевным состоянием» вызваны и такие удивительные строчки С. Панины:

Скажу:
«Майна!» —
Понимает,
Грузы наверху
поднимает.

А мы-то до сих пор считали, что сигналом к подъему груза (разумеется, «наверху») — можно ли поднять «книзу»!..) служит команда «вира», а «майна» — сигнал к опусканию, к подаче груза вниз...

Давайте просто почитаем стихи, не останавливаясь на смысловых неточностях. Как говорят иные ценители, впитывая лишь музыку стиха. Но — увы! — и здесь, оказывается, не все ладно! Как, скажем, произвести в рифму слова «комфортность» и «клеткр» из стихотворения Е. Гульги «Выбор»? А тогда читатель, как поражает автор, «ворованно» обратится перед ним (М. Нилин, «Магазин»): «— Кот, простю! Озоровала, бывало, и ворована, но теперь, как говорится, этого не повторится», — то звучит это не очень музыкально: спотыкаешься на «бывало» — тут явный ритмический «сбой» в стихе «при говорится» едва ли согласуется с представлением о мыши в когтях у кота. И ссылка на юмор положения не спасает...

Стихи В. Некрасова подчас потрясают образуживающей простотой: скажем, в «Стихах про грому слово «гром» повторено девять раз и сопоставлено, в конце, в конце, в конце «гром» есть только две короткие фразы: «Гром ударил громко», «И сказали стекла» — вот и все стихотворение! Впрочем, еще более поражают «Стихи про майн, в которых «зверды, как комары; и — судят...», а «вокзле звезд чуть-чуть, как у зверя, «глаз» пок. Стыдно нас не может чуть-чуть. Жаль только, что стихи обрываются на этом таинственном «чуть», вот в том, что нас может чуть, увы, ни детям, ни взрослым никогда не узнать...

Конечно, есть в сборнике и несомненно удачные стихи, скажем, Т. Эдлуткиной, В. Лемина, Ю. Шербакова. Но они составляют лишь незначительную часть среди множества стихов неудачных. Неудача же произошла, видимо, потому, что создавались эти строки и стихи при явном отсутствии того «редкого душевного состояния», о котором так верно сказал автор предисловия. Не знаешь он только того, что верная дорога к приложению его многим произведениям стиль прокладывается ему книжки...

Л. ШЕРШЕВСКИЙ

ТАГАНРОГ

ПУБЛИЦИСТИКА

ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО...

О БИТВЕ за Берлин, о последних днях фашистского рейха написано немало книг очеркового и мемуарного характера. Может быть, приходит время и для эпопеи, но пока читатель с волнением знакомится с каждым новым свидетельством очевидцев, ища драгоценные подробности важнейших исторических событий.

Новую Великие жизнь обретают выпущенные Агрой Макарено «Белые флаги над Берлином». Подзаголовок «Из блокнота военного корреспондента» подчеркивает достоверность события и документальность публикации.

Помнится, через три десятилетия после Победы писать о том давнем, ушедшем в прошлое, уже стало достоянием истории, приобрело как бы свою формулу, составленную из ряда перекрещивающихся свидетельств, как наших, советских, так и обычно появляющихся на Западе.

В. Макаренко был на 1-м Белорусском фронте, если можно так выразиться, именным корреспондентом «Правды»: иногда его телеграммы и корреспонденции носили характер сводки военных действий.

Теперь он взял на себя роль летописца и в цепом справился с нелегкой задачей: читатель получит представление и о размахе берлинской операции, и о мастерстве наших военачальников, и — что в данном случае еще важнее — о быте войны. В книге много фактов и деталей, увиденных острым взглядом корреспондента «Правды», постаравшегося в положение военного специалиста, но оставшегося очень мирным очеркобразному газетной полосы, проходящим обучение в боевой обстановке.

Лучшие страницы книги — те, где автор говорит о лично им увиденном и пережитом. Таков неизбежный закон литературы, в том числе документальной. Каждый из нас, свидетелей и участников войны, как бы он ни был опытен и зорок, все же был ограничен, так сказать, сектором обзора и мог разглядеть сквозь огонь и дым битвы лишь отдельные ее фрагменты. Я не отнимаю у своих товарищей права на обобщения. Мне ясно, что одни личные впечатления не могут теперь воссоздать всю картину. А все-таки как дороги эти самые личные впечатления, как они выпуклы и ярки на общем фоне документального повествования! В. Макаренко переносит рассказ о берлинской битве дневниковыми страницами и письмами из родного колхоза на Смоленщине — от одинаковчан, от председателя колхоза — своего отца.

Важны и интересны и те страницы, на которых изложены факты и события, свидетелем которых просто не мог быть один корреспондент. А все же личные свидетельства интересней, достоверней, хотя и носят, так сказать, индивидуальный характер. К счастью, в книге В. Макаренко преобладает лично увиденное, пережитое, выстраданное. Мне показалось, однако, излишне «беллетризованным» описание штурма рейхстага. Автор вводит здесь диалоги, которые не могли быть им услышаны тогда.

Я. Макаренко пользовался свидетельствами, исходившими преимущественно от воинов 150-й стрелковой дивизии. (В ее составе были Егоров, Кантария, Берест — те, кто водрузил знамя Победы на крыше рейхстага.) Герои 150-й, конечно, имели все основания писать на стене «Здесь размостились завоеватели рейхстага». Но нетонисец не волен говорить только о них. Яков Макаренко, конечно, помнит, что рейхстаг — это здание величиной с квартал, силами одной дивизии его бы не взять. В то время, когда воины 150-й врывались на ступени «объекта 105» (так именовался рейхстаг в штабных документах) с одной стороны, другой вход штурмовали славные воины 171-й дивизии — у Макаренко так получается, будто героическая группа капитана Макова, в том же бою установившая флаг на крыше, — тоже из 150-й дивизии, в то время как эти добровольцы принадлежали штабу 79-го стрелкового корпуса.

Это не «деление пирога славы», а необходимые уточнения, отнюдь не умаляющие доблести одних частей за счет других.

Яков Макаренко убедительно показывает работу писательских и журналистских сил в дни битвы за Берлин. Особенно дороги нам строки, относящиеся к фронтовой работе Всеволода Вишневского и Бориса Горбатова, Всеволода Иванова, Сергея Борзенко, Мартына Мержанова — тех славных товарищей, которых уже нет среди нас. Трудная и опасная работа военных корреспондентов нарисована спокойно и деловито.

Много достоинств у этой книги. К чему в отношу и показ бравого солдата советского и полных воинов в битве за Берлин и рассказ о новой жизни Германской Демократической Республики.

Библиотека берлинской битвы пополнилась. Это хорошо.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Я. Макаренко. «Белые флаги над Берлином. Из блокнота военного корреспондента». Воениздат. М. 1976.

О ПОДВИГЕ РАТНОМ

НА ВОПРОС «О чем книга «Летопись мужества»?» автор ее, В. Косолапов, в предисловии отвечает так: «...о нашей художественной литературе, вновь и вновь обращающейся к событиям Великой Отечественной войны, к не знающему себе равных в истории подвигу народа в годину суровых испытаний. О значении этих произведений для военно-патриотического воспитания, для формирования у советских людей, у нашей молодежи нравственной морально-политической, психологической готовности к защите Родины, к защите завоеваний социализма».

Литература о Великой Отечественной, созданная за четыре военных года и более чем за тридцать послевоенных лет, поистине большая и могучая тема. В «Летописи мужества» дается общий абрис лишь одной прозы, а более или менее обстоятельному рассмотрению подвергаются отдельные романы и повести: «Живые и мертвые» К. Симонова, «Блокада» А. Чепуриной, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «В полдень на солнечной стороне» В. Кожевникова, «Потерянный кров» И. Авилова, «Судьба» П. Проскурина, «Обелиск» и «Волны стали» В. Быкова...

Героический пафос, исследование нравственных проблем, актуальных не только для поры огневых сороковых, но и для наших дней, утверждение социалистического гуманизма — все это, как и многое другое, заключенное в названных произведениях, способствует формированию героико-патриотических, интернациональистских черт характера нашего современника.

В. Косолапов рассматривает избранные им книги в контексте всей советской прозы о ратном подвиге народа, стремясь одновременно показать какие наиболее существенные черты ее развития выражают вот или иная книга, та или иная повесть. Он верно отмечает мужание военной эпопеи, ее наиболее характерные особенности у разных авторов, всевозрастающую силу психологического анализа в военной прозе, глубину проникновения во внутренний мир героев. Убедительно всего, на мой взгляд, ведет он разговор о трилогии К. Симонова «Живые и мертвые», сопоставляя ее с жизнью.

«Полной мерой оценить войну в свете накопленного исторического опыта народа, — пишет В. Косолапов, — ярко и всесторонне показать истоки, характер и значение нашей победы — в этом направлении идут плодотворные поиски сегодняшней военной прозы».

Автор «Летописи мужества» справедливо отмечает, что знание прошлого помогает предвидению будущего. В этом заключено, по мнению В. Косолапова, одна из главных причин неослабевающего как писательского, так и читательского, общественного интереса к истории Великой Отечественной войны. Потому такие актуальные, остросовременные изучение приобретают, в частности, социально-политические проблемы более чем тридцатилетней давности, философские и художественно примененные советской литературой.

Оценивая книгу «Летопись мужества», нужно, разумеется, учитывать ее объем и замысел: книга, предназначенная, пишущий для массовой серии издательства «Знание», должен не только владеть обширным фактическим материалом, но и быть умелым пропагандистом достижений нашей литературы. Книга В. Косолапова, если рассматривать ее в этом плане, несомненно, заинтересует ее широкую аудиторию, которой она адресована.

И. КОЗЛОВ

В. Косолапов. «Летопись мужества». Издательство «Знание». М. 1976.

Иллюстрация художника В. Гонкаренко к сборнику стихов Галины Каденной «Счастье живет в человеке». Издательство «Днепро». Киев.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: МЕРА ТОЧНОСТИ

ИСТОРИЯ — МАТЬ ИСТИНЫ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Сегодня выступлением академика Д. С. Лихачева мы завершаем обсуждение методологических проблем литературоведческого анализа («ЛГ», №№ 1, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 15 за этот год).

СТАТЬЯ С. Селивановой «Яркий бисер на тонкой нити» («ЛГ», № 1, 1977) подинимает очень большой и очень болезненный вопрос нашей науки о литературе. Думается, что и не только науки о литературе так же и искусствоведения. К сожалению, наша наука очень часто идет сейчас по пути построения различных «карточных домиков». Это не может не тревожить.

Статьи и письма в редакцию «Литературной газеты» — откликами на статью С. Селивановой и ответы на анкету журнала «Вопросы литературы» «Нужны ли в литературоведении гипотезы?» (№ 2, 1977) принимаются одной мысли: литературоведение должно быть радостной наукой, должно доставлять глубокое интеллектуальное удовлетворение. Наука — творчество, а творчество дарит счастье и самим творцам, и тем, кто этому творчеству внимает. В науке, как и в искусстве, нет места серости, сухому повторению избитых истин, унылому догматизму или слепому доверию авторитетам. И само по себе такое единодушие в заботе о нашем литературоведении — факт чрезвычайно отрадный.

Но дальше начинаются расхождения. Что называть «интересной гипотезой», что считать гипотезой вообще, каковы пределы допустимости в науке различных предположений и даже «сумасшедших идей»?

Одни из участников дискуссии в «Литературной газете» развяно заявляют: «от Пушкина не убудет» от выдвигаемых по поводу его произведений гипотез. Нет, «убудет», несомненно «убудет», ибо запутает читателя, лишит его уверенности в своем собственном понимании Пушкина. Все зыбко, все можно толковать и перетолковывать. Читатель быстро становится скептиком. Устав от «гипотез и разысканий», он выкинет их в конце концов за борт своего сознания и скажет: «Буду читать Пушкина без помощи литературоведов, надоели».

Может быть такое? Не только может — непременно будет. Ведь сочинительство под видом гипотез различных парадоксальных предположений лишает читателя стабильного текста, простого его понимания, грозит утратой доверия к литературоведению вообще. С. Башинский в статье «Тройка» — только за авторомие» («ЛГ», № 13, 1977) правильно называет такое сочинительство «бедствием».

Многое из того, что торопятся в дискуссии по поводу допустимости и даже желательности любых гипотез, вызывает серьезную тревогу: не поведет ли это вообще к забвению самих принципов науки, научной методики, да и самих целей науки — науки, которая служит не интересности как таковой, а познанию истины в первую очередь. Забава ради забавы часто кончается простой усталостью.

Рефрефрд как-то сказал: «...только любитель может позволить себе выказывать забавы ради много догадок сразу без достаточных на то оснований».

О ГИПОТЕЗАХ В НАУКЕ...

Мелькающие то тут, то там в дискуссионных высказываниях мысль, что научное исследование начинается с гипотез, которые потом проверяются как-то и оказываются либо правильными, либо неправильными, неверна. Мысль эта даже вредна — особенно для начинающих ученых, которые могут решить, что талант проявляется прежде всего главным образом в «конструировании гипотез».

В редакционной заметке, предваряющей опубликованные в журнале «Вопросы литературы» высказывания различных советских литературоведов о гипотезах и разысканиях, ставится знак равенства между «научными гипотезами» и «предположениями». В гипотезам отводится роль «толчка **дальнейшему** (подчеркнуто мною. — Д. Л.) научному творчеству». Исследовательская работа мыслится журналом «за рамками возможностей журнала».

Между тем гипотеза — это один из видов конечного обобщения или объяснения открытых фактов. Научное исследование не начинается с обобщения, которое потом «применяется» к материалу: идет оно ему, как шляпка к лицу девушки, или не идет. Исследование начинается с рассмотрения всех относящихся к проблеме данных, с установления фактов. При этом изучение ведется определенными научными методами. Красота научной работы состоит главным образом в красоте исследовательских приемов, в новизне и скрупулезности научной методики. В. Кожинов, говоря о «высших принципах сов литературы», говорит о плодотворности «раскованного, задирающего слова». «Раскованного» от чего? От пут научной методики? Но разная научность, разная **научность** «сковывает»? Нет, именно она-то и приводит к открытиям. Она дает метод обнаружения истины. Научная методика прокладывает путь, не позволяет, не ограничивает исследование, не «осаживает» исследователя, а, напротив, дает ему возможность подняться над банальностью.

Попытки предполагать задиристость в «раскованности» в технике, в медицине, в строительном деле, даже в искусствах (живопись без элементарного знания техники и технологии красок; скульптура без знания свойств материала; прикладные искусства с одними «парадоксальными» приемами — тут уж и сам абстракционизм покажется верхом искусства). Возьмем даже такую близкую к литературоведению область, как исторической науки, — попробуйте предложить что-нибудь подобное там (хотя бы рубрику статей «Гипотезы» в «Вопросах истории» или «Исторических записках»). Что за несчастная наука литературоведение, где главным творческим принципом должна быть «раскованность»!

Итак, гипотезы возникают на основе наблюдений. Точный анализ этих наблюдений и приводит к созданию гипотез. Что дальше? Выдумывать гипотезы в результате иногда очень длительной проверки опытом становятся теорией, то есть, как утверждает физик Л. Пономарев («По ту сторону кванта», М., 1971), «сжатым объяснением части явлений на основе немногих общих принципов».

Так обстоит дело в физике, но не совсем так обстоит оно в литературоведении. Физика изучает общие явления — искусство же очень часто единично в своих высших проявлениях. Поэтому гипотезы в литературоведении не переходят в теории или в законы развития литературы. Они остаются на уровне объяснений явлений или совокупности явлений. С их проверкой опытом дело обстоит поэтому гораздо сложнее. Гипотезы в литературоведении становятся фактами постепенно, через дополнительные наблюдения, через открытие какого-либо нового доказывающего документа и пр. Чем неожиданнее новый круг обнаруженных фактов, подтверждающих гипотезу, тем она убедительнее.

Должна ли гипотеза быть «красивой», «интересной» и т. д.? Безусловно, должны. Исследователь нашего творчества показывает, что даже в точных науках первоначальный импульс к рождению гипотезы — эстетический. «Эстетическое удовлетворение» — это для ученого начинающий и завершающий момент создания новой гипотезы.

...И О ТОМ, ЧТО НАЗЫВАТЬ КРАСИВОЙ ГИПОТЕЗОЙ

Дальнейшие рассуждения относительно гипотез обычно таковы: зачем лишать читателя гипотез талантливых, парадоксальных и пр.? Согласен! Пусть читатель будет в курсе литературоведческих разысканий. Это прекрасно. Приобщим читателя к науке, но именно к **науке**, а не к фантастической романистике, вызывающейся у знаменитых авторов и знаменитых памятников, берущей взаймы у памятников их известность.

Так что же называть интересной гипотезой? Большинство отвечавших на вопрос предполагает гипотезу неожиданную, парадоксальную. Рассуждающие так забывают о цели науки. Идти этим путем — значит заменить науку фантастикой.

Что я называю интересной и красивой гипотезой? Вот пример действительно интересной гипотезы. Изучают один из древнерусских сборников, в начале которого находится летопись, названная Карамзиным Ростовской. А. Шахматов предположил, что она представляет собою слияние Новгородского летописного свода, составленного точно в 1539 году, и Московского, составленного в 1479 году. Это подлинное открытие полностью подтвердили эту гипотезу А. Шахматова. Ему удалось найти впоследствии рукопись, отдельно отправившуюся в этот Новгородский свод 1539 года, и Московский свод 1479 года. Открытие рукописей Новгородского летописного свода 1539 года и Московского свода 1479 года называют известный случай с открытием астрономом Леверье планеты Нептун: вначале существование этой планеты было доказано математическими вычислениями, и только затем Нептун был открыт непосредственным, визуальным наблюдением. Обе гипотезы — и астрономическая, и литературоведческая — потребовали для своего создания не способности к конструированию парадоксов, а большого предварительного труда. Одна была обоснована сложнейшими методами шахматовской текстологии, а другая — сложнейшими математическими вычислениями. Талант в науке есть прежде всего способность к упорному творческому (дающему творческие результаты) труду, а не простому сочинительству. Только проникнувшись этой мыслью, и можно воспитать новое поколение ученых — талантливых, трудолюбивых и отвественных за свои гипотезы.

Или другая гипотеза — гипотеза, которая в конце концов совместными усилиями многих ученых привела к разгадке десятой главы «Евгения Онегина». В 1901 году вдова Л. Майкова пожертвовала Библиотеке Академии наук ценнейшее собрание рукописей гадючного пушкинского места. Это, была гипотеза, к которой не было ничего парадоксального, эксцентричного и, казалось бы, даже не эффектного. Но ключ, предложенный П. Морозовым, в результате усилий многих ученых повлек за собой осмысление всего целого. Окончательным и бесспорным разъяснением всего вопроса явился доклад С. Бонди в Пушкинском семинаре при Петроградском университете — доклад, который так и не был напечатан, но на который ссылается М. Гофман в статье 1922 года «Неизданные строфы «Евгения Онегина». История гипотезы, всех дальнейших поисков и окончательного решения вопроса раскрыта и сама расшифровка уточнена Б. Томашевским во второй книге его монографии «Пушкин». Во всей этой истории, которая читается, как захватывающий детективный роман, трудно отличить гипотезу от поисков. Историей раскрытия десятой главы «Евгения Онегина» может гордиться русское и советское пушкиноведение.

«НЕЦЕХОВОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»?

Отвечая на упомянутую анкету «Вопросов литературы», С. Бочаров ворит о «нецеховом исследовании», которое, по его мнению, «освежает и оживляет мысль».

Может ли писатель внести в науку о литературе какую-либо свою долю? Пишущие всего скажут: в науке нет других профессий, кроме профессии исследователя, и профессиональный подход к литературной науке обязателен для нас, как обязателен он и в любых других науках. Мы же не приглашаем решать технические вопросы или вопросы медицины людей, не имеющих профессионального отношения к изучаемой проблеме. Если за исследование чисто литературоведческой проблемы берется писатель, актер, режиссер, спрос с него должен быть такой же, как с любого литературоведа, и без всяких скидок. Совмещение в одном лице прекрасного писателя и прекрасного же актера-чтеца — не такая уж редкость. Первая пазовку превосходного нашего писателя Федора Абрамова, а из умерших — Юрий Тынянова.

Писатель всегда может сказать о литературе такое, чего не может сказать исследователь. Не будем приводить примеры гениальных интуитивных суждений о современной им литературе Пушкина, Блока. Они были немножко пророками... Приведу только один маленький пример, подсказанный мне в частном письме профессором Е. Маймоном. В «Господах ташкентцах» Салтыков-Щедрин пишет: «Я не предполагаю писать роман, хотя похождения любого из ташкентцев могут представить много занятного, сложного и даже поучительного. Мне кажется, что роман утратил свою прежнюю почву с тех пор, как семейственность и все, что принадлежит к ней, начинает изменять свой характер. Роман (по крайней мере, в том виде, каким он является до сих пор) есть по преимуществу произведение семейственности. Драма его начинается в семействе, не выходит оттуда и там же заканчивается. В вотчинном смысле (роман английский), или в отрицательном (роман французский), но семейство всегда играет в романе первую роль». Описав далее кризис этого семейного романа, Салтыков-Щедрин продолжает: «Романтизированного человека развивается на улице, на публичном месте — вне дедовского пушкинского гадючного места. Это была гипотеза, к которой не было ничего парадоксального, эксцентричного и, казалось бы, даже виртуозности, как, например, это делал Ю. Лихенвальд лет 60—70 назад в своих известных «Силуэтах русских писателей». Но дело в том, что, как бы ни были талантливы эти интерпретации текста, влито то как некая статичная данность, все они не лишены субъективизма и импрессионистичности. Самые блестящие страницы в работах искусствоведов и литературоведов, характеризующие стиль произведения, остаются пустыми фразами, иногда даже мало понятными, пока они не освещены и не освещены глубоким историзмом. Я не случайно сказал «иногда даже мало понятными», так как историческое изучение, изучение произведения как **процесса**, а произведение — это процесс, а не статическая замкнутость, и в одном как-нибудь нашему отдельному, не только доказывает, но и объясняет явление, делает его и ясным, и простым.

Из изложенного мною только что должно быть очевидным, какое огромное значение имеет в литературоведении текстология, не текстология, понятая не как подготовка текста к изданию, а как наука, изучающая **историю** текста. В самом деле, дети перед нашими глазами пишут свои произведения, нет им черновиков, им записей о замысле, то через этот текст, как через одну точку на плоскости, можно провести бесконечное число прямых. Чтобы этого не случилось и чтобы обосновать правильность именно одной, избранной нами интерпретации текста, мы должны искать «точку опоры» где-то вне текста — в биографических фактах, в фактах историко-литературных или общественно-политических. Если же перед нами несколько рукописей, указывающих на поиски автором нужного ему решения, то замысел автора можно в какой-то мере объективно вскрыть. Через две точки можно провести только одну прямую.

Поэтому так счастлива судьба нашего пушкиноведения, что у услугам пушкинистов множество рукописных черновиков. И будь этих черновиков сколько можно было бы нагромоздить и пишущих, и острожных, и просто любопытных интерпретаций многих произведений Пушкина. Но даже и черновики не спасают читателей Пушкина от произвола вышеуказанных интерпретаторов... Это я показал в своей статье С. Селиванова.

А что делается в области изучения «Слова о полку Игореве», где текст единственный и то — поздний! Какое огромное поле чудес субъективных истолкований этого произведения, «как после хорошего теплого дождя», возникает ежегодно...

Чувствую, что пора обратиться к примерам. Примеры мои будут касаться труднейшей области литературоведения — изучения стиля произведений. Нельзя спорить читателю, даже для интерпретации стиля нужна история? Да, не только нужна, но и особенно нужна.

Возьмем писателей, которых труднее всего интерпретировать со стороны их стиля, прежде всего писателей древнерусских. Мастер этого дела Н. Еремин характеризовал произведения Симеона Полоцкого как своего рода «музей редкостей» — по их темам, потому, как они «экспонировались» читателю. Вся характеристика стиля произведений Симеона Полоцкого была написана Н. Еремином на этой единый образ. Не субъективна ли такая оценка, особенно если учесть, что Россия во времена Симеона Полоцкого, в конце XVII века, вообще еще не знала музеев? Нет, не субъективна, ибо оправдывается исторически! Симеон Полоцкий был представителем школьного барокко. Он был воспитателем царских детей. Педагогика того времени требовала наглядного способа обучения по всем предметам. И идея «кунсткамеры» как просветительного учреждения — несколько раз возникала. Это была пора, когда «все грузии во всех садах сорвали одновременно...» (образ, принадлежащий Гёте). Созрели они и в «Вертограде Рекоколном» Симеона Полоцкого. Характеристика стиля Симеона Полоцкого, предложенная Н. Ереминым, образована историей русской культуры.

Обратимся к новому времени. Известна поразительная по яркости характеристика стиля произведений Достоевского, данная М. Бахтиным еще в 20-х годах и уточненная автором и после. Стиль произведений Достоевского полифонический, диалогический и пр., и пр. Слишком буквальное истолкование мнения М. Бахтина привело даже к тому, что различного рода вульгаризаторы стремились показать Достоевского и читателям, и человеком без убеждений, предоставляя им свободу своим переживаниям, а заодно и себе. История русской культуры середины XIX века готова внести поправку в эти толкования и точнее определить в чем правы и в чем ошибаются сторонники, вульгаризаторы или противники интересейшей и плодотворной концепции М. Бахтина. В середине XIX века совершается огромнейший переворот в историческом источниковедении. До того времени в исторических источниках существовало «потребительское» отношение. Из различного рода документов попросту извлекались сведения для построения более или менее связного рассказа о событиях.

Источники не сопоставлялись, разнородные по не анализировались. Источниковедения как науки, в сущности, не существовало. Но вот случилось так, что историки, в середине XIX века столкнулись с различной интерпретацией событий в разных документах. Вот это-то и «опрокинуло» всю систему реалистического рассказа. Каждый роман Достоевского есть своего рода источниковедческое исследование, в котором ни один голос не лишается права на свою точку зрения, и эта точка зрения становится в свою очередь важнейшим свидетельством. Переворот в источниковедении совершился одновременно с переворотом в практике русского суда, где важнейшую роль стали играть показания свидетелей (в юристам известно, как разнородны бывают эти показания) и мнения прелыных. И вот романы Достоевского — эта грандиозные судебные дознания. Поэтому концепция М. Бахтина и верна, и не верна одновременно. Она верна на том уровне произведений, на котором идет источниковедческое исследование и опрос свидетелей. Но она не верна на том уровне, на котором историк устанавливает истину, а в романах ты носит решение. Все романы Достоевского — это прежде всего поиски истины, ведущиеся методами, открытыми в историческом источниковедении и утвердившимися в практике реформированного суда. История русской науки и история русского права опрадывают и одновременно поправляют концепцию бахтинскую «полифонического творчества» Достоевского.

Итак, только историзм способен избавить нас от «вседозволенности в науке», к которому я отношу вкусовщину, краснобайство, поиски эффектных концепций, и в конечном счете — крайний субъективизм. История не только мать истины, но исходная точка для художественных оценок произведений искусства. История текста обнаруживает художественный замысел произведения. Исторический контекст позволяет открыть художественные достоинства произведения. История — мать нетривиальных суждений, мать понимания, мать эстетического восприятия произведения. И если все же, несмотря на весь историзм наших общественных наук — историзм принципиальный и необходимый, — нас порой начинает захлестывать субъективизм, то это происходит потому, что мы недостаточное внимание уделяем истории текста произведений и истории культуры (отсутствующей у нас как отдельная дисциплина). Интерпретируя художественные произведения, мы забываем о культурном окружении. Как искусствоведы, мы недостаточно внимание уделяем текстам. А изучая литературу, мы не исследуем произведений изобразительного искусства, не заглядываем в исторические сочинения и пр., и пр. А порой и историческим опыт своих предшественников.

Современное литературоведение как и современная наука вообще, коллективно. Столкнувшись на путь индивидуальной догадливости невозможно. В науке не было и не будет просто «творцов идей», лиц, «генерирующих» парадоксальные теории и идеи», «гениальных» сами по себе. Эстетическая ценность современных литературоведческих гипотез состоит еще и в красоте **истории** их происхождения и обоснования. Вот почему такое внимание имеют знание истории вопроса, точные историографические сведения в современных литературоведческих трудах.

Исторический подход во всех его видах — от истории текста, истории жизни, истории литературы и общей истории до истории самого вопроса — это «мера» нашей науки, корни ее доказательности и ее самостоятельной литературоведческой красоты.

ЛЕНИНГРАД

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

В. В. ПОЛТОРАЦКОМУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Виктора Васильевича Полторацкого секретари правления Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«От души поздравляем Вас, известного советского писателя, с 70-летием со дня рождения. Мы высоко ценим Ваш многогранный талант, широту Вашего литературного дарования. За полвека творческой деятельности Вы создали ряд своеобразных и значительных книг, по праву завоевавших широкое признание советского читателя.

В Вашей прозе, поэзии, публицистике этого периода мы многие важные события и проблемы народной жизни. Взяты для Ваших стихи и очерки о войне или книги глубоко раздумий и живых глубоких «Разнодуевья», «Зеленая ветка», «Человек и земля», «Негодяй», «Мастер Гусь», «Невелин-городок», — все они написаны с пристальным интересом к современности, с верой в духовные, творческие силы советского человека.

За книгу рассказов и очерков «В дорогие и домах», созданную под впечатлением зарубежных поездок, Вы удостоены Государственной премии СССР.

У Вас за плечами большая и полнокровная жизнь, отданная самоотверженному труду и литературе. Юношей-рабочий, партийный журналист, фронтовик, закончивший учебу в Вершинах писатель, всегда принимающий живое участие в общественной деятельности Союза писателей, вы пользуетесь всеобщим авторитетом у своих товарищей по перу и у читателей.

Ваши литературные заслуги перед Советским государством и советским народом отмечены правительственными наградами.

В день славного юбилея сердечно приветствуем Вас, желаем здоровья, творческой бодрости, новых успехов».

Поздравляя юбиляра также секретарят правления Союза писателей РСФСР.

Виктору Васильевичу Полторацкому довелось не всегда стройным и подтянутым, с лицом строгим, но светлым, как сказали бы в моих родных Горицах. Он и теперь на удивление стройный, и лицо все такое же светлое, только, может быть, больше грусти в его добрых, умных и немного усталых глазах.

Долгие годы чтил я в нем прежде всего очеркиста и рассказчика, истового газетчика, десятилетия отдавшего «Известиям», ставшего одним из зачинателей русской советской литературной газеты — «Литературы и искусства». В 1952 году Виктор Васильевич был удостоен Государственной премии СССР за сборник рассказов и очерков «В дороге и дома». В этой книге я начал лучше мне с ним знакомство. Она до сих пор хранится в моей библиотеке, а прочел другой его сборник — «Жизнь Акима Горшкова». В то время Виктор Васильевич был человеком малоизвестным, теперь же слава Виктора Васильевича. Открыл его для людей. С тех пор и идут по жизни два Акима Горшкова: председатель колхозный председатель и литературный герой, полюбившийся читателям.

О Мещере Виктором Васильевичем написано много. Вся его жизнь связана с Мещерой, с Гусь-Хрустальным, в котором остался его родной корень, а где корень, там, как говорится, зеленеть и самому дереву.

Очеркист, прозаик... Но вошел Виктор Васильевич в литературу поэтическим сборником. Книжку ту хорошо встретили и читатели, и критика. С тех пор неразлучен Виктор Васильевич с поэзией.

Стихи, как принято считать, — это молодость. Молодость духа, молодость чувств, молодость восприятия вечно прекрасного мира. Отрадно сознавать, что юбиленную свою книжку Виктор Васильевич назвал «Стихи». Назвал он эту книгу «На вечерней заре».

А ведь на вечерних-то зорях в нашей голубой Руси зацветают ландыш...

Вячеслав МАРЧЕНКО

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ПОЧТА ПРОХОБРА

О. Кузнецов и Л. Хромов в брошюре «Быстрое чтение» («Наука», М., 1976) констатируют:

«...При чтении текста запоминаются не столько слова и предложения, сколько мысли, которыми они обозначаются (стр. 46).

Далее при очень быстром чтении этого пассажа можно все-таки сообразить, что не слова обозначаются мыслями, как нас уверяют, а мысли — словами.

Г. УТКИН

ВОРОНЕЖ

* * *

В журнале «Вопросы литературы» (№ 1, 1977) напечатана подборка высказываний Уильяма Фолкнера. В ней дважды повторена выразительная фолкнеровская формула художественного творчества.

«...Возможно, из всех наций он (Хемингуэй. — К. М.) создал наиболее законченные и цельные произведения. Непохожие на те величественные и громоздкие творения, которые создал Вулф, попытавшийся, так сказать, уместить всю историю человеческой души **на кончике булавочной головки**» (стр. 214).

«...Человек предвидит свою смерть, на работу отпущено не так уж много времени, вот он и пытается уместить всю историю человеческой души **на кончике булавочной головки**» (стр. 222).

К. Фолкнеру у меня нет претензий: он говорил по-английски, а не по-русски. Но переводчик мог бы поискать образ более точный, более определенный внутренне, чем «кончик булавочной головки».

У булавки есть кончик (острие), есть головка (иногда еле заметная; вспомним Крылова: «Какие крохотки коровки!» Есть, право, меньше булавочной головки. Но у булавочной головки нет кончика.

К. МИХАЙЛОВСКИЙ

НОВОСИБИРСК

* * *

В «Книжном обозрении» (№ 12, 1977) появилось сообщение о выходе в свет «Практического **русско-медицинского** разговорника».

Наконец-то какой-нибудь человек, владеющий русским языком, сможет объясняться на неведомом иностранном языке — медицинском. Но где взять собеседника?

Г. КОВАЛЕВ

КРАСНОДАР

* * *

«Все это натуры незаурядные, очень русские, истовые и искренние (в своих страстях и поступках, Сестры по духу. Но они и очень разные. Особенно старшая, Уварова» («Литературная газета», № 45, 1976).

Как тут не вспомнить сюжет из рассказа юмориста: «Братья удивительно похожи. Особенно младший».

В. ТРЕТЬЯКОВ

* * *

«В северном полушарии дыхание весны с каждым днем ощущается во все более **широких высотах**», — читаю в газете.

По-видимому, все-таки не в «широких высотах», а в высоких широтах, потому что нет высот широких (или узких), но есть широты — высокие и низкие, северные и южные.

В. ШАРАП

МИНСК

...Впотьмах законченный роман лежал тюленем на тахте. Иссяк нарзан. В пустой стакан прозаик звезды, как шаман, ловил с небес, где, как шайтан, метеоспутник тарахтел...

...Аэродром в ночи рычал, и ветры дули, что есть мочи. Сосед на «эрике» стучал, сражался, словно пулеметчик. Прозаик спал...

...Роман готов. Чего еще мне не хватает? Черта лысого? — шептал прозаик горячо и вспоминал из ненаписанного...

ТРАМВАЙ 43-го ГОДА

Вы помните? Авиационное училище маршировало по Галактионовской со свертками из бани, и две сотни молодых глоток разом, рыком — с разворотами плеча и отмашкой — пели грустную песню «Не-забывай-подруга-дорогая-про-наши-встречи-клятвы-и-мечты...». Серебряный кант голубых погон, пилотки, сдвинутые на бровь... Вы помните?.. Они заворачивали за угол, за аптеку, за матовые шары. Они заворачивали — и разом пропадали вместе со своей песней.

Вы помните себя подростком, ребенком на той улице? Неприглядное зрелище — куча грязья с красным мусором. Вы помните — потом появлялся трамвай.

Я помню разболтанный, мотающийся из стороны в сторону вагон трамвая. Такое убожество — ни единого целого стекла. Такое убожество — вся эта улица, по которой он грохочет, улица, где сквозь ржавые и гнутые прутья садовых решеток, сквозь сапренно тлеющий осенний парк сквозят кирпичные стены смиренной иждивенческой скудости, тихого угасания, заброшенности. Такая тоска.

Вы помните четверых мощных парней в пилотских куртках, что курили на задней площадке трамвая?

Они шумно курили странный пахучий табак и топали огромными сапогами, и я наблюдал все свое нехуле, несвежее, распоясанное и смотрел на их крепкое, отменное и радовался, что такое в жизни есть, и бодрил себя: спокойно, пацан, перезимуем, не угаснем!

Открыв рты, мы смотрели на наших старших братьев, как они курили, как они ходили, как они улегали с оружием туда, в центр мировых событий, как они возвращались.

Мы любили их звездочки, погоны, оружие и думали об их коротких встречах с девушками тех лет, с теми дурбин-целиковскими в бедных маркизетовых платьицах, что вздыхали над острыми коленками весело и насмешливо — наплевать на войну!

...«Ночь коротка, спит облака и лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука...» Мне кажется, что люди в те времена не считали прожитых лет и уж во всяком случае не думали о старости.

Трамвай грохотал. Парни на задней площадке гасили свои пахучие сигареты о подошвы и выпрыгивали, не дожидаясь остановки.

— Давай, Ермаков! Вали, как из «дугласа»!

И шли в провал двери один за другим.

***

...Стояла ранняя зима, вернее, осень на исходе. Прозрачность некая была в архитектуре и в природе. В те дни прозаик унывал, скулил, как пес при непогоде, и листья желтые считал, как знаки на небесном своде, авансы будущих похвал...

ЦАПЛЯ

Однажды я жил в Литве на песчаной косе. Получил койку в так называемом пансионате швейников. Пансионат был крошечный — на пятнадцать мест, и плохой — простыни сырые, вода ржавая, да к тому же еще и без швейников. Весь первый этаж с относительным комфортом занято шумное кустистое семейство какого-то короля бытовой химии, и лишь в мансарде жили посторонние: Леша-сторож, Леша-слесарь и я.

Леша-слесарь отдыхал своеобразно. Открывал окно, садился возле в трусах и в майке и играл на гармонии. Играет и курит сигареты, а спросишь о чем-нибудь — улыбается.

Леша-сторож ваньку валял, почти ничего не говорил, а мычал, притворялся слабоумным, таскал из леса огромные корзины грибов и развешивал на сушку. Потом, осенью, я его встретил на Терентьевском рынке, в джинсах и в замшевой куртке, он там эти грибочки толкал по трешке за вязку.

Не знаю уж, как я оказался в этом пансионате, то ли диссертацию собирался закончить, продвинуть вперед любимую генетику, то ли от наступательного бабизма сбежал в очередной раз, дело не в этом, а в том, почему я там оставался. Я тогда на подъем был легок, и деньги уже водились, мог в один момент перелететь куда-нибудь в Кокчетавль, в пещеру, к своим ребятам в Сердоликовую бухту. Но вот не летал.

Пансионат этот стоял на отшибе, на плоском лугу, окаймленном большими деревьями, а за ними сквозил туман и гиль какая-то. Казалось бы, полная и удушающая глухомань, но, странное дело, по ночам меня охватывало волшебное, может быть, даже поэтическое ощущение «всего мира».

По ночам, изнемогая от запаха прелых грибов, я выходил на терраску и слышал крики какой-то птицы, глухие, тревожные и как будто стыдливые, а потом доносился шум больших крыльев, и совсем рядом, в темноте, я чувствовал чей-то таинственный, неуклюжий, но неудержимый полет. Это была цапля, старик. По ночам она улетала, должно быть, в Польшу.

В первые ночи я просто слушал ее крики, ее полет и чувствовал какое-то восторженное волнение, прелесть и сырость жизни, природы, кипень листвы по всей Европе, от Урала до Гибралтара, и все ее спящие города, тусклые ночные улицы и невыразимую женственность ночи. Мне хотелось куда-то сорваться, помчаться, покатить, чтобы поймать очарование, но я уже знал, что при малейшем движении все исчезнет, и потому стоял и прислушивался к ужасающим крикам.

— Цапля-чуда, ухнает, ухала, — однажды прокудосил в комнате Леша-сторож. Он ведь был художником, непризнанным гением, и цапля ему тоже не давала спать.

Рано утром, в тумане, она возвращалась в наш заливчик, и однажды я вышел ее встречать. Вначале в густом и грязноватом молоке слышался только нарастающий шум крыльев, потом солнце посеребрило водяные капли, туман рассеялся, обозначилась некая даль, и прямо на меня вылетела большущая дурацкая птица. Она увидела меня и попыталась резко свернуть, но это у нее не получилось, она неуклюже ухнулась на нижний этаж и полетела вдоль берега, таща за собой свои ноги с выпирающими коленками, оттянутые назад с претензией на стремительность.

Она пролетала совсем близко и даже глянула на меня круглым глазом, который у нее располагается прямо над клювом, а клюв, то есть рот, сложен у нее в глуповатую и застенчивую улыбку, а взгляд ее говорит — ах, я знаю, как ужасны мои ноги, что так нелепо, будто тяжелые сучья, тянутся за мной в полете, ах, я несчастна!

С тех пор я встречал ее не раз, может быть, каждый день. Скажу больше — я искал встреч. Я выходил на гребешок дюны над мелкой, проросшей травой заводью, садился и ждал цаплю, и она появлялась из-за мыса и застывала с поднятой ногой при виде загорелого мужчины, то есть меня, останавливалась, как дурнушка-переросток, скованная смущением.

А ночью я ее, к сожалению, не видел, а слышал лишь крики, тревожные, глухие и страстные, и шум крыльев. Может быть, в Польше у нее был друг, и она летала на рандеву?

Однажды, ближе уже к осени, я встретил ее на автобусной остановке. Успокойся, мой друг, это шутка, гипербола, художественное преувеличение.

Была ночь, и лил дождь, и я зашел под навес остановки перекурить. Чиркнул зажигалкой и увидел в углу понурое существо, девочку-цаплю. Вода стекала с ее слипшихся волос и с коротенькой болоньи, и под голенастыми ногами натекла лужица, а в глазах вот все это и было — там жила цапля с ее стыдом, мольбой и надеждой. Сначала я опешил, а потом заговорил с ней, но она отвечала непонятными междометиями и короткими фразами.

Что же получилось? Да ничего. Как обычно. Она уехала, а вскоре и я уехал. На несколько лет я забыл про эту птицу, а вот сейчас, скоро мне уже сорок, и я все чаще думаю о ней. Мне хотелось бы внедриться в ее генокод, отыскать ту хромосому, которая не давала спать мне и Леше-сторожу и вызывала ощущение «всего мира», этого летучего, мгновенно испаряющегося аромата, который могут поймать только юные ноздри, да и то не всякие...

***

...Все было тихо. Выезжал два раза Феб в своей коляске. Но вдруг возник «девятый вал» зловещей масляной окраски, как Айвазовский написал, а он при всей своей закваске из масла воду выжимал весьма умело, без опаски... Вообще был славный адмирал.

Василий АКСЕНОВ

В ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Рисунок М. САЛИНА

ВЫСОКАЯ ЛУНА

Эх, милая, да ведь это же для тебя, для тебя, для тебя, так высоко, высоко, высоко поднялась луна!

Вот ты сейчас сидишь передо мной такая уверенная в себе, спокойная и холодная, немного усталая, ничем тебя не проймешь, но вдруг какой-то поворот головы — и мгновенный вечер скользнет по зеркалу, и сквозь мгновенную рябь проглянет та девочка с шалыми глазами, та, что бежала когда-то, засунув кулаки в карманы курточки, мелькала вдоль садовых решеток и застывала в тени колонны, стены, ниши, подворотни, разбросав рыжие патлы.

Ты помнишь, как в нашей бухте сонной спала зеленая вода? Помнишь, как по Фонтанке, под горбатыми мостами проплыла колдунья с шестом? А помнишь, милая, наши побеги с лекций изо огромной тяжелой водой... ты помнишь, там, вдалеке, за мостом лейтенанта Шмидта стоял неожиданный визитер — английский авианосец, а мы бежали по помпейсам на неореалистам... Ведь мы смотрели с тобой — раз пять, не меньше — «Рим, 11 часов» и долго после делили наши сигареты, как Раф Валлоне и Лючия Бозе...

***

Что? Это было не с тобой, ты говоришь? Ты говоришь, я тебя с кем-то путаю?

Все равно это для тебя так высоко, высоко, высоко стоит нынче луна!

***

...Волшебный Крым! Там в стары годы, как нынче, впрочем, как всегда, сквозь миндали неслись удоды, сквозь пальцы утекали годы, и Поженян, как друг природы, молил: гори, моя звезда! И провожали пароходы совсем не так, как поезда...

ПРЕДМЕТЫ

Краеведческий музей помещался в еще нестарой красной кирпичной кирхе, чья кровля среди сосен так замечательно гармонизировала пейзаж песчаной косы.

Оказалось, что в кирхе остался орган и там дают концерты артисты из Вильнюса. Однажды мы с маленьким сыном отправились слушать старинную музыку.

Играли в тот вечер Свелинка, Фробергера, Муффата, Баха, Вивальди и пели к тому же из Моцарта, Генделя, Глюка и Скарлатти. Знаете ли, я это люблю! Знаю, что модно и что еще моднее не следовать моде и не любить старинную музыку, но не могу тут выпендриваться и думать о какой-то конъюнктуре — пусть модно или немодно, мне все равно.

Вот, кстати, любопытная штука: когда-то ведь все мы, так называемые интеллектуалы, начали слушать музыку храмов из чистого снобизма. Время прошло, и музыка победила, теперь она струится по коже, как сильный теплый дождь, а на горизонте в июльской черноте вспыхивает тихими молниями. Спасибо тому старому снобизму.

Но здесь, собственно говоря, хочется говорить не столько о музыке, сколько о предметах, о жизненной утвари старого курша Абрамаса Бердано.

Начнем с портрета, ибо там был и портрет. В манере старых мастеров мемельского овощного рынка был изображен Абрамас Бердано в пенте своего могущества, однако уже перед спуском. Голову его венчала кожаная шуйдестка домашней выработки, а под шуйдесткой в облаке библейских истинно авраамовских седин гордо и спокойно вылеплялось красное лицо в крупных морщинах, а глаза его с простой голубизной смотрели на обширный, но привычный балтийский дом.

Рыбацкое племя куршей много веков населяло старинную землю, вернее, песок, — сто верст в длину и три в ширину. Говорили они по-литовски, а на храмы свои ставили лютеранский крест. Они все делали сами, своими руками, они изготовляли предметы и с самого начала и до самого конца жизни они делали эти предметы, в этом и состояла их жизнь, и наш Абрам Бердано все свое сделал сам, отнюдь не думая, что когда-нибудь его вещи станут музейными экспонатами.

То ли дед его, то ли отец сделал ему колыбель, во всяком случае, он лежал в ней так, как будто сделал ее сам. Потом он вылез из колыбели и сделал себе лыжи, потом сплел себе сеть, сделал ловушки для любимого гостя, сарагассового угря, сделал сачки, вырезал весла и, наконец, построил баркас и сшил паруса.

Началось второе великое дело его жизни — он стал строить себе дом и построил его. Затем он сделал прялку для своей жены и два отличных узорных флюгера — один на крышу дома, другой на мачту баркаса. На деревянных флюгерах Абрам Бердано вырезал свои сокровища, всю красоту своей жизни: свой дом, свою корову, свой баркас — и покрасил тремя красками: красной, белой и синей.

Отдыхая, Абрамас Бердано пил самодельное пиво и делал коньки себе и своим детям для катания по прозрачному льду Куршио Марио в веселые дни рождества и пасхи.

Потом он сделал себе гроб и крест.

Теперь все эти предметы стояли перед нами, и музыка европейского Ренессанса как бы освящала их, делала их как бы предметами культа.

Сыти, багры, сети, паруса, бочки, обручи для бочек, лампа, стол, верстено... там, в глубине, на белой стене, висели даже орудия пытки, адские страшные, в человеческий рост клещи. Уж не истязал ли себя Абрамас Бердано для того, чтобы быть причисленным к лику святых в лоне краеведческого музея?

— Нет, это не орудия пытки, — сказал взволнованный маленький сын. — Это не орудия пытки, отнюдь нет. Там написано — это щипцы для доставания льда из проруби. Это не орудия пытки...

Он повторял это шепотом до самого конца концерта, мой мальчик, ему очень хотелось, чтобы жизнь Абрамаса Бердано прошла без мучений.

Она и действительно прошла без мучений, простая долгая жизнь балтийца, но все же и без мучений она, на мой взгляд, была освящена всеми предметами, которые он сделал сам, тем более, что сейчас эти предметы столь торжественно и в то же время скромно, мирно и волшебно освящались музыкой, родившейся в других, куда более величественных мраморных храмах.

***

...Так разгулялась непогода, но Дом Литфонда ликовал: ведь без воды не сыщешь брода, нет совершенства без урода... Пожога ищет ложку соды, но нам не нужен нембутал: прозаик — часовой восхода...

ГЛЯДЯ НА ДЕРЕВЬЯ

Все в лунном серебре — так произнес лопоед, мечтал возродиться сосною на скале. Славянским многоречьем заменил дальневосточную сестру таланта, будем говорить так:

Благороден лик могучего созданья! Все тело сосны суть ее лик. Плюс корни. Корни сосны суть ее страсть. Плюс ствол и крона. Суть сосны — ее суть. В сути отсутствуют — окольные помыслы, страх и угодничество. Еще бы раз родиться сосною на скале!

Иногда сомневаюсь: не мала ли для человеческой души сосна? Иногда сомневаюсь: не велика ли? Иногда не сомневаюсь: кому-нибудь да удалось сознать.

Вещом живой природы повсеместно признан человек. Умолчим о том, кем он повсеместно признан, и воспоем хвалу огромным деревьям, которые не претендуют на венец, но украшают флору.

Семиствольный пучок гигантских вязов с трепещущими под ночным ветром верхами — заблудись среди семи стволов и прислонись щекой к коре. Стань человеческим подкидышем в семье сенной, чудаковатым генералом меж гвардейцев аборигенской колонии.

Огромные дерева наполняют душу спокойствием: могущественная протекция. Под защитой, под покровом, под сенью буков, дубов, кленов, каштанов, берез, эвкалиптов чувствуешь себя надежнее, хотя они, казалось бы, не охраняют от зла, от тех персон, которым на флору наплевать, а такие среди нас есть. Отрешись, однако, от этих сомнений и положись на деревья. Насколько хватит тебя, учись у них героизму.

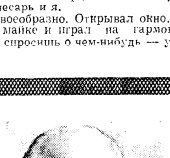
Вспомним и о листве. В зрелости белые ночи выводили на перекрестки, где под балтийским ветром кипела листва, и в ней зажигали желтые светофоры. Глядя на листву, бывало раз вспомнишь ту жадную молодежь, — свое поколение, что прошелестало по Невскому на закат, к Адмиралтейству, и растворилось в кипящей, пронзительно холодной листве.

***

...Во сне предстал пред ним Венецианский Лев, способный обсидать крылатую квадригу. Он к дому тихо шел тропою меж дерев, приблизился к крыльцу и положил там книгу.

...Вот так приходит Лев, ложится на крыльцо, на доски навалясь чугунными локтями. Он к чтению вас, мой друг, расположит лицом. К писанию меня расположит когтями.

Баграт ШИНКУБА



Как это было?

Как это было?.. Первая разлука...
Мне было столько, сколько нынче внуку.

Могу ли, как трухлявое бревно,
То оттолкнуть, что минуло давно?

Воспоминанье детства в тишине
Однажды ночью вдруг явилось мне.

Рассвет... Отец выводит скот пастись.
Мать—вся в слезах: легко сказать—простись!

В мой чемоданчик с петухом на крышке
Укладывает брюки да бельишко.

И рядышком — аджику да чеснок:
«От всех болезней — не забудь, сынок...»

Слезу смахнула. Сытно накормила.
Мне шапку подала. Благословила.

Напутствуя с тревогой и заботой,
Отец со мною вышел за ворота.

А солнце из рассветного тумана
Уж поднялось на высоту платана,

И, белоствольный, листьями звеня,
Без добрых слов не отпустил меня:

«Решил идти — иди! Но возвратись!
И я рванусь за это время ввысь,

И буду ждать — вот входишь ты во двор...»
И тут река вступила в разговор:

«Ты думаешь, что нет реки крупней,
Чем я, летящая среди камней?

И нет добрей?.. Что ж, я и впрямь не зла,
Но помни, уходящий из села,

Есть реки — кораблям широкий путь:
При встрече с ними осторожен будь...»

Вот красный холм над чащею лесною,
Лежал он, как мортаки, предо мною.

Холм, колыбель моя, Лаганнаху,
Где первые шаги, не зная страха,

С отвагой детства сделал, слаб и мал, —
Холм, что меня под тучи подымал.

Ольха одна стояла у опушки,
И камешки пестрели, как веснушки...

И ветер, вдруг с той стороны подувший,
Встревожил слух мой, взбудоражил душу.

«Расчищенную цапды острием
Своих отцов ты землю оставляешь,

Что ты задумал этим светлым днем?
Куда сейчас ты путь свой направляешь?

Кто завтра станет погонять волов,
Кто за сошник возьмется возле дома?

Кто усладит нас песнею без слов?
Кто закрепит ярмо на Буске с Ломой?

Кто с дерева — эй, уходящий сын! —
Корзину спустит для тяжелых гроздьев,

Кто в землю врытый осенью кувшин
Откроет для нечаянного гостя?..

Неужто впрямь уйдешь из этих мест,
Где вырос?» — вопрошало все окрест.

Сквозь чащу ветер мне принес вопрос
Холма, где я родился, где я рос,

Где шел впервые по земле своей...
...А я все шел. И сбоку тек ручей.

«Вернись!» — он вторил ветру и холму...
Как поступить? Никак я не пойму!

И вот сажусь, сомненьем обуян,
На маленький свой, легкий чемодан.

Коснулся взглядом школы деревянной —
Ко мне рванулся сразу шум желанный.

Друзей своих увидел на мгновенье,
Но было это все обманом зренья...

Друзья мои уж к пристани пристали,
Они свои мне адреса прислали...

Один я оставался не у дел...
Как дрозд, на чемодане я сидел,

Стирал слезу, туманившую взгляд,
И чей-то голос звал меня назад.

Нет, нет! Вперед!.. О, новь тех давних лет:
Мечты, дерзанья и ученья свет!

...Я двинулся. Путь становился круче.
Мне спутником кустарник стал колючий.

Дорога сзади делалась все уже,
Я пояс свой затягивал все туже.

Осенний день посеребрил хребет...
Иду пешком. Машин попутных нет.

Куда? В Сухуми! А зачем? Учиться!..
Где, на кого и что со мной случится,

Еще и знать не знаю. В общем — в путь
Я двинулся: пока что в этом суть.

С собой я сказки нес. Их было много —
Мне будто их село дало в дорогу...

Ах, сказки, что я делать стану с вами?
Перескажу ль своими вас словами?

В тетрадке тонкой — сказок содержанье
В стихах. Переложенье? Подражанье?

В тетрадке той красив пока лишь почерк!..
Среди вещей она лежала прочих —

Обдуманно ль?.. Какое там — случайно:
Плод не вкушен и не раскрыта тайна...

Не думал я, что детские писания
Всю жизнь перевернут до основания...

...А вот и тарахтящий грузовик —
И за борт я перевалился вмиг.

Подбрасывало в кузове, трясло,
Меня как будто паводком несло.

Подскакивал — как на коне верхом —
Мой чемоданчик с красным петухом...

Неслись деревья, поднимались горы,
Кипели воды темного Кодора.

И вдруг нежданно синий и зеленый
Сухуми вплыл, закатом озаренный...

Гром разрастался, тишину сжимая,
Во мне надежда вдруг зажглась живая!

...Вот так пустился я однажды в путь
И трудностям в лицо посмел взглянуть.

Как поднимался, как спускался я,
К чему пришел — история своя...

И как потом уже не возвратился
Я в те места, где вырос, где родился...

И сколько довелось всего изведать,
Быть может, позже я смогу поведать...

■

Поймет и слепой, что явилась весна,
По птичьему гаму и пенью.
Узнает глухой, хоть вокруг тишина,
Весну по траве и цветенью.

Но взглядом скользя, на цветы не смотри
И птиц мимоходом не слушай:
Весна — не весна,
Если холод внутри,
И счастье не залило душу...

■

Не мешкая и не спеша,
Я поднимался понемногу,
И светом полнится душа,
Мне озаряющим дорогу.

Тот свет сияет в вышине,
Как дар, как радость, как награда.
О, как он помогает мне
Одолевать в пути преграды!..

Иду — и времени в пути
Не трачу попусту немало.
И вновь — подъем. И вновь — идти
Без отдыха и без привала...

Свершить — чего я до сих пор
Не совершил... Туда добраться,
Где не был... Гром и ветер гор,
Я прославляю наше братство!..

Я шел, я падал, и вставал,
И находил, и сомневался,
Карабкался по спинам скал
И на подъемах задыхался...

А свет манил, а свет не гас
Во мгле и в пелене тумана...
Преодоленье... Десять раз
Я повторять о нем не стану.

А счастье — в том,
А счастье — в том,
Чтоб стало легче хоть немного
Берущим вслед за мной подъем,
За мной пустившимся в дорогу.

Перевела с абхазского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

«Гамлет». Офелия — И. Чурикова, Полоний — В. Ларионов, Лаэрт — Н. Караченцов.

«Ричард III». Ричард — М. Ульянов.

«Отелло». Дездемона — О. Яковлева, Кассио — В. Смирнитский.

Фото М. ЧЕРНОВА и И. АЛЕКСАНДРОВА

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ, заслуженный деятель искусств РСФСР

ДОЛЖНА ЛИ ТРАГЕДИЯ ПОТРЯСАТЬ?

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

О СПОРНОМ И БЕССПОРНОМ В ПОСЛЕДНИХ ПОСТАНОВКАХ ШЕКСПИРА

ДОЛЖЕН ли трагический актер потрясать? Или это не обязательно? Быть может, это требование стало уже старомодным? Я не задавал бы, разумеется, подобных вопросов, если б довольно часто не уходил на театра, где была представлена трагедия, в весьма уравновешенном состоянии духа.

Но, однако, когда на сцене происходит нечто, что переворачивает душу, приносит с собой новые мысли о человеке и мире, зал взрывается его единодушным воодушевлением, то во всяком случае ожесточенным и плодотворным спором. И я испытываю вместе с тем это дивное чувство — театрального открытия.

Ограничим себя в этих заметках хотя бы новыми постановками трагедий Шекспира. Итак:

КАКОГО РОСТА БЫЛ ГАМЛЕТ?

Стоит ли говорить, как ждали знаменитую пьесу, поставленную автором «Рублева» и «Соляриса». Несколько пронзительных решений было на уровне этого ожидания. И прежде всего пантомима «мышеловки», так удивительно сочиненная Андреем Тарковским и поставленная Александром Орловым.

Преступление, увиденное глазами преступников. Гордон Крэг мечтал когда-то увидеть весь ход трагедии «глазами Гамлета». Ему это не удалось. Тарковский осуществил то, что задумал, весьма простым и неожиданным образом: пантомиму убийства короля разыгрывает сам король (еще не убитый), Гертруда и Клавдий. Душой этого представления, бесспорно, является Гертруда — М. Терехова, похотливая и обольстительная в своем кровавом балахоне и трико мима. Совершенно не пойму, почему далее покидает ее трагическая муза.

Поразили меня в «Гамлете» и остеклененные зрачки «мертвой» Офелии — Нины Чуриковой в сцене похорон (не знаю актрисы в мировом театре, что до нее решилась бы сыграть крупным планом на экране такую сцену такого рода). Бирочем, речь об Офелии впереди. Поразительно найдено превращение самого Гамлета в мяч, который прыгает в финале трагедии. Именно в этот момент, когда из груды мертвых тел медленно поднимался Гамлет и, бережно освободив руку королевы, по братски поднимал заколотых им Клавдия и Лаэрта, становилась очевидной одна из важных для А. Тарковского его мысль — о виновности самого Гамлета, вступившего на путь крови. Если так, то мысль эта не нова: «Сердце тигра в обличье ангела» — это из определений елизаветинского драматурга Роберта Грина, отождествляющего Гамлета с его автором. «Гамлеты в ваши стреляют без колебаний», — таково парадоксальное музыкальное сопоставление одного из героев «Улисса» Джойса. Гамлет, поставленный в один ряд с Клавдием, Яго и Макбетом, — далеко не редкие умозаключения иных европейских и американских шекспироведов. При этом такого рода толкователи как-то забывают, что убил всех этих людей, как и самого Гамлета, как и сотни тысяч солдат, идущих в трагедии на бессмысленные войны, сам «вывихнутый век»... Неужели о подобного рода концепциях думал Андрей Тарковский?

По что за странная мысль? Гамлет — подсудимый? Не может быть, чтобы в этом была цель Андрея Тарковского, приглашенного на роль «Гамлета» артиста А. Солоницына, исполнителя Андрея Рублева в фильме, несущего нам пытливую духовность, здесь же, на первых представлениях, явно лишнего масштабов внутренней борьбы своего принца.

Хорошо, что через некоторое время я отправился смотреть «Гамлета» снова, желая проверить свои сомнения. Заметно вырос за это время А. Солоницын, и наконец стадии гамлетовской борьбы стали задевать его куда больше.

Но самое главное, как мне кажется, стало ясно, что же хотел от своего Гамлета А. Тарковский. Поначалу, какие бы ошеломляющие сообщения ни происходили на сцене, актер был непостижимо спокоен. Даже появление тени отца не вывело его из равновесия! И только тогда, когда он понял, что на него возложена миссия не только возмездия, но и единоборства с всем, Гамлет Солоницына зажил на сцене нервно и резко отдельные появились в нем. Тут пастернаковский перевод был заменен точным прозаическим подстрочником М. Морозова, и, внутренне содержанье, А. Солоницын произнес: «Век вывихнут... Почему именно я должен его вправлять! Проклятое несчастье...»

За этим блеск очей живой, удивленный подтекст: «Зачем мне все это надо! Почему именно я, а не другие?»

В житейскую прозу был переведен не только этот стих, но, по существу, и вся роль. С этим и столкнулся впервые: заурядный, «усредненный», «массовидный», как говорят на Западе — «человек маленького каждого», оказался в роли нравственного максималиста, поэта и философа, исполненного «трагедией знания» (термин Л. Пинского), вынуждающего его медлить со своей исторической миссией?!

Какого же роста был Гамлет? Когда играл Мочалов, «исчез его обыкновенный рост: мы видели перед собою какое-то страшное явление, которое при фантастическом блеске театрального освещения, отделялось от земли, росло, и вытягивалось во все пространство между полом и потолком сцены...» Таков был львиный Гамлет Мочалова.

Но Питер Брук в книге «Пустое пространство» утверждает, что язык театра меняется каждые пять лет.

Однако сравнительно недавно коренастый, крепко сколоченный Гамлет Высоцкого явил нам горечь и бесстрашие человека, зарапее знающего, что в одиночку вывихнутый век вправить нельзя, и все же идущего на эту смертную борьбу, ибо без нее он не знал бы, как справиться со своей совестью.

Что значит человек,
Когда его заветные желанья
Еда да сон?..

Пусть даже А. Тарковский пытался превратить принца датского в человека из толпы, которому безразлично свое время для того, чтобы показать относительность такой позиции (наверное, так и было). Но все равно сыграть эту тревожную мелодию «на клапанах» души Гамлета нельзя. Трагедия умирает.

«СМЯГЧАТЬ НЕ НАДО КРАСОК»

Мне многое близко в «Отелло», поставленном Анатолием Эфросом, — спектакле, что начинается с долгого, сосредоточенно-торжественного молчания персонажей, сидящих на круглой скамье башни в преддверии своей гибельной судьбы.

Он наполнен какими-то странными, похожими на африканские, любовными мелодиями, переходящими в кульминациях в музыкальную лавину трагедии. А. Эфрос предложил свой, столь же неожиданный, сколько и убедительный, ответ на загадку, которая вот уже сколько веков находится в центре внимания всех, кто изучает «Отелло»: почему Яго ненавидит мавра?

Театр положил в основу трагедии ненависть посредственности к таланту, зависть интригана, порожденную временем, к человеку светлой души, чья непохожесть непостижима, а посему ненавистна Яго.

Яго — Л. Дуров заполняет собой почти все пространство спектакля. Этот длинноволосый, белокурый солдат в тельняшке — виртуозный мастер сумрачных интриг. Он несет в себе философию изначально низменной сути человека азартно и динамично. Грязная философия эта — его ставка в игре. Он корыстолюбив («Набей потуже кошелек!»), умеет вовремя надеть маску простодушного парня, остроумен храбр похотлив. Похоть, как нес и цели, срывается в ошеломляющей по неожиданности сцене с Дездемоной. И он ненавидит, ненавидит... Ненавидит мавра — с этого слова начинается спектакль, а потом оно оборачивается блестящей мизансценой, когда Яго остервенело швыряет одураченного Отелло о стены башни, как тот когда-то швырял его.

Зло живет и сегодня в мире. Среди груды тел Яго — Дуров, истекая кровью, ползет в финале вверх по отлобам стальной лестницы. Падает, подымается и снова, как недобитое животное, ползет, призывая к бдительности зал. В одной из статей Яго—Дурова так же как в свое время Ульянова —Ричарда III, страшащий отсутствием титанизма демонизма зла. Декадентство ли тратить столько сил на воплощение обыкновенных исчадий?

Шла ожесточенная, кровавая борьба, в которой гибли титаны, а побеждали нигмен, злобные пигмеиствовали, охваченные низкими страстями, тщеславием, корыстолюбием, завистью, писал о трагическом закате Ренессанса профессор Г. Бояджиев. Зло от подобного рода неголдев отнюдь не уменьшилось: они могут не только предать, продать, пытать, уничтожать, но и развязать мировую бойню.

Говоря о светлых началах трагедии и о степени трагического напряжения спектакля, о максимализме в любви, безоглядности в доверии, я назвал бы первой Дездемону — Яковлеву. Вспомнив пушкинское определение «Отелло» как трагедии доверия, я применил бы его — к ней.

Уже в тот момент, когда она входит в сенат, мы видим, что эта женщина совершила нечто чрезвычайное, порвав со всем, что для нее было важно раньше: отцом только Отелло!

«Мой милый!», вскрикнув, летит, как ветер, Дездемона, припадая к груди только что тяжко оскорбившего ее Отелло.

«Ужасный день. Ты плачешь? Отчего?», — снова склоняется она у его ног, после града брани. Или эти метания через всю сцену, когда ее преследует распаленный похотью Яго. И эти детские, умоляющие «...только полчаса... еще минуту...» перед смертью.

Спектакль, поставленный А. Эфросом, с полным основанием можно бы назвать «Яго и Дездемона», ибо только за этими двумя фигурами просматривается интеллигентный, тихий, глубоко сомневающий, но отнюдь не потрясающий своей трагедией главный протагонист совершающегося Отелло — Волков.

У него были сильные места в роли, и он наращивал их от спектакля к спектаклю, но все решающие этапы трагедии пробрасывались в какой-то неясной скоропоспешке, словно актер стеснялся их или поощрение театром современной природы трагического диктовало ему такого рода снижение шекспировского слова и страсти.

А между тем Шекспир был неплохим режиссером — не только когда устами Гамлета давал советы актерам. В финальном монологе Отелло такие подсказки для его роли: «Когда вы будете писать в Сенат об этих бедах, не изображайте меня не тем, что есть... смягчать не надо красок...» И дальше идет перечисление бурных, страстных проявлений того, «что есть» в трагедии и чего нет в этом спектакле у Отелло. Быть может, новый исполнитель роли Отелло — Гафт вернет трагедии ее прежнее название.

Зло живуче! Ф. Энгельс вслед за Гегелем считал, что без проникновения в природу зла нельзя понять нижнихих сил исторического развития. Но он же по раз говорил о значении в этом познании натур цельных и доблестных.

Можно быть прекрасным артистом, как Н. Волков или А. Солоницын, и не обладать трагической палитрой. Когда-то Вахтангов писал: «Все актеры должны быть характерными». Это справедливо. Однако вряд ли можно сказать: все актеры обязаны быть трагическими. Трагический дар редок и уникален. Режиссерский театр в городне своей стал часто ставить «Грозу» без Катерины, «Отелло» без Отелло, «Гамлета» без Гамлета. А мы потом, по слову Фоменки, вслушивались требовать «апельсинов от яблони».

ЧЕТЫРЕ «О!»

В «Отелло» когда мавр узнает о измене Кассиной и Дездемоны, его монолог взрывается четырьмя «о»: «О горе! Дездемона! Дездемона! Мертва! О! О! О! О!» — это Пастернак. Он сохранил даже пять этих волнен. Я в театре их не услышал. Согласен: идет время, и меняется актерская техника. В душевной пустоте «актерского вопля» этот стон легко может обернуться нестерпимой фальшью. Вероятно, надо найти современное выражение этим трагическим «о», но не отказываться от них. Слышим же мы в стенаниях Холстомера — Евгения Лебедева некое пение античной трагедии, и это не смешит, а потрясает.

Возможен и иной путь: перечитывая «Опыты» Монтеня, я прочел в главе «О скорби» размышления о выражении отчаяния. Монтень вспоминает миф о Ниобее, потерявшей семерых сыновей и столько же дочерей. Как известно, согласно мифу, она превратилась в скалу. Эту легенду создали, как пишет Монтень, «чтобы передать то мрачное, немое и глухое оцепенение, которое овладевает нами, когда нас одолевают несчастья, превосходящие наши силы».

Этот подсказ Монтеня очень близок современной актерской школе, но какое нужно иметь внутреннее право «окаменеть, как скала», когда у тебя разрывается сердце! У нас то и дело «превращается в скалу», этого права не имеет.

«Если мы не признаем натурщиками его отчаяния, возмущения души через трагическое потрясение, — **В. К.**), то потому, что его отождествили с каким-то эмоциональным нарывкой. Если мы не признаем трагедию, то потому, что не спутали с наставлениями. «Как Питер Брук», — Питер Брук. Мы помним трагического «Гамлета» или «Короля Лира», чтобы усомниться в приверженности Питера Брука к собственным девизам. Сравнительно недавно в Париже я смотрел его шекспировского «Тимона Афинского» и свидетельствую, что новый Брук по-прежнему верен трагедии.

Последние сезоны принесли настоящие примеры трагических взрывов на сцене нашего театра, но и дал зарок говорить сегодня только о Шекспире.

Я писал уже о Яковлевой, чья Дездемона — бесспорное дитя трагической музы.

Нина Чурикова, быть может, и весьма дискуссионная Офелия — слишком самостоятельна, сильна натура ее роли: «Когда вы будете писать в Сенат об этих бедах, не изображайте меня не тем, что есть... смягчать не надо красок...» В данном случае, в Шекспиру — скорее слабость, чем непокорство. Но, если забыть об этом, сцена сумасшествия истинно трагедийна: она существует где-то на грани поэзии и клиники, ни разу эту рискованную грань не переступая...

Наконец, М. Ульянов — Ричард III в постановке Р. Капланина. Здесь я вынужден быть кратко, ибо «Литературная газета» одной из первых уже сказала свое слово об этом шекспировском создании, о спектакле, который хотя и не отличался героическим звучанием ансамбля, но вызвал живые театральные дискуссии.

...Вокруг гигантского трона, что так часто в истории занимали лилипуты, мгла. Дикие, трагические и похоронные процессии, рыча, когтит друг друга кланы ланкастеров и норков, душат и растлевают детей и женщин. И все это сопровождается ужасом перед волею, вожделением власти и похотью историческое пространство делает «нормальным» появление ублюдка, ставшего калифом на час. Ход трагедии будут отмечать удары колокола, скрежет железа и странный звук капель в тишине. Время? Кровь? Судьба?

Подонок? Черный клоун? Злобный карлик или само воплощение зла? С тех пор, как М. Ульянов почти перестал играть свое отношение к роли (оставляя силу позиции), в нем с особой силой заговорили те минуты высокого трагического стоицизма на сцене, которыми, как я уже писал, мы не слишком избалованы.

Высшая минута роли, когда после всей суетни вокруг трона, после «устранения» всех претендентов, после балагана «отречения», сыгранного с поражающей искренностью, «простодушием» и иронией, Ричард — Ульянов, наконец, понимает — он король! В его голубых глазах — ошеломление невероятным. Полз, клеветал, убивал, но до конца не верил. Короля! Пешка выползла в ферзи! И он падает, теряя сознание. А потом, придя в себя, плачет, целует Бекингема, следует за ним, как преданная собака, а потом стремительно бежит, хромая, на просцениум театра — или истории — чтобы похвастаться и, подмигнув, сказать нам: вот как делаются дела в этом «безумном, безумном мире»!

ШАЛЯПИНСКИЙ МАСШТАБ

М. Ульянов как-то вспоминал Леонидова в роли Дмитрия Самозванца, которому была после сцены в Мокром устроена зрителями двадцатиминутная овация. Он мерил такой мерою истинного современного трагика.

Разумеется, время в искусстве театра и кино — вещь серьезная. Я помню, как хохотал, глядя спустя десятилетия на то, что заставляло меня когда-то плакать в кинозале.

Мы видели на немногих встречах с Шекспиром, как трагедия ищет сегодня новый язык и когда она перестает быть трагедией.

Трагедийность бытия, мощь его движения входят в опыты нашего героического, эпического искусства. Недаром исследование и строительство этой «территории театра» мечтал посвятить свою жизнь Всеволод Вишневский.

Передо мы думаем: что же нужно сделать в кино или театре, чтобы туда так же, как в дни большого конкел, забывая обо всем, устремлялись зрители?

Не вот же: «Две тысячи голосов слились в один торжественный клик одобрения, четыре тысячи рук соединились в одна плеск восторга — и от этого оглушающего вопля отделился неистовый хохот... одного человека, бегавшего по широкой сцене, подобно вырвавшемуся из клетки льву...»

Я видел греческий театр Каролоса Куна, Дмитриоса Рондириса... Помню, что такое, когда на тебя обрушивается стена из тысяч, сотен, прокламуя и призывах к битве сама трагическая муза, родившаяся на греческой земле. «Либо он меня, либо я его», говорил о своем противоборстве с трагической ролью Хмелев. Он почами слушал шаляпинское пение, хотел прорваться к шаляпинскому масштабу в драматической сцене. И прорвался — на той генеральной, на которой его не стало.

Передо мной лица моих современников, талантливых, пытливых артистов, что в момент, когда тот, кого они играют, одолевают «несчастья превосходящие силы», умеют жить на сцене так, чтобы «пугливая, ночная стадна дрогнувшее веко или тихое слово могли заставить замереть зал. Их не так много.

Упрямо, не боясь показаться старомодным, я буду повторять одно и то же: трагический актер должен потрясать!

КОЛОНКА ТВ

СТАРОЕ — НОВОЕ

ЭТИ ДВА телеспектакля роднит то, что оба поставлены по старым пьесам, давно уже не встречающимся в афишах.

«Весенний смотр» В. Шкваркина — лирическая комедия, рассказывающая о трудностях в судьбе учителя Антона Страхова и его соседа по квартире, старого мечтателя Зверева; это комедия положений, в ней характеры прорисованы с изрядной долей гротеска, а счастливая развязка неизбежна. «Осторожно, листопад!» С. Михалкова — психологическая драма, в которой конфликт не просто подмечен, а подчеркнут с нажимом, — для того, чтобы еще очевидней стала необходимость любого решения таких конфликтов. Все очень просто: инженер Шубин оставляет семью, женится на другой, любимой и любящей, первая жена Шубина, Татьяна Леонидовна, преподлев в беду, и старую любовь выходит замуж за хорошего человека Сомова, шубинского давнего друга.

Хорошими людьми в телеспектакле не «оказываются», но являются и остаются все. Режиссер Ю. Сергеев уверенно и даже жестковато строит повествование, так что смело берет верх лирическое начало, пронизавшее весь ритм постановки, каждое движение души и мысли героев. В этом скупом стиле эффекты телевизионном психологическом очерке люди оставлены наедине с собой, своим прошлым. И оказывается, что от прошлого не уйти, что однажды открытая мера ответственности за себя и других не допускает искусственного «сжатия»: она может только расширяться.

Старая пьеса С. Михалкова как будто бы только и ждала телевизионного прочтения. Ю. Сергеев понял это. Очень точными приближениями скупой на приемы камеры, лишь по необходимости возникающими крупными планами, тонко продуманным внутрикадровым монтажом режиссер подчеркнул драматизм самой ситуации, в которой оказались люди, и драматизм неизбежного духовного самосуда героев. И пьеса оказалась созвучной поискам сегодняшней телевизионной драматургии.

Сказанное в особенно относится к финалу, в котором Сомов (его роль интересно сыграл Л. Кочетков) и Татьяна Леонидовна (А. Антоненко) сообщают Шубину (Л. Кулагин) о своем решении пожениться. Неожиданно возникший персонаж «кот автора» предлагает героям... изменить финал. Отказ героев что-либо менять, а затем разыгрывания их о том, что пьеса и на самом деле могла бы закончиться иначе, — все это естественно и цельно звучит на телеэкране...

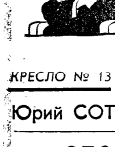
К этой же целостности стремится и А. Вампилов. Взявшись за пьесу В. Шкваркина, режиссер сумел точно стилизовать быт 30-х годов — от шляпок и диванов до густо заставленных коридоров коммунальных квартир. Песни Утесова и Шульженко звучат с экрана, и, кажется, люди двигаются в их ритме, но подчиняет себе не только мизансцены, но и ритм мысли, ритм чувства. Стилизация становится необходимой в телеспектакле. Она открывает что-то очень важное в романтичности человеческих устремлений, требовательности к себе, непримиримости к мещанству.

М. Державин, привычный для десятков миллионов людей ван Ведущий в «Кабачке «13 стульев», предстал на этот раз перед зрителем перевоплотившимся в Верховского — учителя-сплетника, демагога. И в мастерском перевоплощении актера ясно видишь долгий опыт, знание возможностей телевидения. Этот опыт делает особенно интересными и эпизоды с участием Г. Менглета — Зверева и А. Дмитриевой — жены его Марии Михайловны. Заметна и удача молодой актрисы Н. Гущиной (Люба Зверева).

И все же в телевизионном варианте «Весеннего смотра» отчетливо чувствуется некий просчет: мне он видится в том, что такой хороший актер, как П. Круглый, в роли учителя Страхова существует вне заданного режиссером психологического ритма, которому в пору оскорбится, так выгодно отличающее мастеру А. Дмитриевой или М. Державина. Страхов же не в меру серьезен и патетичен...

Очень хорошо, что телевизионный театр ищет резервы в советской драматургии прошлых лет: путь этот богат возможностями. И важно, что делается это с глубоким пониманием преемственности.

Василий КИСУЛЬКО



КРЕСЛО № 13

Юрий СОТНИК

«...ОБОЖАЮ ТОЧИТЬ НОЖИ»

СНАЧАЛА на экране появилась надпись — «По мотивам книги С. Розанова», а потом уж название фильма — «Приключения Травки».

То, что картина сделана лишь по мотивам повести, меня нисколько не удивило. Повесть эта — познавательная, в ней маленький Травка в ходе своих приключений знакомится и с азбукой Морзе, и с устройством парохода, и с работой газетной типографии... «Но, что смог узнать Травка, узнают и тысячи его сверстников — будущих читателей книги». Так, я думаю, мог сформулировать Розанов мотив, побудивший его взяться за перо.

И, если уж кинематографисты сообщают нам, что они поставили картину его мотивам повести, романа и т. п., они тем самым как бы говорят зрителям: «Извините, мы позволили себе внести некоторые изменения в фабулу, но побудили нас взяться за труд те же мотивы, что и автора оригинального произведения».

Как же обошлись с книгой Розанова сценарист Владимир Голованов и режиссер-постановщик Аркадий Кордон?

На экране появляется клоун Чичи-Мори (Юрий Никулин), объявляющий зрителям, что в картине будут рассказаны девять историй про мальчика Травку.

Я помнил, что никакого Чичи-Мори в книге Розанова нет, но появление его в картине меня не смутило. Почему бы такому клоуну не сделаться спутником Травки, не стать своеобразным гидом, который растолковывал бы малышке всевозможные технические чудеса? Но чем дольше я смотрел картину, тем больше убеждался, что авторам ее совершенно чужды интересы хорошего детского писателя Розанова, что они не любят и не понимают современной техники и нисколько не интересуются трудом связанных с этой техникой людей.

Первый эпизод картины неплох. Хорошо снята сцена знакомства Травки (Петя Дегтярев) с девочкой Солнечкой (Марина Вощинина). Тут надо заметить, что Голованову часто удается диалог там, где его ведут дошколята. Режиссер Кордон хорошо работает с такими трудными «актерами». Боюсь только, что это будет единственным моим комплиментом в адрес авторов фильма.

Травка бежит по улице, встречает знакомого точильщика дядю Колю, просит точить его ножик, подаренный Солнечкой. Ну вот, подумал я, сейчас начнется рассказ хотя бы о работе точильщика. Ничего подобного! Травка с удивлением спрашивает, почему дядя Коля поет, когда точит ножи, а тот ему отвечает:

— Потому, Травка, что я обожаю точить ножи.

Затем Травка встречается с неким певцом. Ну что ж! О труде вокалиста тоже можно интересно рассказать. Но авторов в этом эпизоде больше всего привлекает такой прием: дерзка в руке перед собой электрическую лампочку, певец заставляет ее лопнуть от звуков своего мощного голоса.

...Далее Травка и его папа теряют друг друга. С этого, собственно, и начинается книга Розанова, однако и тут авторы картины остаются верны себе. Травка попадает в кабину огромного грузовика, везущего фрукты с юга на север. Тут не только маленьким зрителям, но и многим взрослым, наверное, интересно узнать, что за спиной водителя дяди Сережи, за занавеской, скрывается спальная полка, не которой отдыхает семнадцатилетний парень, — Останавливаться нам нельзя, понимаешь, — объясняет Травке дядя Сережа.

— Понимаю, — кивает Травка. — Чтоб груши не испортились?

А через несколько секунд после этого разговора идет длиннющая сцена этакого пикника на лоне природы, где машина стоит, а водители вместе с Травкой купаются, смачно закусывают, лежа перед белой снаружи со всякой снедью, слушают «Спидолу».

В аннотации к фильму говорится, что в нем показаны «мир счастливого детства и «удивительные прекрасные люди, с которыми встречается Травка. На поверхностный взгляд, Травка в картине действительно счастлив: мы слышим, как много он смеется, видим, что люди к нему добры. Но если взглянуть серьезней, то станет ясно, что Травка книжный куда счастливей Травки экранного — ведь мир первого намного богаче, богаче теми открытиями, которые заставил его сделать писатель и которыми пренебрегли сценарист и режиссер.

Ну, а как насчет «удивительных прекрасных людей»? Вы уже знаете о точильщике, певце и дяде Сереже. Есть еще матрос Матвеич, но ведь это вообще не живой человек, а лишь оперечный персонаж в костюме и гриме «старого морского волка». Таков же и звездочет Васильев, только у него грим другой.

Я люблю сказку и ценю людей, наделенных фантазией. Но я знаю, что богатство фантазии и ее неуемность — вещи разные. Так называемое «богатство фантазии оборачивается иногда бедностью подлинно художественного вымысла, скудостью авторской мысли, решительным расхождением «мотивов» с подлинником.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

Парад сионистов...

Утром 1 мая, уже после того, как прогрессивный Нью-Йорк отметил День международной солидарности трудящихся (удалось добиться от властей разрешения на проведение демонстрации лишь 30 апреля), я перелистал несколько сот страниц воскресного выпуска газеты «Нью-Йорк таймс». Как обычно по воскресеньям, газета отдала приблизительно плотной торговой рекламе, заполнив ею на 95 процентов свою площадь. Читать немыслимо, тем более, что цены теперь такие, что мне лично рекламируемый товар не по карману. Политические же новости в «Нью-Йорк таймс» приходится выискивать между строк, дабы вылущить из лжи подлинные факты.

Но все же в первый день мая в «Нью-Йорк таймс» промелькнуло одно любопытное сообщение: газета поместила заметку о том, что в Дэвидсон-колледже (штат Северная Каролина) подбирают преподавательские кадры на основе христианского ценза». И посему уволили из колледжа одного профессора только за то, что он еврей.

Это проявление местного антисемитизма привлекло мое внимание по трем причинам. Начать с того, что я сам еврей. Другая причина: я только что завершил книгу о том, как Северная Каролина стала «лабораторией расизма и политических репрессий». Именно такую характеристику дал этому штату «Национальный союз борьбы против расистских и политических репрессий» — общественная организация, в которой я состою. Общеизвестно, что в Северной Каролине один из лидеров нашего союза, священник Бенджамин Чейвис и его единомышленники — их именуют «куклинмингтонской десяткой»—брошены в тюрьму за противостояние ку-клукс-клану и местным расистам. Между тем ку-клукс-клан поднял сейчас голову по всей нашей стране и открыто орудует даже на военных базах. А в штате Джорджия, в родном городе президента Картера, расисты недавно выгнали пастора из тамошней церкви, ибо он осмелился пригласить в храм темнокожих богомольцев. Так что расизм и антисемитизм, подавление гражданских прав у нас вовсе не случайное явление и отнюдь не локальное.

И третья причина моего интереса к заметке — с самого утра первого мая все телевизионные экраны Нью-Йорка смаковали очередную сенсацию — городской митинг «в защиту евреев» (его на следующий день, причем на первой странице, вовсю рекламировала и «Нью-Йорк таймс»). Каких, однако, евреев? В Северной Каролине? Да ничего подобного! В Советском Союзе. Сей митинг устроили сионистские организации. Сионистские активисты несли плакаты, безастенчиво утверждавшие, будто в СССР сажают в тюрьму лишь за то, что ты еврей. И ни слова, конечно, о конкретных преступлениях, за которые, собственно, и «сажают в тюрьму». Но отчего бы тогда сионистам не заступиться за Мейера Лански, главаря гангстеров, нажившего миллионы на проституции, наркомании, порнографии? Ведь Лански — тоже еврей! (Впрочем, ему защита и не требуется, так как он беспрепятственно продолжает «заниматься бизнесом» в нашей «стране свободы».)

К сожалению, многие честные американцы евреи, ослепленные реакционными шовинистическими силами сионизма, вовлечены, вопреки собственным интересам, в «борьбу с антисемитизмом» совсем не там, где он действительно существует. А в итоге они вступились за преступников, прикрывавшихся еврейским происхождением.

Как и следовало ожидать, на сионистском митинге присутствовали видные персоны, и среди них личный представитель президента Соединенных Штатов Маргарет Констанца, которая незадолго до того принимала в Белом доме делегацию... гомосексуалистов, снискавших покровительство администрации под предлогом поддержки «прав человека». И это происходит у нас в те самые дни, когда преподобный Бенджамин Чейвис месяцами тщетно ждет ответа президента на свое письмо из тюрьмы!

Если бы сионистские подстрекатели в Нью-Йорке заботились на деле о правах человека в США или за рубежом, то они бы обрушились на ку-клукс-клан и прочие антисемитские, реакционные организации. Вместо этого сионисты предали анафеме наш «Союз борьбы против расистских и политических репрессий» только потому, что член руководства союза Анджела Дэвис выступила в поддержку прав палестинцев.

Нынешний парад сионистов в Нью-Йорке соответствовал духу пресловутой кампании в «защиту прав человека» и явно преследовал цель обелить злодеяния реакции и империализма и подорвать стремление нашей общественности к разрядке международной напряженности.

Майкл МАЙЕРСОН,
член исполнительного комитета «Национального союза борьбы против расистских и политических репрессий»

НЬЮ-ЙОРК

Очень трогательно, что устроители митинга «в защиту советских евреев», который состоялся в Нью-Йорке, взяли на себя труд высказываться от имени всех «трех миллионов советских евреев» (как это было начертано на их лозунге), а значит, и от моего имени. Но поскольку они пока еще не отрицают за мной права и самому высказывать свое мнение, и даже «бороться» за это право, я хотел бы им воспользоваться.

Если мне не изменяет память, уже шестой год проводит манифестация «Конференция Большого Нью-Йорка в защиту советских евреев». Раз от разу эмоции, возникавшие в связи с этими сборищами, все увядали: уж слишком однообразны были нелепости, слишком примитивно звучали вымыслы организаторов. Подозреваю, что то же ощущение оскомины испытывают и жители Соединенных Штатов — как евреи, так и неевреи.

Не случайно ведь на сей раз устроители митинга, чтобы пробудить уснувшее любопытство и подбросить чтобы свежеиспеченным газетчикам, постарались придать своему мероприятию побольше поменостности. И заполучив в качестве своих соучастников видных представителей новой администрации, принялись громко кричать о «новых фактах преследований», которым-де подвергаются в СССР граждане еврейского происхождения «только за то, что они стремятся быть евреями». Шуму, побольше антисоветского шуму! — вот цель «борцов» за наши свободы.

А что еще им остается? Ведь только оглушительный вой и визг могут помешать кое-кому из американцев разглядеть одно удивительное обстоятельство. А именно: все «новые факты дискриминационной политики» Советского государства по отношению к евреям сводятся, судя по подробным отчетам о нью-йоркском митинге, к одному-единственному конкретному «факту» (я цитирую слова некоего представителя «Конференции в защиту евреев»): «В январе советскими властями запрещен ввоз мацы — пресного хлеба, который еврейские семьи употребляют во время праздника свободы пасхи».

Я лично не знаком с еврейскими семьями, которые употребляют в пищу только американскую мацу. Но если такие есть, то, вероятно, им теперь придется готовить мацу самим. Труд не бог весть какой, но все же труд. Это, конечно, неприятно. Но, может быть, это еще не самое страшное в жизни, г.г. члены «Конференции Большого Нью-Йорка»? Послушайте-ка: «Они живут по четыре и по шесть человек в маленьких комнатках — мужчины, женщины, старики, больные, потерявшие рассудок. Они не могут найти никакой работы, ибо в стране работы нет. На что же они живут? Они продают остатки своего имущества на «барахолке». Кому они нужны? Никому. Еврейские благотворительные организации ХИАС и «Джойнт» отказывают им в помощи».

Почему вы не берете этих людей под свою защиту, г.г. из «Конференции в защиту советских евреев»? Ведь они входят в вашу «компетенцию», они — советские евреи. Вернее, те советские евреи, которые поверили вашим посулам, клюнули на вашу демагогию и, как вы любите говорить, «избрали себе свободу». Сейчас они влачат жалкое существование в Остии под Римом, и о судьбе их стало известно лишь потому, что их посетили корреспонденты западногерманского журнала «Шпигель» и французского «Пари-матч» — но не вы, «защитники евреев».

Почему?

Впрочем, я отдаю себе отчет в том, что мой вопрос — чисто риторический. «Родители» этих советских евреев, как и вообще те, кто кричит о «нарушении прав человека» в социалистических странах, никогда не снисходят до ответа, если их уличают в клевете и подлоге. Факты? Какое им дело до фактов — у них своя логика. Судили в Москве или Киеве такого-то? Судили. Он еврей? Еврей. Значит, «евреев преследуют», «евреев сажают в тюрьмы». А то, что судили за мошенничество, или взяточничество, или казнокрадство, — это уж к делу (к сионистскому «делу») не относится. Можно разворачивать шумную, жалобливо международную кампанию о «попрании прав евреев».

Какие только «факты» не пускаются при этом в ход! Мне довелось однажды дискутировать с неким «советологом», сыном Израиля — автором книги «Евреи в СССР». Так этот «знаток» заявил на весь мир, будто евреи в СССР настолько унижены и угнетены, что во время второй мировой войны их даже не допускали к службе в Советской Армии! Да был ли хоть раз сам Израиль в России — до или после революции? «Нет. А зачем?» — возразил он мне. Действительно, для антисоветской кампании это не нужно...

Но правда — рано или поздно — берет верх.

700 евреев, также бывших советских граждан, находящихся ныне в Израиле, направили своих представителей рассказать общественности, чем обернулась для них сионистская кампания «в защиту их якобы ущемляемых прав. И вот — всего за два дня до нью-йоркского сборища — на пресс-конференции в Вене прозвучали слова обманутых сионистской пропагандой:

«Сионистские зазывалы и враги нашей Родины бессовестно повторяют сочиненную ими же ложь о нарушении гражданских прав в СССР, о нарушении им хельсинкских договоренностей. Они напоминают вора, который поднимает крик, чтобы отвлечь от себя внимание. Советский Союз на практике и честно выполняет взятые на себя в Хельсинки обязательства, в том числе и в вопросе выезда евреев в Израиль для воссоединения семей... Но мир, которому мы поверили, обманул нас, обрекая нас на социальные, духовные и моральные муки...»

Устроители нью-йоркского митинга сделали вид (им все чаще приходится так поступать), будто это вовсе не к ним относятся слова о «вере, который поднимает крик».

Специальный помощник президента Картера Маргарет Констанца сделала на этом митинге не лишенное смысла заявление: «...Мы будем искать любой продуктивный способ, чтобы содействовать делу защиты прав человека — здесь и за границей...» Ничего нельзя возразить против того, что официальные представители собираются начать дело защиты прав человека с самих США и что они собираются искать для этого продуктивный способ. Ведь провокационную шумиху, поднятую устроителями нью-йоркского сборища, продуктивной, а тем более разумной никак не назовешь.

Международная общественность все лучше понимает цену крикам сионистов. Их акции на международной арене стремительно падают, и помешать этому они не в состоянии. Почти анекдотичным было заявление членов «Конференции в защиту советских евреев», что они объявляют бойкот Организации Объединенных Наций и что нога их больше не ступит на площадь перед зданием ООН.

Жалкое шутовство!

Генрих ГОФМАН,
писатель,
Герой Советского Союза

МОСКВА

...или жалкий балаган

Как сообщили информационные агентства из США, 1 мая в Нью-Йорке состоялось очередное антисоветское сионистское сборище, созванное так называемой «Конференцией Большого Нью-Йорка в защиту советских евреев». В нем приняли участие представители администрации США и некоторые сенаторы. Сборище это вызвало возмущение широкой общественности.

Американский журнал «Ньюсуик», обычно хорошо информированный о закулисной стороне международных событий, недавно опубликовал статью, начинающуюся следующим образом: «В официальных протоколах Пекина его имя значится среди «прочих» членов делегации конгресса США, посетившей Китай. Но китайцы явно восприняли визит сына президента Джимми Картера. Чипа, куда более серьезно. Заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянь тепло приветствовал молодого Картера и даже отметил, что Чипу как раз исполняется 27 лет. В этом возрасте, шутливо отметил Ли Сянь-нянь, мужчина уже достаточно взрослый, чтобы жениться».

Что это — ничего не значащий обмен банальными любезностями, пустая шутка? Если шутка, то не очень удачная — Чип Картер женат, и предложение «жениться» звучит по меньшей мере бестактно. Однако чуткие к нюансам иностранные журналисты в Пекине хорошо знают, что в этом городе ни одно слово не раздается «просто так» (а в данном случае на это обстоятельство особенно обратил внимание некий «высокопоставленный китайский руководитель», сказавший корреспонденту «Ньюсуика»: «У нас, в общем-то, не завелось поздравлять незнакомцев с днем рождения»). И, уж конечно, в китайском МИДе заранее было известно семейное положение Чипа Картера. Наблюдатели задаются вопросом: может быть, данное пожелание следует понимать иносказательно, и речь идет о добром совете Картеру-младшему: связать себя узами не Гименея, но какого-то другого божества?..

Это подозрение кажется тем более оправданным, что, как явствует из заявления сенатора Р. Швейкера, входившего в состав упомянутой делегации, «официальные лица КНР» неоднократно делали предупреждения американским конгрессменам во время нынешнего визита. Они предупреждали, что «советские войска, находящиеся на границе с КНР», нацелены... против США. Они предупреждали, что «одной из основных целей СССР» является... установление господства над Африкой. Они указывали, что «Соединенным Штатам следует решительно выступить против подобных советских планов». Если США не будут действовать быстро и решительно, предостерегали пекинские «официальные лица», то они утратят свою роль в мире.

Примерно в таком же духе, столь же «откровенно и непринужденно», шли, в частности, и беседы с лидером английских консерваторов Маргарет Тэтчер. Подводя их итоги, Ли Сянь-нянь заявил без обиняков: «Нам остается только одно — подготовиться к схватке». Тут же он пояснил, кого подразумевает под словом «нам» — Китай и страны Западной Европы.

Таким образом, в Пекине на одну и ту же тему могут говорить в самой разной манере: от легкого, светски шутливого тона до едва завуалированного ультиматума. Если же кому-то даже и после этого не ясно, какую «платформу для переговоров» предлагают в Пекине, — что ж, там могут высказываться и исчерпывающе. На совещании в Дацине, как сообщило агентство Синьхуа, Ли Сянь-нянь потребовал «еще лучше претворять стратегический курс (Мао Цзэ-дуна. — **Б. К.**): «готовиться к войне, готовиться к нападению и голоду, делать все для народа». Он заявил: «...Рано или поздно вспыхнет война».

Подобные высказывания вызывают восторг у всех западноевропейских милитаристов и реваншистов. Так, в ФРГ журнал «Национ Ойропа», открыто афиширующий свою нацистскую родословную (подзаголовок его гласит: «Ежемесячник на службе европейского нового порядка»), с упоением писал в апрельском номере: «Наша политическая судьба уже сегодня сопоставляется столь далекими и бедными в прошлом китайцами».

Пекинские рассуждения нашли отзвук и у леди Тэтчер. Во всяком случае, она заявила перед отъездом из Пекина: «С моей точки зрения, жизненно важно, чтобы страны западного союза продолжали сохранять бдительность и примирились с тем фактом, что в обозримом будущем им придется обеспечивать мощную коллективную оборону. В основе этой обороны лежат, разумеется, тесные взаимоотношения между Европой и Соединенными Штатами».

Этот тезис любопытен уже хотя бы тем, что Синьхуа опустило его при переводе речи на русский язык. Поэтому над ним, право, стоит задуматься...

В Лондоне задумались, и в результате родились весьма резонные, как пишет «Санди телеграф», «сомнения среди парламентариев, представляющих все партии, насчет разумности недавних выступлений Тэтчер в Пекине.

А Пекин тем временем продолжает стараться. В тех же китайские дни, когда трудящиеся всего мира демонстрировали свою сплоченность в борьбе против капитала, пекинские лидеры, прикрываясь лозунгом интернационализма, заявили, что они «должны объединиться со всеми силами в мире, с которыми можно объединиться», для борьбы против так называемого «гегемонизма сверхдержав».

С кем же Пекин собирается объединяться? Недавно стало известно, что страны — участницы Европейского экономического сообщества были приглашены в Пекин для проведения «предварительных дискуссий». Намечается поездка в КНР председателя португальской реакционной партии Социально-демократический центр Фрейташа да Амарала, правых деятелей из Японии и других стран. «Полагают, — замечает агентство ЮПИ, — что китайские руководители используют эти визиты, чтобы убедить своих гостей и весь мир в опасности советского экспансионизма».

И вот уже правители расистской �ЮАР поговаривают о «возможности союза с Китаем». А южноафриканский «специалист по международным отношениям» д-р Кюнерт видит вполне реальную перспективу «брака по расчету между некоторыми европейскими странами и коммунистическим Китаем», причем, как надеется Кюнерт, «может быть, удастся включить в такой союз и ЮАР в качестве участника». Из рассуждений южноафриканских политиканов явствует: они считают, что участники этого «брака по расчету» будут скованы цепями Марса, которые куда прочнее уз Гимена...

Б. КРЫМОВ

Демонстрация у Белого дома в защиту прав человека в США

Фото из газеты «Вашингтон пост» (США)

КИТАЙ СЕГОДНЯ

Сватовство по-пекински

Гесс — тот, который в 1945—1946 годах на Нюрнбергском процессе главных военных преступников играл роль сумасшедшего: играл ее, чтобы спасти себя от виселицы. День за днем он обманывал трибунал, и голосами трех судей против одного, советского, судьи отыграл себе жизнь.

Человек этот не просто старый кадровый фашист, он к тому же хитрый мошенник. Сегодня он уже не изображает сумасшедшего. Ему это больше не надо.

Жалеть его? За что? Можно ли жалеть и миловать тех, по чьей прямой вине в мире погибло 50 миллионов человек?

Надо ли быть добрым к одному из тех, кто хотел утопить в крови человеческую культуру, чтобы учредить вместо нее «тысячелетний рейх» фашистских бестий?

Выше уже сказано: мы не забыли, мы помним и детям нашим наказываем помнить. Слишком много тяжелого испытали наши люди. Заповедь, что, если тебя ударят по правой щеке, подставь левую, не для нас.

Милосердие хорошо тогда, когда с его помощью преступника можно исправить. Таких, как Гесс, не исправишь и не «вылечишь». Смешно думать, что Гесс в тюрьме стал демократом. Злоба, и только злоба, кипит в нем. Если бы он еще мог отомстить за свои годы в тюрьме, он бы отомстил.

Чем руководствуются нынешние заступники Гесса? Добротой, состраданием? А не желанием ли — по крайней мере это касается некоторых — завербовать на свою сторону на Западе неофашистов и профашистов, которые когда-нибудь опять могут пригодиться в антикоммунистических целях?

Ведь вопрос о Гессе — это сегодня, как и вчера, не юридический, а политический вопрос. Гесс в 70-х годах — символ неофашизма.

Мы — за правосудие и справедливость. Но не за ложное милосердие.

Эрнст ГЕНРИ

С МЕСТА СОБЫТИЯ

ЛОНДОН: встреча «семерки»

Передо мной — сотни имен, перечень которых занял в газете «Гардиан» целую страницу. Одни с пометками: член парламента, профессор, епископ. Большинство — без звания и титулов. Просто англичане. Они подписались под обращением к президенту США. «При всем желании мы не можем забыть об угрозе ядерной войны, — говорится в нем. — США располагают в Западной Европе таким запасом ядерных вооружений, что его достаточно, чтобы разрушить 20 тысяч таких городов, как Хиросима». Дальше выражается надежда на то, что США будут продолжать усилия на пути ядерного разоружения. Слово «продолжать» набрано курсивом — так подчеркнуто отношение к недавним переговорам между СССР и США в Москве.

Обращение к президенту Картеру появилось в «Гардиан» накануне открытия лондонского совещания «семерки» — руководителей США, ФРГ, Японии, Франции, Канады, Италии, Англии. Лидеры западного мира собрались здесь для обсуждения вопросов военных, финансовых, социальных. Собрались для поисков выхода из трудностей экономических. Для разрешения острых противоречий между союзниками по экономическим и военным блокам. С чем они приехали в Лондон и каков подтекст этой встречи?

Президент Картер заявил, что НАТО следует считать «краеугольным камнем нашей безопасности» и что блок этот надо всемерно укреплять, не жалея финансовых затрат. Почти одновременно были опубликованы данные по разработке Пентагоном новых типов крылатых ракет. Программа их создания обойдется американцам в 5,1 миллиарда долларов. Если по части военных расходов у стран—участниц встречи есть немалые «достижения», то в прочих сферах ситуация прямо противоположная. Специально для лондонских дискуссий Объединенный экономический комитет конгресса США подготовил своему президенту любопытную справку. Из нее следует: предсказания новой администрации о темпах экономического роста страны явно преувеличены. Тот же документ свидетельствует, что в Японии и ФРГ эти темпы по сравнению с намеченными тоже снизятся.

Еще до открытия совещания писали: премьер-министр Англии Джеймс Каллаган предупредит коллег о том, что мир находится ныне на полпути к наиболее серьезному экономическому кризису за последние 40 лет. У английского премьера есть для таких прогнозов все основания. В Англии кризис ощущается как нигде остро. Безработица — один из главных его признаков. Общая же цифра безработных в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, превысила 15 миллионов человек. По сему поводу «Гардиан» пишет, что сейчас это стержневая, постоянная проблема западного мира. Увеличение армии безработных, предупреждает газета, ведет в себе опасность социального взрыва.

Среди других пунктов повестки дня — торговая война, схватка валют, энергетический кризис. В истории болезни современного капитализма они могли бы числиться в графе «экономическая несовместимость». Желание отыскать решения «для всех» сталкивается с интересами каждого партнера. Противоречие, которое до сих пор никаким совещаниям разрешить не удалось.

По поводу лондонской встречи можно было бы привести еще немало цифр, оценок и деталей. Среди последних, в частности, особенно оживленно обсуждаются такие: для Картера доставлен в Лондон самолетом бронированный патитонный лимузин, охраняют президента 250 специальных агентов, прибывших из Вашингтона...

Мне, однако, не менее важной кажется психологическая обстановка, в какой эта встреча завязалась и происходила. Собравшиеся, напоряю, лидеры крупнейших капиталистических стран. Темы их дискуссий более чем злободневны. Речь, казалось бы, идет о событии первостепенной важности. Какова же реакция на это здешних, отнюдь не склонных к излишнему критицизму обозревателей? Она почти единодушна: никто из них не сказал, что ждет от лондонской встречи кардинальных решений либо свежих идей. И, видимо, не без основания «Гардиан» напоминает, что примерно год назад в Пуэрто-Рико уже состоялась подобная дискуссия с подобной же повесткой дня. Тогда, в частности, тоже говорили о неизбежности борьбы с безработицей. Итог — в США она за это время ничуть не уменьшилась, а в Западной Европе увеличилась. Число пушек и танков, впрочем, тоже возросло...

Эдгар ЧЕПОРОВ,
соб. корр. АПН
и «Литературной газеты»

ЛОНДОН

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Школа на скамье подсудимых

18-летний американец предъявил иск своей школе. Основание: он имеет документ об окончании колледжа, но не умеет читать.

Эдвард Донохью, безработный столяр, не в состоянии самостоятельно понять газетные объявления. Не в состоянии выбрать себе блюдо в кафе по карточке меню. Не в состоянии купить книгу. По очень простой причине: он не умеет читать. Однако Эдвард Донохью без особых усилий получил свидетельство о среднем образовании в частном колледже Кошнбга — небольшого городка в штате Нью-Йорк.

Его случай не единичный. По данным федерального бюро просвещения, сейчас в Соединенных Штатах насчитывается 23 миллиона взрослых, которые не могут прочитать даже железнодорожного расписания...

Из еженедельника «Экспресс» (ФРАНЦИЯ)

На Западе в эти дни вновь ведется шумная кампания под лозунгом «Освободить Рудольфа Гесса!». Не только неофашисты, но и многие «либералы» требуют теперь помилования для бывшего заместителя Гитлера, сидящего в западноберлинской тюрьме Шпандау.

Почему?

Потому, говорят его защитники, что нужно проявить милосердие. Потому, что после стольких лет нужно забыть прошлое. Потому, что Гессу 83 года. Потому, наконец, что Гессу надоело сидеть в заключении и нужно его понять.

Да, понять Гесса нужно, с этим мы согласны. Но только понять по-настоящему, видеть его таким, какой он есть, а не смотреть на него, как на несчастного, ни за что ни про что страдающего старца.

Кто такой Гесс?

Он был одним из самых первых немцев, примкнувших к Гитлеру еще тогда — в 1920 году, когда за Гитлером стояла лишь ничтожная горстка сторонников.

Он был правой рукой Гитлера, занимая пост его личного секретаря, затем заместителя, являясь его близким другом. Он в точности, буква за буквой, исполнял все, что тот приказывал, никогда, ни разу, ни в чем не расходился с ним, участвовал после его прихода к власти во всех его злодеяниях. Когда началась война, Гитлер назначил его своим преемником вслед за Герингом.

Он был тем, кого Гитлер в мае 1941 года послал на самолете в воюющую с Германией Англию, чтобы уговорить англичан помириться с рейхом; для того чтобы Гитлер месяц спустя мог напасть на Советский Союз, не опасаясь за свой западный тыл.

Мы не забыли этого. Мы ничего из прошлого не забываем. Когда миссия Гесса в Англии провалилась, Гитлер заявил, что о полете ничего на знал и что Гесс сошел с ума. Но Гитлер знал все, он тогда сам послал Гесса в Англию. Гесс недавно признал это в своих мемуарах, начавших публиковаться в кайрском еженедельнике «Ахер Саа».

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Против ложного милосердия

РАБОТА — ОГОНЬ! (Новокузнецкий металлургический комбинат). Фото **В. БОГДАНОВА**

ДВА КОНФЛИКТА

«Уволить!» — распорядился начальник цеха. «А как же согласие завкома?» — спросили у него. Начальник поморщился. Он и раньше сталкивался с завкомом в подобных случаях. Но на этот раз, как ему казалось, дело было верное. Парень — назовем его Петровым — появился на заводе несколько месяцев назад. Мрачноватый, весь какой-то колючий и настороженный. Женщины относятся к таким сердобольно и сочувственно, а бывалые кадровики, глянув на характерную прическу — едва отросший «ежик», — безошибочно определяют недавнее прошлое. Но нет у нас такого закона, чтобы не брать на работу из-за судимости. Взяли его, определили фрезеровщиком, устроили в общежитие.

Все шло хорошо поначалу. И вдруг — прогул, второй. Объяснения самые неразумительные: «Проспал».

Но Петрова не уволили. Завком не дал согласия. В этом случае нажимали не на букву, а на дух закона. Один из рабочих, член заводской комиссии по трудовым спорам, спросил начальника цеха:

— А как вы думаете, что будет с Петровым, если он окажется за воротами?

— У нас безработицы нет, — уклонился от ответа начальник цеха. — Устроится...

— И пойдет шататься с места на место. А там, глядишь, и угодит туда, откуда к нам явился.

Завком заседал больше часа. Случай был трудный. Дать согласие на увольнение? Но что-то подсказывало: а надо спешить ставить крест на человеке. Решили выслушать мнение рабочих, товарищей Петрова по цеху. Те сказали: «Советуем оставить. Трудный парень. Но есть в нем рабочая жилка, есть азарт к труду». И тогда начальник цеха не стал настаивать на своем.

Такая история. И хорошо бы кончить ее мажорным аккордом: вышел Петров в передовики, фотография на Доске почета. (Бывает, к счастью, и так. Иначе тоже случается: человек не оправдает оказанного ему доверия. И завком снова решает, как тут быть, оставлять ли такого в коллективе.) С Петровым пока такой ясности нет. Работает на своем станке. Не передовик. Но и в отстающих тоже не числится. Посматривает чуть исподлобья, улыбается редко. Конечно, начальнику было бы легче, будь с этим парнем побольше ясности. Но легкий путь — не всегда самый правильный. Из этого и исходил коллектив.

Председатель завкома С. И. Целовальников рассказывает и о другом конфликте: бригадир Л. подал заявление об уходе с предприятия «по собственному желанию».

— Почему? — спросили в завкоме.

— А вам какое дело? — горячился бригадир. — Хочу и ухожу. Не бойтесь, найду себе место.

А случилось вот что: подал бригадир заявку на приобретение автомашины, но ему предложили подождать — желающих много, машин мало. Он сгорячах раз так — увольняюсь!

Долго в тот раз беседовали с бригадиром. Пригласили отца Л., тоже работника завода, заслуженного начальника цеха. Слушая я, как после совещания в завкоме старший Л. ворчал: «Тоже мне, бригадиры пошли! Виданное ли дело — чуть что, заявлением размахивать!» — я думал, что в нашем случае, пожалуй, только вот что, заявлением размахивать! — и нужно.

Остался мастер на заводе. И машину купил. Полтора года спустя.

Что здесь можно добавить? Пожалуй, только одно: в завкоме профсоюза — 27 человек, 14 из них — рабочие. Слесарь Виктор Шустер возглавляет комиссию по охране труда, токарь Михаил Жорников — один из главных «законников» в комиссии трудовых споров. Из тридцати четырех председателей цеховых комитетов семнадцать — рабочие. А всего профсоюзный актив завода, включая завком, цехкомы, профгрупоргов, составляет около пятисот человек.

ЗАГЛЯНИТЕ В НАШ ЦЕХ!

В завкоме рассказывают: на завод прибыла иностранная делегация — профсоюзные работники из Швеции. Гости осматривали цеха, расспрашивали о работе.

— Как это, — не понимали гости, — у вас в одной профсоюзной организации и рабочие, и инженеры, и высшая администрация? Ведь их интересы, должно быть, сплошь и рядом оказываются различными. Кого же защищает ваш профсоюз?

— Жизнь любого советского предприятия, — отвечали им, — построена так, что эти интересы совпадают. А когда дело касается конкретного представителя любой профессии — тут мы вправе высказать свое мнение и действовать независимо на положение человека.

— Это только так говорится, — убежденно твердили шведы. — Попробуйте-ка привести пример, когда кто-нибудь из руководящего состава был уволен по инициативе общественной организации!

И заранее посмеивались.

— Что ж, — сказали им. — Есть примеры. Добавим: к сожалению. Потому что гордиться тут не приходится. Мы были бы рады, не будь у нас поводов приводить в действие именно эти пружины нашей демократии. Но раз вы спросили, не скроем: было, как раз на нашем предприятии.

Да, было. «Пострадали» сразу несколько руководящих работников: отстранен от должности заместитель директора завода И. С. Продан, снят с работы начальник производства А. Ф. Клопенко, привлечены к судебной ответственности начальник отдела комплектации Т. С. Кашпаров и начальник ремонтно-строительного цеха Б. Л. Кармазов. А инициатива исходила от общественной организации — на этот раз от группы народного контроля, которую возглавляет на предприятии Юрий Васильев. Дело началось со звонка по внутреннему телефону:

— Народный контроль? Вам известно, что такое безнарядная продукция? Тогда побывайте сегодня у нас в ремонтно-строительном цехе.

Вечером вместе со своим коллегой — общественником Воробьевым — Васильев был в ремонтно-строительном. В цехе находился единственный человек, суетившийся возле новеньких рам.

— Сверхурочная работа? — спросил Васильев. — Наряд оформлен?

Наряда не было. Чертежа — тоже. Вместо него столяр протянул клочок бумаги — карандашный эскиз. Стали разбираться. Выяснили, что рамы заказывал начальник производства Клопенко. Тот сослался на Кашпарова: «Он мой кум, попросил сделать для своего летнего домика». В орбиту «кумовства» оказался втянутым и заместитель директора Продан, давший добро на всю операцию».

Оговоримся: в самом факте заказа для личных нужд ничего криминального нет. Иногда завод, идя навстречу своим работникам, разрешает им за определенную плату изготовить из отходов производства, скажем, гараж для личной машины, выделяет материалы для благоустройства участка в коллективном саду. Но делается это в законном порядке, без ущерба для производства, с обязательного разрешения администрации и общественных организаций. В этом же случае виновные явно перепутали завод со своим личным хозяйством. За что, как говорится, поплатились.

ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА...

Один ленинградский писатель рассказывал мне о том, как в Японии он был свидетелем забастовки на городских железных дорогах Токио. «Конечно, я сочувствовал забастовщикам, — рассказывал он. — Но причины стачки казались мне странными. После внедрения новой техники стала ненужной должность помощника машиниста электровоза: там, где ездили двое, теперь спокойно управлялся один. Так вот, против упразднения должности помощника и выступали забастовщики. Они победили. Отоспались рабочие место для работников... фактически ненужных. На заводе же мне приводили немало примеров того, как ратуют за технический прогресс участники постоянно действующего производственного совещания, в составе которого — 140 человек, из них 78 — рабочие. Да, конечно, лязгающая машина для резки металлических листов, носящая к тому же малоприятное название «гильотина», — не вершина техники. Но дело ли рабочего думать о том, как заменить ее газорезкой? Ему ли заботиться о том, чтобы устаревший маломощный пресс был заменен новым, высокопроизводительным? Его ли дело, наконец, беспокоиться, как выйдет завод из трудной ситуации, когда на него неожиданно свалился крупный внеплановый заказ?

А такая ситуация на заводе, я помню, была. От городских организаций поступило задание срочно изготовить металлоконструкции для Гренадерского моста через Большую Невку. Заказ для родного города. Сверхплановый. Сотни тонн металлоконструкций! Но как отказаться? Выход искали всем миром. Специальная комиссия постоянно действующего производственного совещания — ПДПС (напомню, что этот орган действует под эгидой завкома, являясь орудием вмешательства профсоюза непосредственно в производственные дела) собрала десятки предложений рабочих, бригадиров, мастеров цеха. Работники служб главного механика, технолога, конструктора — члены ПДПС — рассматривали эти предложения. Смысл предложенного сводился к тому, чтобы обеспечить значительное расширение фронта сборочных работ на существующем производственной площади.

Есть в деятельности ПДПС и другой важный аспект — социальный. Участие в мероприятиях ПДПС открывает перед людьми одаренными и активными перспективы дальнейшего роста. Не случайно многие нынешние руководители различного уровня — в прошлом рабочие, профсоюзные активисты.

«То, что делают профсоюзы, все шире вовлекая трудящихся в управление производством, является лишь одним из проявлений социалистического демократизма», — говорил Л. И. Брежнев в речи на XVI съезде профсоюзов.

Постоянно действующие совещания есть на многих предприятиях, однако, говоря откровенно, не везде они так удачно нашли свое место в повседневной жизни коллектива, как на заводе подъемно-транспортного оборудования. Да и тут получилось это не сразу. Качественный сдвиг произошел тогда, когда работу совещания возглавил Б. С. Войтинский — по должности начальник лаборатории. Образованный, интеллигентный, подчеркнуто вежливый и жаждущий в обращении, инженер Войтинский оказался «человеком с характером», сумел резко поднять авторитет ПДПС.

— Он и главным специалистом завода может в случае чего написать: «Ваша явка обязательна», — говорит директор завода, — и сам я чувствую себя не вправе отклонить приглашение на очередную «сессию» постоянно действующего производственного совещания.

ИСКАТЬ ПОДХОД

Итоги подводит директор завода Николай Михайлович КРИВЕНКО

Про одного из моих предшественников - директоров рассказывают на заводе такую историю. Давно это было, сразу после войны. Ехал директор по территории завода на машине. Вдруг видит: один из рабочих высыпает мусор прямо на зеленый свежий газон. Директор попросил шофера остановить машину и говорит рабочему: «Садитесь, пожалуйста!». Потом выезжает за ворота, снова останавливает машину: «А теперь идите в проходную и заберите свой пропуск. Вы уволены».

Должен сказать, что рассказывают этот эпизод поразному. Одни — с оттенком сугубо негативным: то то, мол, крутые времена были. Другие — немногие, правда, — не без одобрения: вот был порядочек, попробуй-ка нынче такое проделать. Извольте обязательно с профсоюзом согласовать.

Конечно, профсоюзная организация существовала и тогда. Но авторитет общественных, демократических организаций, степень и уровень их влияния на дела всего предприятия с тех пор возросли неизмеримо. Что скрывать, бывали еще среди хозяйственников споры: легче стало теперь руководить или, наоборот, труднее? Помогают или мешают директору общественные организации? Я бы сказал так: помогают тем, что подчас мешают. Мешают быть субъективным. Действовать под горячую руку. Поступаться «дальними» интересами во имя сиюминутных. А что скрывать, такая опасность зачастую подстерегает хозяйственника, над которым «висит» план.

А вообще-то вопрос не из простых. Ведь руководитель при всех условиях остается руководителем, ответственным за вверенное ему хозяйство с него никто не снимает. Оплошал — за общественность не спрячешься, еще она же и «добавит» тебе по заслугам. Стало быть, хочешь не хочешь — находи общий деловой язык со всеми институтами внутризаводской демократии, умей поставить дело так, чтобы все «помехи» обернулись помощью. Далеко ли ходить? И, знаете, если дело поставлено правильно, то «неудобный», ершистый работник оказывается полезнее «удобного» и на все согласного. Войтинского, Васильева, Шустера, Жорникова вы, наверное, уже знаете. Так вот. Таких немало. На ежегодной конференции по заключению коллективного договора между заводским комитетом профсоюза, действующим от имени всех трудящихся предприятия, и администрацией профсоюзные активисты весьма придирчиво требуют отчета: все ли сделано, что пообещала администрация год назад?

Вы познакомились далеко не со всеми формами демократии на нашем заводе. Есть у нас еще совет ветеранов. Есть совет молодых специалистов, совет мастеров, каждый из которых печется об интересах «своей» категории работников.

Но цель у всех общественных организаций одна: искать подход к человеку, будить в нем интерес к творчеству.

Руководитель должен действовать в тесном контакте с демократическими институтами. Плох тот директор, который не находит с ними общего языка.

Е. ВИСТУНОВ,
собственный корреспондент «ЛГ»
ЛЕНИНГРАД

РЕПОРТАЖ О ДЕЛАХ ПРОФСОЮЗНЫХ АКТИВИСТОВ

ВЕСКОЕ МНЕНИЕ

Корреспондент «ЛГ» провел несколько дней на Ленинградском заводе подъемно-транспортного оборудования имени С. М. Кирова.

В своем репортаже он на конкретных примерах показывает, как профсоюзные активисты участвуют в управлении предприятием, как под их влиянием складывается благоприятный психологический климат в коллективе.

О ДЕЛЕ — ПО-ДЕЛОВОМУ. (Заседание местного комитета станции № 10 технического обслуживания автомобилей гор. Москвы) Фото **А. ХРУПОВА**

ИЗ ПОЧТЫ «ЛГ»

СРЕДИ ПИСЕМ, ПОЛУЧАЕМЫХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТОЙ», НЕМАЛО ТАКИХ, КОТОРЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ О ХОРОШИХ ЛЮДЯХ, О БЛАГОРОДНЫХ ПОСТУПКАХ ТЕХ, КТО РЯДОМ С НАМИ ЖИВЕТ И ТРУДИТСЯ.

ВОТ ДВА ПИСЬМА ИЗ ПОЧТЫ «ЛГ».

ДОБРО РОЖДАЕТ ДОБРО

Я считаю, что хороший микроклимат в коллективе зависит прежде всего от стиля работы руководителя. Это он должен в первую очередь позаботиться о гуманном отношении всех к каждому, и тогда любой, даже самый неуживчивый, «трудный» человек станет лучше, научится во имя товарищей владеть собой.

Я часто вспоминаю бывшего директора Немешаевского совхоза-техникума ныне пенсионера Н. С. Строевого. У него был один подход к человеку: приноси ли он пользу делу, на своем ли месте! Я мог бы привести немало примеров, когда он многое прощал «врагам» своим. А ведь они не только выступали против него открыто, на собраниях, но и писали жалобы анонимки. Об одном из них он так сказал: «Не выгоню я Ивана Антоновича. Он хороший, опытный преподаватель. Пусть пишет на меня, развивает свою речь, лишь бы работал хорошо». Я как-то спросил, не обижается ли он на таких людей. И в ответ услышал: «Я Ивану Антоновичу делаю добро, а он пусть сам переживает за свои подлости».

И ведь и вправду мучился Иван Антонович. Многое пересмотрел в себе, в своем характере. Работал изо всех сил...

Не случайно, видимо, Немешаевский совхоз-техникум — образцовый, со всех концов Советского Союза приезжают сюда перенимать опыт. А главное-то в этом опыте — доброжелательный руководитель, тонкий психолог, справедливый администратор.

И. ВАСЯНОВИЧ
пос. НЕМЕШАЕВО
Киевской области

«ДЕРЖАЛИСЬ ВМЕСТЕ...»

Пишу к вам впервые. Мне 22 года. Я — комсомольский работник. Выросла и живу в Алма-Ате. Очень часто хожу в горы. И даже мой первый опубликованный материал (учусь заочно на факультете журналистики) рассказывал наши чудесные горы и беспокойных замечательных ребят из племени туристов. А племя это в подавляющем своем большинстве действительно замечательное!

Однажды нашу группу застиг в горах тот самый жуткий сель, который в считанные часы стирает все живое. Вы только представьте себе: на вас мчится мощный поток грязи и камней-валунов, все сметая на своем пути, с корнем вырывая деревья. Нас было 31 человек. Старший — восемнадцатилетний инструктор. Но не нашлось ни одного, кто спасся бы бегством, мотивируя свои поступки: «Кто хотел — тот выжил».

Поддерживая друг друга, вселяя друг в друга надежду и уверенность, мы продержались вместе, пока пришла помощь.

Лариса ЛИ
АЛМА-АТА

КОГДА РЕШАЮТ СЕКУНДЫ

В Баку действует первый отечественный кибернетический центр реанимации — прообраз медицинской службы будущего

У МЕРЕТЬ на асфальте... В наше время массовой автомобилизации даже совершенно здорóвые люди не избавлены полностью от этого риска. Какова же его степень? К сожалению, не так и мала. Вот две цифры — 60 и 80. Их мне сообщили во Всесоюзном научно-исследовательском институте безопасности движения. 60 процентов смертных случаев, вызванных дорожными травмами, происходят вне больничных стен, причем 80 процентов из этой доли — на месте происшествия. Каждый процент здесь — десятки и сотни человеческих жизней. Подоспей помощь вовремя, будь она более эффективной — и многих можно было бы спасти.

— Когда решают секунды, самое главное не медленно поставить правильный диагноз, — говорит профессор В. Ахутин, главный конструктор особого конструкторского бюро биологической и медицинской кибернетики Ленинградского электротехнического института. — Представьте себе такую ситуацию: на месте дорожного происшествия врач застает двух пострадавших, находящихся в бесчувственном состоянии. Кому оказывать помощь в первую очередь? Внешние признаки обманчивы: находящийся при смерти может выглядеть более «благополучно», чем его истекающий кровью товарищ по несчастью. Речь идет, разумеется, не о том, чтобы, бросив одного, заниматься другим. Все, кто нуждается в помощи, должны ее получить. Но когда на карту поставлена жизнь людей, единственно верное решение должно быть принято в считанные секунды. И там, где традиционные способы диагностики и даже многолетний врачебный опыт могут подвести, вне конкуренции оказываются методы кибернетики.

В конструкторском бюро, которое возглавляет В. Ахутин, разработан кибернетический центр реанимации, представляющий собой неподвижный электронный «мозг» и связанные с ним по радио переносные «глаза» и «уши» — приборы, которые входят в оборудование автомобилей и вертолетов службы. У ЭВМ (слово представление» о возможном течении болезней, ведь она хранит в памяти тысячи их истории — богатейший клинический материал крупнейших медицинских учреждений страны. Самое ценное, что свои рекомендации такой «советник» выдает практически мгновенно.

Кибернетическая служба реанимации с помощью новейших медицинских методов начинает битву за жизнь человека непосредственно на месте происшествия (это может быть и дорожная травма, и любое тяжелое заболевание). По первому сигналу тревоги туда выезжает передвижная часть реанимационного центра — автомобиль, оборудованный всем необходимым для измерения основных показателей жизнедеятельности, прямой радиопередачи этих данных электронно-вычислительной машине и активного медицинского вмешательства на основании полученных с помощью ЭВМ рекомендаций.

А если несчастье случилось не на улице, а в квартире или в другом недоступном для автомобиля месте? В этом случае для передачи информации в стационарную часть реанимационного центра можно воспользоваться специальным устройством, которое подключается к телефону.

ЭВМ не только помогает врачу принять решение о том, можно ли транспортировать больного и какие методы следует применить для улучшения его состояния, но и с самого начала «запоминает» нового пациента, чтобы затем «вести» его до полного выздоровления.

Машина мчится по улицам города, а в центре уже готовы принять пострадавшего. Если необходимо, его сразу помещают в операционный комплекс. Вокруг больного нет толпы медсестер, производящих различные анализы, — эту работу выполняют датчики. Маленький зажим на перегородке носа информирует о частоте дыхания, клипс на мочке уха — о пульсе, столь же малы и просты в обращении датчики температуры, электрической активности сердца, давления крови. Результаты обработки полученной от датчиков информации передаются на табло, которое установлено перед глазами хирургов и анестезиологов. ЭВМ производит состояние больного, определяет степень рабочих.

В палате интенсивной терапии, куда больного помещают после операции, тоже действует система непрерывного автоматического контроля: над каждой кроватью — неусыпные «глаза» приборов. Через заданные врачом промежутки времени они измеряют важнейшие показатели жизнедеятельности и передают их на пульт, за которым следит дежурная медсестра, а также в память ЭВМ. Электронный «мозг» предупреждает врачей о вероятности ухудшения состояния здоровья отдельных пациентов. Например, возможные осложнения у больных, которые перенесли инфаркт миокарда, машина предсказывает за 3—4 недели. Если что-то не в порядке, «электронная нянька» зовет на помощь. Освещения контролируют наши приборами и палата выздоравливающих.

Первый отечественный кибернетический центр реанимации проходит сейчас практический экзамен в Баку, в Республиканской клинической больнице имени Мир-Касимова. Он не имеет зарубежных аналогов и полностью оснащен аппаратурой, которая производится в нашей стране. Создание центра — результат творческого содружества ленинградских и бакинских специалистов. Это сотрудники возглавляемого В. Ахутиным конструкторского бюро Л. Ларионов, А. Писарев, В. Вакцер, Л. Штейн и их коллеги из Баку Г. Алиев, Г. Дубович и Р. Гаджиев.

Появление в больнице сложной электронной техники потребовало создания специального инженерного отдела — пока довольно непривычного подразделения. Ясно, однако, что без специалистов технического профиля современными эффективными методами организации медицинской помощи не овладеть.

Подготовка кадров, способных уверенно ориентироваться как в медицине, так и в кибернетике, — это еще одна большая проблема, ставшая сегодня на повестку дня. В Москве в этом направлении работает недавно созданная кафедра медицинской и биологической кибернетики 2-го Московского медицинского института, а в Ленинграде — кафедра того же профиля Ленинградского электротехнического института.

Практические шаги кибернетики в медицине — знаменательное явление нашего времени. От того, сколь энергичными будут эти шаги, зависит жизнь людей.

О. ФЕОКТИСТОВА,
инженер

Говоря о задачах по дальнейшему увеличению производства сельскохозяйственных продуктов, товарищ Л. И. Брежнев в своей речи на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечал: «В этой же связи следует сказать и о том, что свертывание производства сельскохозяйственных продуктов в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих тоже преждевременно. Личным хозяйствам надо уделять больше внимания, проявлять о них заботу».

ЗА ОКОЛИЦЕЙ. Фото **В. БОГДАНОВА**

«Мы не просто страна в ряду других стран. Мы не только великая держава среди других великих. СССР — уникальное общество планеты Земля. Площадь СССР больше площади каждого из трех материков: Европы, Австралии и Антарктиды, Азии, Америка и Африка ненамного превосходят нас по размерам: даже Луна всего лишь в полтора раза больше нашей страны... Колхозник или политический деятель, математик или чабан, сколько бы ни ездили вы по заграницам и ни читали описаний таких поездок, как бы ни поражали ваше воображение канон Колорадо или водопад Виктория, пестрота ли одежд или мозаика языков, — вернувшись домой, вы вновь и вновь представите разнообразие наших пятнадцати республик, побываете в двух-трех из них, соедините их в одно, вспомните, что из 880 народов, населяющих нашу планету, 130 живет в Советском Союзе...» — это строки из книги «Мы шагаем», подзаголовок которой говорит сам за себя: «Путешествие по пятилетке с людьми и цифрами, через тысячи километров». Последняя прижизненная книга Владилена Травинского.

Среди задумавших им «путешествий с людьми и цифрами» одно он считал особенно важным, работал над ним несколько лет, но так и не успел завершить. В его архиве осталось больше рукописи со следами многочисленных переделок. Сложная, исследовательского характера тема о современном крестьянине влекла его с тем большей силой, чем больше «белых пятен» он в ней обнаруживал. Речь идет о «Письмах с приусадебного участка».

Сегодня мы предлагаем внимание читателя часть этих очерков. Не только из уважения к памяти талантливого публициста, нашего товарища литературоведа Б. Травинского, о котором Владимир Тендряков писал, что у него «энергия и предприимчивость репортера совмещаются с острой наблюдательностью настоящего художника, с глубиной понимания гражданственно мыслящего человека» и что он «без преувеличения — мастер документального очерка», но и потому, что «Письма с приусадебного участка» не потеряли своей актуальности до сих пор. О важном значении личных приусадебных участков рабочих совхозов и колхозников говорил в своем недавнем выступлении на съезде профсоюзов Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Учитывая, что очерки Травинского остались незавершенными и прошло несколько лет со времени их написания, мы снабдили текст примечаниями, вносящими современные коррективы.

Опустили фамилии людей и названия кубанских хозяйств, в которых побывал писатель. Читатель легко определит сам, что изменилось в ситуациях, описанных автором, а что по-прежнему злободневно и все еще ждет решения. Редакция предполагает опубликовать и другие материалы, рисующие сегодняшнее состояние крестьянских «приусадебных участков».

Владилен ТРАВИНСКИЙ

ПУБЛИКАЦИИ «ЛГ»

ПИСЬМА С ПРИУСАДЕБНОГО УЧАСТКА

Письмо первое

— Для одной семьи больше двух кабанов в год не требуется, — уверенно сказала Людмила Григорьевна, председатель большого, крепкого кубанского колхоза. — Если держат третьего кабана, то уже не для себя, а для продажи.

Мы сидели в строгом, подчеркнуто деловом кабинете председателя, и по обе стороны — к центру и к окраине, — как на экране, виднелись в окнах станица. Сквозь центр по магистральному шоссе с грохотом проносились автомашины — мимо расползшихся в длину одноэтажных зданий, мимо шарахающихся из-под колес стаек кур, уток, мимо магазинов, в окружении шелестящей толпы, мимо прочных, любовно ставленных домов с куском черной, только что переполненной земли за плетнем из колючек веток...

Ближе к окраине таких домов становилось все больше, участки около них увеличивались. Окраина станицы спускалась к Кубани, терся грязь улиц, прихотливо разбрасывались по холмистому берегу неширокой реки и так и сяк в беспорядке растыканными крестьянскими усадьбами, как их обычно именуют в литературе. Да, это были именно усадьбы: сад — огород — баня — хлев — курятник... Почти над каждой усадьбой виднелась антенна телевизора, а у крыльца — мотоцикл или велосипед.

А чуть в стороне изнывалось обычное кубанское колхозное поле — до горизонта, ровно перепоясанное вдоль и поперек четкой зеленью лесополос.

Людмила Григорьевна указала на него пальцем:

— Вот это наше, колхозное, общественное. А это, — палец ее прочертил по стеклу линию по над Кубанью вдоль усадеб, — это хозяйство не общественное, не колхозное... В просторечье мы его называем частным. Так называть неправильно, я знаю. Не будем придираться к словам — вы меня понимаете?

Я ее понимал. Перед глазами всплывали страницы толстых статистических справочников с точными формулировками.

Статистический сборник, когда-то ему заходит о хозяйствах сельских, делит их на группы: колхозы, совхозы или просто государственные хозяйства, а также личные подсобные хозяйства рабочих, служащих и колхозников. Последнюю-то и имела в виду Людмила Григорьевна, именно ее она затруднялась определить.

Да и как же не затрудниться? С одной стороны, личное приусадебное: ну там одна-две грядки под лучок — салат — укроп, под огурцы — помидоры — горошек, сотка десять картошки, кусочек с тыквой — ягодами — цветами, чтобы прямо с крыльца, между делом собрать овощи для завтрака, приправу для обеда, букет для подарка. Именно так представляется повседневным людям личное приусадебное. А с другой стороны... В 1971 году «Личное подсобное» дало в целом по стране 1 процент зерна, по 35 мяса и молока, 37 — овощей, 50 — яиц и 63 процента картофеля («Народное хозяйство СССР в 1971 г.»).

(ПРИМЕЧАНИЕ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ «ЛГ». На 1975 год эти цифры выглядят так: 1 процент зерна, по 31 — мяса и молока, 34 — овощей, 39 — яиц, 59 процентов картофеля. Здесь и далее цифры в примечаниях приводятся по выпущенному в конце прошлого года статистическому сборнику «Народное хозяйство СССР в 1975 г.».)

Отсюда становится вполне понятной некоторая неопределенность терминологии у Людмилы Григорьевны, когда речь заходит о приусадебных участках. Ведь не о приправе для обеда не о букете собираемом прямо с крыльца, — разговор о важном, весомом вкладе в баланс питания всей страны.

Значение приусадебных участков было отмечено на XXIV съезде КПСС. А. И. Брежнев сказал в Отчетном докладе: «В настоящее время в производстве мяса и молока еще немалую роль играет личное подсобное хозяйство. Однако не везде это в должной мере учитывается. Уделяя главное внимание увеличению общественного производства, надо оказывать необходимую помощь колхозникам и работникам совхозов в приобретении ими скота и птицы, в обеспечении кормами».

Для дальнейшего изложения хочу выделить в этих словах две проблемы: «не везде это в должной мере учитывается» и «корма».

Первая имеет длительную историю. Во времена оны хозяйственная роль приусадебных участков за ними недооценивалась. Главным доводом при этом служило соображение, что они возрождают мелкобуржуазные инстинкты, что личное хозяйство отвлекает умы и сердца (и руки соответственно) от общественного. Особенно силен был нажим в первые послевоенные годы, хотя и в остальные до конца не исчезал. К сожалению, негативное влияние роли приусадебных участков прослеживается до сих пор.

Прежде чем вспомнить о второй проблеме — кормах, уделим внимание особенной цифре.

Дело в том, что приусадебные участки занимают из 224,6 миллиона гектаров общей площади пашни страны лишь 3,6 миллиона гектаров — 1,6 процента. Именно с этой мизерной площади они дают все вышеперечисленные продукты.

На этих же «малых процентах» содержится весьма внушительное количество скота: питая часть всего общесоюзного стада овец, примерно четверть свиней и крупного рогатого скота, в том числе 39 процентов коров, 61 процент коз.

(ПРИМЕЧАНИЕ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ «ЛГ». Эти же данные на 1975 год: общая площадь пашни — 226,3 миллиона гектаров, приусадебные участки — 3,5 миллиона гектаров, что составляет 1,5 процента. В личных подсобных хозяйствах — 18 процентов общесоюзного стада овец, 18 процентов свиней, 21 процент крупного рогатого скота, из которых 33 процента коров; 79 процентов коз.)

И вот здесь-то самое время отметить своеобразный экономический оттенок в положении «личного приусадебного», резко крупный рогатый скот и птица.

Однако будем справедливы. Пусть из общественных закромов, но корма все-таки приобретаются трудом владельца «личного подсобного». А уж сама кормежка скота, уход за скотом и участком полностью на плечах владельца. К тому же здесь исключается не только ручной, но и преимущественно женский труд, причем без помощи машин. Никаких перспектив на ликвидацию ручного женского труда не имеется, потому что почти везде участки давно потеряли свою единственную — живую — рощадиную силу и мужчин на них остается все меньше...

Итак, корма — именно здесь сегодня сказывается внимание или отсутствие внимания к личному хозяйству крестьян. А ведь это хозяйство — часть социалистического! Ибо кто он, владелец приусадебного участка? Он колхозник, работник совхоза, сельский интеллигент, не так ли? Но они же не частники, наоборот — работники социалистических предприятий, коллективисты. Именно на них базируется крупнейшее коллективное сельское хозяйство земного шара — советское. Бессмысленно, неверно путать частный надел дореволюционного крестьянина и личное подсобное хозяйство крестьянина нынешнего. У них совершенно иной экономический характер, иная социальная роль.

Проблема личного подсобного хозяйства, как и всякая экономическая проблема, имеет множество граней. Но если одна из них — общественная роль приусадебных участков — ясна (вспомните вышеперечисленные цифры производства), то, скажем, с другой — порою не все ясно: зачем самому-то крестьянину возиться с участком? Жить его — нелегкая штука. Не надо забывать, что всю сельскохозяйственную продукцию производит рабочий совхоза, колхозник. Но производит как бы в две смены: второй сменой и является приусадебный участок. Тут нет рабочего дня. Хочешь — спи, а хочешь — хлев вычисти... Практически получается так: вместо того, чтобы поспать, пойдешь и хлев вычистишь. Корову два раза в сутки доить надо? Корм задавать надо? Прополка, прореживание, окучивание... Глаз нужен.

Зачем, скажите, человеку такая морока?

Бессмысленно, неверно путать частный надел дореволюционного крестьянина и личное подсобное хозяйство крестьянина нынешнего. У них совершенно иной экономический характер, иная социальная роль.

Проблема личного подсобного хозяйства, как и всякая экономическая проблема, имеет множество граней. Но если одна из них — общественная роль приусадебных участков — ясна (вспомните вышеперечисленные цифры производства), то, скажем, с другой — порою не все ясно: зачем самому-то крестьянину возиться с участком? Жить его — нелегкая штука. Не надо забывать, что всю сельскохозяйственную продукцию производит рабочий совхоза, колхозник. Но производит как бы в две смены: второй сменой и является приусадебный участок. Тут нет рабочего дня. Хочешь — спи, а хочешь — хлев вычисти... Практически получается так: вместо того, чтобы поспать, пойдешь и хлев вычистишь. Корову два раза в сутки доить надо? Корм задавать надо? Прополка, прореживание, окучивание... Глаз нужен.

Зачем, скажите, человеку такая морока?

Письмо второе

Почему крестьянин так цепко, несмотря на то, что держится за свой участок, за свой скот? «Нужда заставляет, чего ж тут непонятного!» — говорили мне.

Нужда? Ну, посмотрим... Будучи на Кубани, я нарочно выбрал там два самых зажиточных хозяйства (чтобы уж без нужды!): колхоз и совхоз. Они соседи.

В колхозе средняя заработная плата 110 рублей в месяц, у механизаторов и доярок, почетно, гораздо выше. Кроме того, на каждый заработанный рубль положена натуральная добавка — зерна, например, до килограмма; на семью выходит порою до тонны. Саманных домов давно уже не осталось, нет и саманных фермы. Всюду электричество, газ. Больница, Дворец культуры, две средние школы.

И не удивительно, что число колхозников растет. Среди принятых — много молодых, покинувших было колхоз и вернувшихся. Не так-то просто сравнивать доходы сельчан и горожан, но, по общему мнению, доходы колхозников здесь вряд ли уступают в среднем доходам москвичей.

И тем не менее отказываться от приусадебных участков здесь никто не намерен. Привязаны к ним, держатся за них цепко. А ведь могли бы, кажется, отказаться: денег, чтобы все нужное покупать в магазинах и на базаре, хватило бы. Так нет же! Упорно держатся за свою «вторую смену». Не с нужды — какая уж там нужда...

А с чего?

По глубокому убеждению моих собеседников, Людмилы Григорьевны и начальника планового отдела правления Никифора Захаровича, выгодность личного подсобного хозяйства определяется ныне, как это ни парадоксально, не рыночной стоимостью его продукции, не теми деньгами, что мог бы владелец извлечь от продажи — короче говоря, не товарностью, а, наоборот, натуральностью, то бы, продукта, его немедленной годностью к потреблению. Сегодня деньги, как правило, легче заработать в колхозе, чем на базаре.

Но личное подсобное хозяйство разгружает своего владельца от необходимости тратиться на питание. А это был бы большой расход, потому что речь идет о людях, работающих много, на свежем воздухе, и труд у них нелегкий. Они нуждаются в большом количестве калорийной пищи. А так — мясо, молоко, овощи, фрукты, яйца у крестьянина под рукой круглый год.

— Учтите еще — экономия времени — говорит Людмил: Григорьевна. — Летом мы с восьмичасовом рабочем дне, о двух или даже одном выходном дне в неделю не имеем права и мечтать. Страда... От рассвета до заката... До магазинов ли? И что купишь в магазине нашем? Телевизор — пожалуйста, в насчет мяса... Я в данном случае не как председатель колхоза, а как крестьянка... Личное хозяйство крестьянину необходимо, оно экономит его деньги, его здоровье, сохраняет его работоспособность. Мы вот живем втроем: я, муж и дочка. Муж работает, дочка в детсаде. Корову или кабана держать не можем: некому и некогда ухаживать. На огород имеем, кур держу два десятка, уток, гусей — они особого ухода не требуют. Зато свиньи домой: ноги гудят, голова гудит от усталости — где тут по магазинам ходить! — а овощи под боком, курицу в кастрюлю, картошкой засыпал, салат на стол, яйца на сковородку... Быстро, вкусно, дешево, как в рекламе!

— Мы подсчитывали, — объясняет Никифор Захарович, — что в денежном выражении подсобное хозяйство дает нашему колхознику 15—20 процентов дохода. Но тут нельзя считать на одни рубли. Оно экономит ему зарплату. Так что объективно телевизоры, холодильники, мотоциклы его оплачены в значительной мере трудом на приусадебном участке.

Итак, экономика. Крестьянин может, но не желает обойтись без приусадебного участка. Это его резерв — горожане подобного резерва не имеют. Приусадебное хозяйство прирывает, так сказать, тылы колхозника, обеспечивает его повседневные нужды, создает свободу материального — в первую очередь финансового — маневра.

Трудно точно подсчитать, сколько именно человек из ста примерно миллионов сельских жителей СССР кормится с приусадебных участков. Во всяком случае, счет пойдет на десятки миллионов — и они обеспечивают себя основными (кроме хлеба) продуктами питания сами, почти без всяких усилий государства без дополнительных капиталовложений, без дорогостоящих затрат общественного труда.

А ведь «личное приусадебное» кормит не только своего владельца. Через базары, через сбытовую кооперацию еще миллионы людей пользуются его услугами. Часть своей продукции, ее излишки, колхозники и работники совхозов продают государству через систему заготовительных органов.

И вот теперь, оценив роль «личного приусадебного» с разных сторон, понял значение его в общенародной жизни, мы вправе спросить: а что же мешает его развитию?

— Корма... — вздыхает председатель Людмила Григорьевна.

Если сойти с магистрального шоссе станицы и идти вниз к Кубани, то, миновав усадьбы и приусадебные участки, выберешься внезапно к крутому обрывистому речному берегу в белых от известняка и желтых от глины прожилках. Мутная темная река прихотливо лавирует иногда короткими горлопанами зигзагами уходя в знакомые нашем? Телевизор — пожалуйста, в насчет мяса... Я в данном случае не как председатель колхоза, а как крестьянка... Личное хозяйство крестьянину необходимо, оно экономит его деньги, его здоровье, сохраняет его работоспособность. Мы вот живем втроем: я, муж и дочка. Муж работает, дочка в детсаде. Корову или кабана держать не можем: некому и некогда ухаживать. На огород имеем, кур держу два десятка, уток, гусей — они особого ухода не требуют. Зато свиньи домой: ноги гудят, голова гудит от усталости — где тут по магазинам ходить! — а овощи под боком, курицу в кастрюлю, картошкой засыпал, салат на стол, яйца на сковородку... Быстро, вкусно, дешево, как в рекламе!

— Мы подсчитывали, — объясняет Никифор Захарович, — что в денежном выражении подсобное хозяйство дает нашему колхозн

РОВЕСНИКИ О РОВЕСНИКАХ

ГОЛОС НЕ ИЗ ПОДЪЕЗДА

ХОЧУ, чтобы мое письмо прочла Лена П., которая защищает свое право на «балдежи». Может быть, она поймет меня больше, чем писательницу Ольгу Чайковскую, которая уже ответила на ее письмо («ЛГ», № 5 с. г.). А я понимаю Лену и ее друзей только в одном — в их стремлении выделиться, отличиться от других, быть современными, не выглядеть «отсталыми».

Кто мы такие? Внешне? Модно одетые. Это не значит, что дорого. Признаем и протертые джинсы, и строгие костюмы, но сделанные со вкусом. У многих юношей волосы ниже плеч, но ведь это очень красиво, если за ними ухаживать. Мы неплохо разбираемся в современной музыке. Мы общительны и остроумны (последнее очень ценится, ведь остроумие невозможно без ума). Любим хорошее вино, но пьем только в особых случаях.

Ценим хорошие книги. Они для нас важнее музыки. Передаем хорошую книгу из рук в руки. Обсуждаем по домам и на улице. Любим театр. Кто на всех премьерах бывает? Мы. Иногда кто-нибудь достает по двадцать билетов и раздает друзьям. За билетами на гастроли мы стоим сутками, сменяя друг друга. Иногда играем сами, импровизируем сцены у кого-нибудь дома или даже на улице, если народу немного, а нам хочется позабавиться.

Кто мы? Школьники (я учусь в девятом классе), студенты, некоторые работают. Есть среди нас и восьмиклассники, но мало. Как правило, все мы хорошо учимся, все комсомольцы, общественники. Поняли теперь про нас?

Чем же мы отличаемся от друзей Лены П.? Ну хотя бы вот чем: она пишет, что приятно сидеть в подъезде рядом с тем, кто называется «твоим парнем», а ты называешься «его» двушкой. Это и нам приятно, но зачем же в подъезде? А главное, сколько парней могут назвать Лену «своей» девушкой? Пять? Десять? Пусть она не обижается, но в большинстве таких компаний дело обстоит именно так. Сегодня один «твой», а завтра — другой. Пусть не завтра, но два месяца встреч с поцелуями — вот типичный срок, а потом легкая ссора — и перемена приятеля. А у нас, как правило, двое дружат годами, и мы все знаем, что они вместе, и рады за них, и уважаем их отношения. Верите не верьте, но это так. Наши многолетние пары вызывают у нас симпатию. У меня тоже есть «моя половина», и я счастлива.

Нам чужд такой «балдеж», о котором пишет Лена. Хотя это словечко мы тоже употребляем, но в другом смысле: «балдеем»—значит, собираемся вместе, спорим, до хрипоты обо всем на свете: и о последнем вечере в университете, и о Чили, и о сортеме друг другу, что интересного можно устроить в классе, ведь мы — первые организаторы. Если пойти нам некуда, мы тоже идем «на улицу». Гуляем, сидим в скверах и говорим часами напролет. Нам очень многое надо обсудить каждый день! В классе, в статье из «ЛГ».

Есть на этой улице особая группа. Это парни-фарцы, продающие вещи и диски за огромную цену, и их девушки, которых даже нельзя так назвать. Их мало, но в классе — бельмо на глазу. Мы презираем их и не поддерживаем отношений. Хотя иногда вынуждены покупать у них диски вскладчину, но все равно презираем.

Иногда вылезают из своих подъездов и «балдежники», и их сразу узнаешь за версту. Девицы намазанные (мы тоже красимся, но не так), их одежда — дешевое подражание западным хиппи, но без вкуса. Они пьяны, трезвыми почти не бывают. Часто затевают драки, вообще задираются. Иногда и нам достается. Хотя мы драки отрицаем в принципе. Зачем драться, если всего можно добиться словами? А за словом мы в карман не лезем, хотя, в отличие от «балдежников», не выражаемся нецензурно.

У каждого из нас много друзей «обыкновенных» — ведь это обычные хорошие ребята, может быть, только им не хватает чуть-чуть стильности, современности. Таким мы говорим: «Тебе бы читать побольше!»

Так вот что я хочу сказать Лене: а что вы можете?.. Ну, знаете модные диски, можете организовать вечеринки. И все! А поговорить-то с вами не о чем. Кроме кино и «балдения» с бутылкой под музыку, вы ничего не знаете... Стыдно «балдеть» от вина и от ритмов. Надо же еще и человеческие чувства.

Это письмо — коллективное, хотя писала его я, но обсуждали вместе.

МАРИНА

Город на Волге

ПРИШЛОСЬ НАВЕСТИТЬ ДИРЕКТОРА. Фото А. ГУЩИНА

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Мы, городские ребята, завидуем развлечениям сельской молодежи. У них есть «завалинки», есть луг, и речка, и роща, где можно гулять, и танцы под баян или радиолу на улице. А у нас — ничего, кроме тесного двора и подъезда, откуда нас все выгоняют.

Л. ТАРАСЕНКО, А. ИЩЕНКО, Т. ИГНАТОВА

ЗАПОРОЖЬЕ

■

Меня возмущают нападки на современную молодежь. Будто бы она ни к чему не приспособлена! Мы в классе это обсудили и решили, что это совершенно несправедливо. Родители пришли на наш школьный диспут, и некоторые плакали, потому что, как они сами сказали, в юности даже таких слов и понятий не знали, которыми мы свободно оперируем в диспуте.

А хлопок кто собирает на полях? Не молодежь разве? А БАМ кто строит? А сад кто посадил вокруг нашей школы?

Мы решили так: кто судит о молодежи по дворовым компаниям, тот обыватель...

От имени класса Э. ШАЯПОВ

Ташкентская область

■

У нас в цирке одна программа идет целый месяц, в драмтеатре репертуар меняется редко, кафе мало, и у нас денег нет, к тому же большинство кафе — это «забегаловки». Пятый год строят Дворец спорта, в котором так нуждается город. Популярные ансамбли, певцы и артисты к нам приезжают редко, хотя в соседнем Свердловске они — частые гости. Теперь скажите, куда нам деваться?

А в других городах уже появились клубы-дискотеки, где можно послушать музыку и потанцевать. А когда это будет у нас?

Л. О.

НИЖНИЙ ТАГИЛ

■

Почему нас все боятся? Мы сидим вечером во дворе, на детской площадке, говорим, что учительница сегодня несправедливо поступила, или фильм обсуждаем, или спорим об антимирах. У меня нижнюю половину пятерок, половина четверок, и у других примерно так же. Но вот появляется бабуля (в лучшем случае), и начинается крик: «Хулиганы!» — а если дюжий дядя, то просто сразу распускает руки. Остальные просто шмыгают мимо, как будто ждут, что мы за ними погонимся. Никто к нам не подойдет просто так. Почему?

С. ТРУХИН

МОСКВА

УРОК ОТМЕНИЛИ! Фото А. САЛКОВА

ПОДРОСТОК: УРОКИ «ОПАСНОГО ВОЗРАСТА»

«Печатай вашей газетой разговор о подростках очень важен. Просим чаще печатать материалы, посвященные воспитанию подрастающего поколения» — этими словами начинаются многие письма читателей. Сегодня мы публикуем очередную страницу под рубрикой: «Подросток: уроки «опасного возраста».

До сих пор в разговоре принимали участие взрослые — писатели, педагоги, юристы, родители. Однако в сбитной редакционной почте немало писем и от тех, о ком, собственно говоря, идет речь, — от самих подростков. Ребята высказывают свое мнение в основном о письме Лены П. с комментариями писательницы Ольги Чайковской «Три обвинения «балдежу» («ЛГ», № 5 с. г.) и о странице «Вечерний двор» («ЛГ», № 10 с. г.). В обеих этих публикациях речь шла о том, как и где молодежь проводит свое свободное время.

На этой странице подростки рассказывают сами о себе. В их письмах, как заметит читатель, немало случайного, неустоявшегося, но в главном эти письма свидетельствуют о стремлении подростков к содержательной духовной жизни, об их желании заниматься интересным делом, принимать посильное участие в труде, быть ответственными за себя и свои поступки. Непростых проблем нравственной ответственности подростков за свои поступки касается и публикуемый на этой странице очерк В. Кокашинского «Стог сена».

НА ВСЕМ ГОТОВОМ...

В вашей газете взрослые пишут о своей молодости, но забывают, что подросток 70-х годов живет совсем в других условиях, чем жили его родители. Они раньше с радостью собирали радиоприемники, а нам это не надо, у нас есть готовые. Нам не разрешают играть на нежной зелени, как играли они... И вот мы собираемся в кучи и мучаемся от безделья. Поиграем на гитаре, надоест, ходим-бродим. Если прохожие делают замечания, мы грубим. Лучше бы этот прохожий посоветовал нам, как избавиться от безделья, а не ругался. Мы бы за ним пошли наверняка.

Подросток приходит из школы, дома его ждет хороший обед, и посуду мыть не надо. Разделается с уроками — и бежит на улицу, где ничего не делает. Отчего же подросток будет «хорошим», если он предоставлен сам себе и живет без всякого дела и весь зависит от взрослых, которые только и стараются, чтобы наше детство и отрочество было «лучше», чем у них?! Нам все говорят, что надо трудиться и трудиться не дают, оберегают нас от труда. И привычка к труду у нас не вырабатывается.

Я — такой же подросток, как все. И грубил, и шалил, и бездельничал. Но пришло время, и в голове мой появилось «кое-что разумное». Но раньше, когда этого «кое-чего» не было, педагоги оставили меня на второй год, думая, что именно таким способом образумят меня. Эта детская обида, нанесенная взрослыми, очень глубока. Подросток, это верно вы сказали, — опасный возраст, а кто этого не понимает, пусть лучше помалкивает!

Иван СУТЯГИН

Тиссарский район, Таджикской ССР

Владимир КОКАШИНСКИЙ

СТОГ СЕНА

ИВАН ТИХОНОВИЧ по ночам ходил дежурить на станцию. Станция была большая, узловая, с множеством путей, с длинными пакгаузами, которые надлежало охранять. Иван Тихонович и работал в вневедомственной охране, упорствовавшись так, что выходил на дежурство только в ночную смену: днем Иван Тихонович работать не любил. К ночи же надевал поверх старой шинели мешковатый брезентовый халат, брал в караульное помещение образца карабин и отправлялся на вверенный ему участок, выщагивая вразвалку вперед и дыша запахом станции. Все железнодорожные станции пахнут одинаково: чем — и объяснить невозможно, но ничто другое на свете так не пахнет, и этот запах Иван Тихонович любил, говоря, что станции пахнут фронтом. Может, говорил он так потому, что именно в боях за крупный железнодорожный узел Миллерово получил самое тяжелое свое ранение, после которого утратил надолго трудоспособность, а кое-как оправившись через многие годы, то есть встав на ноги, устроился охранником. Демобилизован был Иван Тихонович на третьем году войны как полный инвалид, а звания капитана пехоты, двадцати шести лет от роду.

Варвара Федоровна, учительница, тогда совсем молоденькая, вышла замуж за Ивана Тихоновича вскоре после возвращения его с фронта, когда поправился еще и отца, старого машиниста, погибшего при бомбежке, вышла замуж из страха и чувства бабьей жалости, да так и волоклась на всю жизнь. Детей у них долго не было, уж и ждать перестали, когда вдруг появился мальчишка...

Возвращаясь с дежурства, Иван Тихонович беззвучно ложился спать, однако спал мало — часа два-три, а после этого выходил на улицу, садился на скамейку у ворот дома и поджидал Лешку из школы.

Как отец любил сына, про то Лешка не знал, потому долго возле Ивана Тихоновича не задерживался, а, шаркнув перекусив, надевал вайкину офицерскую фуражку, которая крутом вертелась от ветра на его голове, хватал выструганный из доски автомат и мчался к своей ватаге, а Иван Тихонович опять выходил из пустого дома на скамеечку и сидел невесть чего.

Дом их стоял на краю поселка, откуда уже начиналась дорога в городок районный, до которого было от станции километра три. Иван Тихонович поглядывал на дорогу, не идет ли из города Варвара Федоровна: она ходила туда на работу в среднюю школу, а Лешка учился здесь, при станции, в начальной. Варвара Федоровна не шла, потому что рано ей еще было, но Иван Тихонович все равно на дорогу поглядывал. На дороге этой время от времени появлялась похоронная процессия, так как кладбище у города и у станционного поселка было одно. Увидя такую процессию, Иван Тихонович всегда поднимался со скамеечки, незаметно пристраивался и заговаривал с убитым горем людьми. «А веревочку-то взять не забыли?» — спросит тихонько одного. «Гвоздиков-то хватит?» — обратится к другому, и ежели что и впрямь позабыто — ведь не до этих хозяйственных забот в такой тяжелый час, то бежит Иван Тихонович в дом и несет, что надо. А на могиле он уж как бы главный распорядитель: он и советует, как заносить, и сам гвозди вбивает — что за человек командует, никто не знает, да и зачем спрашивать: спасибо уж за то, что дело знает. К моменту же, когда родственники собрались на поминки, к Ивану Тихоновичу уже все привыкли, и как-то само собой, что сидит он в центре стола, сам разливает, и люди благодарны ему, что говорит он нужные слова про ушедшего из жизни, про его заслуги, хотя живыми и в глаза его не видел, говорит, проследить, как надо любить живых и помнить умерших.

Весь поселок знал про эту странность Ивана Тихоновича. Злые языки говорили, что эта эта его — от беспамяти на сдвинутую ныть, другие объясняли, что это у него от контузии, но тут, наверное, правда то, что после войны Иван Тихонович от смерти равнодушно отмучиться не мог...

Лешка — бойкий мальчишка, большеглазый, светловолосый — тянулся к ребятам много старше себя. Братья Анисимовы, Витька и Николай, охотно брали его в свои игры, но не на равных, конечно, а больше для прислуги. Лешка по малолетству не страдал от этого, а был доволен и тем, что с ним водились: как-нибудь Николай учился уже в девятом, а Виталий — в седьмом. Они не гоняли пешей день, как Лешкины сверстники, с диким ором по улицам, а уходили то на речку купаться, то в лес, где разводили костер и вели разные свои разговоры. Лешке интересные, про космос и про жизнь дельфинов, которые думают так же, как люди. А то работали по хозяйству — чинят изгородь или строят сиверечную. Лешка тут же, подле них, в подмастерье: принесет гвоздей, отнесет молоток. Когда по телевизору передача «Очевидное—невероятное», смотрят вместе у Анисимовых: Лешке все невероятно, но, братьям, все очевидно. Лешка и тут не обижался, что он дурачев всей этой грамотеев — ведь знать в знающих у него было куда больше, чем самолюбия.

Однако больше всего Лешка любил ходить с Анисимовыми в стог. Это была их тайна. Никто про стог не знал. То есть знали, конечно: он у всех на виду стоял, за поселком, на небольшом лужочке у железной дороги, колхозный стог сена. Не знали про то, что было в нем внутри. А внутри, в самом стогу, была Виталием и Колькой вырыта высокая «пещера» и два узких лаза в нее с обеих сторон стога, которые задевывались тем же сеном, если в «пещере» никого нет, — так, чтобы и не видно было. Вот тут-то и проходили лучшие Лешкины часы.

В ЭТОТ день Иван Тихонович и пяти минут не повидал Лешку. Примчавшись из школы, он, не полюбляя даже борща, схватил кусок хлеба да яблоко и, жуя на ходу, помчался к Анисимовым. Братья в школу не ходили, так как были матерью снаряжены в лес за дерном, но обещали Лешку дождаться, чтобы до лесу зайти в стог, соорудить там из глины настоящую печку с дымоходом, чтобы светло и тепло было в «пещере». Лешка напросился прийти со своим одноклассником Вовкой, на что согласие братьев было дано. На той же тележке, привезли вон целую тележку, умаялись, должно быть, так как, поевши, сразу легли спать. На что мать, сидевшая у печки, поправила, что спать лег сразу один Виталька, а Колька, откушав, смотрел телевизор, а уж потом только тоже улегся. Иван Тихонович сам стал пирней будить, они просыпаться не хотели, едва добудился, но ничего нового от них не узнал: ходили за дерном. Лешку не видели — и тут же опять на бок.

Вернулся домой он с чем, как ни с чем вернулась и Варвара Федоровна, обежавшая едва ли не всех знакомых поселка. Иван Тихонович заметно снова пошел к лесу и стал звать, а не дозвавшись, вернулся в поселок и принялся стучать в уже запертую калитку дома Анисимовых. Было уже за полночь, хозяин не отворял, а лишь начал выглядывать в окно на Ивана Тихоновича, чтобы не мешал спать. Тут к дому подбежала Варвара Федоровна, колотясь от рыданий, сказала, что была у Касимовых и что малый Вовка плакал, ничего не сказал, а велел идти к Анисимовым, которые все знают. Иван Тихонович с новой силой стал барабанить в калитку, да так, что порвал запор. Тогда во двор вышел хозяин и спустил с цепи здоровенного пса, который и без того залаивался нешуточным лаем. Нет, однако, Ивана Тихоновича не покусал, но и шагу к дому тоже не давал сделать. Сколько прошло тут времени, неизвестно, должно быть, но дверь дома неожиданно распахнулась, и во двор выбежал Виталий — в сапогах на босу ногу, в одних трусах и в куртке на голое тело.

Не говоря ни слова, он выскочил на улицу. Иван Тихонович и Варвара Федоровна, ничего не понимая, но предчувствуя, что сейчас что-то должно раскрыться, побежали за ним, и так они бежали темной студеной ночью, пока не добежали до стога, а точнее — до того места, где стоял этот сена. Сейчас от него не осталось ничего, лишь груда пепла. Варвара Федоровна стояла в совершенном оцепенении, а Иван Тихонович и Виталий Анисимов судорожно разгребали руками, обжигаясь, еще горячее внутри пепелище. Они перетряхивали, переворачивали остатки сгоревшего стога долго — может, час, а может, два. Уже слегка посветлело на востоке, и стало видно под ногами, когда Иван Тихонович ухватил что-то твердое, пряжа к себе и упал без движения в пепелище...

В ИТАЛИЯ утром отвезли в больницу. У него поднялся жар, он бредил. Кольна же пошел в школу, но к полудню его прямо с урока вызвал следователь.

Следователь, совсем еще молодой человек с университетским ромбиком на лацкане пиджака, вел допрос поотечески. Ему было малозеемадцатилетнего Кольку, которого единственно можно было как-то привлечь к уголовной ответственности по обвинению в неосторожном убийстве, да и то если будет доказано, что это именно он послал Лешку с огнем в лаз. Но Кольна, потупив взор, это упорно отрицал: Лешка, и тут же стал кричать, что это его по всем виноват и требует, чтобы его тут же посадили в тюрьму, а потом стал бредить, цепчя: «Лена, выпей молока, молочка попей».

Допросив Анисимовых-старших — отца, работника одного из районных учреждений, и мать, по странному стечению обстоятельств, тоже учительницу, следователь узнал, что они оба уехали в случившемся к вечеру того дня часам к семи, когда Колька, отпрянув от телевизора, во всем им признался, но родители велели ему молчать и в случившемся никому не сознаваться, так как побоялись, что колхоз предъявит иск и придется платить за сгоревшее сено.

— Но ведь сгорело не только сено! — вскричал, не выдержав, следователь.

— Несчастный случай, — мягко подсказал следователю Анисимов-старший.

— Мальчику не верили, зачем же могу парню биографию портить? Да и мне неприятности ни к чему. Зря затаскивается дело.

Следователь сдержался. Ему тоже сено, что спасти Алешу было нельзя. Парни виновались, это сделать, не сразу струсили. Конечно, дурно, что побежали в лес, что не позвали на помощь из поселка людей, но помощь эта была бы бесполезна. Тут дело решали считанные минуты, а до поселка больше километра пути. «А свидетель, доказывающий пусть невольную, но вину Николая, у меня один — Вовка,— подумал следователь. — Находка для адвоката! Чего стоит обвинительное заключение, построенное только на показаниях малолетнего свидетеля? Надо подождать выздоровления Виталия».

Но Виталий не выздоравливал...

НА ЛЕШКИНЫ поминки собрались все старые друзья Ивана Тихоновича, фронтовики. Все из поселка, и даже из города многие приехали. Они собирались всегда, каждый год, 9 мая, по случаю Дня Победы. Сегодня Иван Тихонович не был в центре стола и речей не произносил. Он сидел с Варварой Федоровной на красные длинной скамейки, в уголочке, и молчал, не слыша даже, что говорили люди на в утешение. А потом разговор пошел тихий о разном, о житейском, пока не уперся, ввиду особенности собравшегося общества, в ту бесконечную тему, что звучала каждый раз среди этих людей, каждый год, вот уже тридцать лет кряду. «Ах, боже ж ты мой! На глазах погиб капитан Бобров!» — «Утешься, Степан, не было возможности его спасти», — «А что, если бы зайти мне сзади?» — «Да нельзя было зайти сзади. Вечная память!» — «А что, если...» — «Выпьем за капитана Боброва — вечная память!»

В этих разборах того бы всегда принимал участие и Иван Тихонович, ища, где бы взять толику и своей вины за гибель капитана Боброва, хотя ее, этой вины, не было вовсе. Но сегодня он этого разбора даже не слышал. А жабы слышал, то, может, не выдержал бы вовсе, а говорившие тоже не заметили, что не тот сегодня день и что Иван Тихонович про себя разбирает совсем другую обстановку. Может, полегчало бы Ивану Тихоновичу, знай он, что в это время в больнице у постели Виталия приехавший из области врач-психиатр говорил Анисимову-отцу, что у мальчика сильное потрясение, что он перенапрягся от мучившей его безнравственной мысли, нельзя ли было спасти Алешу.

Отец недовольно сказал врачу, что даже следователь признал, что ничего сделать было нельзя.

— В этом все и дело, — печалил врач. — То, что спасти Алешу было нельзя, знает не только следователь, но и отлично знал наш больной, потому временно и помутился его рассудок.

Это, наверное, была правда. Виталий, рассуждая, не видел своей вины и не мог понять, как это не может быть ничьей вины, когда погиб человек, когда обгорелась, едва начавшись, жизнь, перед в всем, безвозвратное, непостижимое состояние смерти. И в жару простудной лихорадки Виталий мучился, убивался своей невиновностью, как убивается этим чувством три десятка лет Иван Тихонович и его боевые друзья, у которых на глазах погиб капитан Бобров.

А Коля — он здоров. Он и на Лешкины похороны не пошел — говорят, отец не пустил. Когда Анисимова-старшего спросили, как же так, тот ответил, что Кольке надо было контрольную писать.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ «ЛГ»

Наши читатели не раз высказывали на страницах газеты мысль, что без выработки в человеке чувства сострадания, сопереживания чужому горю немыслимо успешное нравственное воспитание. Люди же, оказавшиеся так или иначе причастными к этому случаю, подали пример: одни — достойного, нравственного отношения к случившемуся, другие — недостойного, безнравственного. Ведь не случайно, пишут многие наши читатели, что о нравственности надо судить не только по самому поступкам, но и по отношению к тому или иному поступку, факту.

Принято также считать, что «яблоко от яблони недалеко падает», что родительский пример в деле воспитания ребенка решающим. В жизни, однако, не все так просто и однозначно. Два брата выросли и воспитывались в одинаковых условиях, но нравственный заряд их сердец оказался разным. Черствость и безразличие к чужому горю не передались от отца по наследственности одному из сыновей, и есть уверенность, что после перемнего потрясения вырастет Виталий человеком высоких нравственных достоинств.

С целью оградить всех реальных лиц, причастных и описанному трагическому случаю, от дополнительных травмы и возможных вдобавок пересудов автор изменил в очерке все имена и фамилии и не назвал место действия.

«СОЛО ДЛЯ ЧАСОВ С БОЕМ»

Так мы назвали фотоновеллу, которую прислала в редакцию Яков Берлинер. Потому что рассказанная им история удивительно созвучна пьесе словацкого драматурга О. Заградника, блистательно сыгранной мастерами МХАТа.

Александр Александрович Заусайлов, бывший токарь московского завода «Динамо», и Доминика Ивановна Петрова, ранее работавшая на фабрике «Гознак», познакомились в московском доме-пансионате № 19 для престарелых, когда ему исполнилось 80 лет, а ей — 75. И соединили свои судьбы.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

«КУДА ДЕВАЛАСЬ ЖЕНСТВЕННОСТЬ МОЯ...»

Современная деловая женщина. Каким должен быть ее облик? Как ей держать себя? Письма, поступившие в редакцию после публикации заметки читательницы И. Лариной «О моде и старомодности» («ЛГ», № 36, 1976), комментирует поэтесса.

ПИСАТЕЛЬ ЧИТАЕТ ПОЧТУ

По правде говоря, я без особого энтузиазма встретила маленькую заметку читательницы из Киева «О моде и старомодности». Исходя из названия, я думала, что речь пойдет о мужских и женских силуэтах одежды, о «твигговской» лаконичности юбок и «тарасбульбовской» избыточности брюк.

Однако, пробежав заметку глазами, я поняла, что к «Журналу мод» она никакого отношения не имеет. Семнадцатилетняя девушка, чья фамилия занятно совпала с фамилией пушкинской героини, ни на что не претендуя, по простоте душевной написала, что хоть и не училась она в пансионах «благородных девиц», а хочет ни красиво ходить, и изящно танцевать, и хорошо вести себя в обществе, не собирается стыдиться «мягкости, застенчивости, слабости» — словом, вопреки дурно понятой эмансипации, желает сохранить женственность.

Я не ожидала, что этот не крик, а шепот девической души вызовет такой громовый резонанс. В газету хлынули отклики прежде всего от представителей сильного пола. Как это часто бывает, заметка Ирины Лариной явилась для большинства корреспондентов лишь отправным пунктом, лишь поводом разрядиться: излить, извернуть из себя недоумение, возмущение, обиду, гнев...

Часть писем была опубликована в газете. Их авторы клеймили последними допустимыми в литературном языке словами мужеподобных женщин и договаривались до того, что главная причина разводов кроется в неженственности супруг.

Тут уж взялись за перо женщины. И повторилось то же самое: придравшись к уязвимым фразам неведомых оппонентов, они выплескивали свое раздражение, брали реванш за свои неудачи, сводили счеты с конкретными обидчиками, вымещали досаду на «неженственных» соперницах. «Они-то меньше всего остаются одинокими... Такая женит на себе хорошего парня, а скромницы сидят в девках» (коллективное письмо — 5 подписей — из Новосибирска). «Женщины с повадками ковбоев... пользуются огромным успехом. Они, как правило, составляют семьи, и мужья от них не уходят... А девушки слабые, беззащитные и пополняют ряды одиноких» (Таня Г., Владивосток).

Этих писем газета печатать не стала, а дала их мне как «информацию к размышлению». Какие чувства вызывали у меня прочтенные в редакцию письма? Почему я согласилась принять участие в этой отнюдь не лингвистической и не поэтической дискуссии?

Начну с того, что ничего нового для себя из писем-откликов, которые редакция мне переслала, я не узнала. Все эти больные, тревожные, такие личные и в то же время общественно значимые вопросы уже поднимались в печати, выносились на суд современников. И делалось это — как бы выразиться поделикатнее, чтобы не оскорбить авторского самолюбия читателей, — делалось это на более высоком нравственном уровне.

Об этом писали и пишут наши поэты, и спасибо им за ранимость, за низкий болевой порог, за молниеносность отзыва, за попытку осмыслить трудноуловимое. Спасибо популярным и менее популярным поэтам. Давайте к ним прислушаемся...

Наблюдательные в этой тончайшей области поэтической сейсмограф засек давно. Достаточно вспомнить известные стихи Андрея Вознесенского «Бьет женщина»:

Бей, женщина! Бей, милая!
Бей, мстящая!
...за то, что ты во всем
передовая,
что на земле давно
матриархат —
отбить,
обуть,
быть умной,
хохотать, —
такая мука —
непередаваемо!
...Бей, реваншистка!
Жизнь — как белый
танец.
Не он, а ты его, отбивши,
тянешь.
Пол-литра купишь.
Как он скучен, хрыч!
Намучишься,
пока расшевелишь.
...Виновные,
валитесь на колени,
поломны.
люди,
лунные аллеи,
вы без нее давно бы
оглохли!

Не правда ли, читательницы, столь величественный жест мужчины, отпускающего женщине все грехи, в том числе и великий грех так называемого «мужланства», вызывает, как пишут в школьных сочинениях, желание быть лучше, чище, выше? А поправки и окрики такого желания почему-то не вызывают...

Евгений Евтушенко уже очищенную и возвышенную ...И если женщина приходит
и о себе заводит речь,
она, как провод,
той проводит,
чтоб над тобою
свет зажечь.

Итак, мы имеем дело почти с идеальным вариантом. Судя по всему, героиня стихотворения — носительница именно этой, активной женственности. Она исполнена чувства собственного достоинства, способна врачевать души. От нее исходит не запах спиртного или табачища, а свет. Как же он, ее избранник, ничего этого не замечает?

Сколько существуют на белом свете люди, столько, я полагаю, копится в женщине ровать каждый образ и пояснять, что строчку «в двадцатом веке нужно быть мужчиной» не следует понимать, как призыв к вмешательству в святая святых генетики. Главная мысль поэтессы понятна, я думаю, каждому: время предъявляет к женщине такие суровые, такие неотложные требования, что надеяться сохранить некую анахроническую женственность, попросту говоря, нереально. В 17 лет такие мечты простительны. В 27 — уже смешны.

Вероятно, настоящая женственность все более смещается в сторону независимых, сильных духом и волей предыдущей поэтической инфантильности душу женщины вообще возносит на седьмое небо. В стихотворении «Благодарность» с такими знакомыми бытовыми реалиями («Она сказала: «Он уже уснул», задернула полог над кроваткой сына, и верхний свет неловко погасила, и, съежившись, халат упал на стул») происходит поразительная метаморфоза женщины:

«А знаешь: я ведь
Плакала давно
на жизнь свою. И вдруг
так огорошить!
Мужчина в кобле.
Ломовая лошадь.
И вдруг — я слова
женщина. Смешно?»
...Мне б окружить ее
благодарности рифм,
теряться, то бледнея,
то краснея,
но женщина! Меня!
благодарит?
за то, что я! мужчина!
нежен с нею!

Так что не все мужчины кулаком об стол добиваются от женщины женственности. Иные сами провоцируют ее...

Но как же все-таки быть с несомненной утечкой этого ценнейшего и не поддающегося синтезированию качества? В своей книге «Дом» Лариса Румарчук писала:

Куда девалась
женственность моя,
И робкий взгляд,
и слезы без причины?
В двадцатом веке
нужно быть мужчиной
И открывать вулканы
и моря.
Двадцатый век не жалует
послушных.
Ему нужны не жены! —
бунтари.
Кругла земля,
но не мила отрубность.
Мы все, как дом,
неодратны изнутри.

Я спишкой уязвила своих читателей, чтобы разлагать живое тело стиха, комментиде обида на мужчину: тогда то не сделал, того-то не заметил, не то сказал и не туда посмотрел... Нельзя ли его переделать, «перековать», в по-нашему, по-современному — перевоспитать? Многим известна песня на слова Ларисы Румарчук с таким рефреном: «Не буду сына лепить из глины. Не буду бабу лепить из снега. А буду плача лепить мужчину, чтоб был похож он на Человека».

Десятки женских писем прочитала я, прежде чем сесть за статью, и только в одном уловила эту волю к созиданию, эту волшебную человеческую потребность лепить. Никто не хочет лепить: долго, нудно, пальцы замараешь. Все предпочитают ударные, колющие, режущие инструменты! Не отстают от женщин и мужчины. Конечно, лепить близкого человека — дело кропотливое, требующее повышенной заинтересованности. «Чтобы снежную бабу лепить, надо снежную бабу любить...» Как, оказывается, сходны фонетически эти слова: «лепить» и «любить». Наверняка их рифмовали и до Риммы Казаковой. Но она их поставила в новый контекст, и получилось хлестко, афористично.

Вполне возможно, что читательница, чье письмо я собираюсь здесь привести, не читает стихов. Это не суть важно. Важно, что ей принадлежит именно то единственное письмо, которое повествует не о разрушителях, а о зодчих своего очага. Причем инициатором выступает женщина (она полностью назвала и свое имя, к свою фамилию, но выносить их на газетную полосу вряд ли целесообразно): «Ребенок часто болел. Муж зарабатывал немного. Помощи от него почти ни в чем не ощущала... и я решила стать хозяйкой своего положения. Из робкой, стеснительной женщины я превратилась во властную, все умеющую делать, как нужно, женщину. Стала много работать и обеспечивать семью... Муж тоже изменился. Из безответственного юноши, не думающего о своих обязанностях, он превратился в зрелого человека, понимающего мои трудности, помогающего мне во всем...»

Очень я люблю у Бориса Слуцкого стихотворение о двух старичках, проживших вместе «полстолетья»:

— Я бы, — скажет старуха,
— вот что сегодня
сварила!
— Съем, — говорит
с удовольствием.
Это будет красиво!..
Что бы она ни варила,
что бы ни говорила,
ешает, и слушает,
и говорит: «Спасибо!»
«Ты бы, ты бы...»
слышится,
если семейство не дружно.
В этом дружном семействе
слышится: «Я бы, я бы...».
Им, кроме друг дружки,
ничего не нужно.
Все бы разливались
старенькими соловьями!

Идиллия? Может быть. Не знаю, как кого, но меня эта идиллия примиряет с неизбежностью старости...

Моя статья была бы далеко не полной, если бы я не коснулась одной из наболевших сторон вечной проблемы женственности.

Читаю в письме: «У нас на работе, где почти все ИТР, недавно был такой эпизод — послали мужчин строить теплицу, стали составлять график, и вот один товарищ удивился, что от тяжелой работы освобождают женщин, и воскликнул: «А что им сделается?»

Хочу напомнить таким поборникам равноправия давно написанное, но, увы, не потерявшее актуальности стихи Андрея Дементьева:

Видел я,
как дорогу строили,
в землю камни вбивали
женщины.
Повязавшись платками
строгими,
улыбались на солнце
мечтугом.
...А прораб был на диво
холеный,
руки в брюках,
не запрошенны.
— Ну-на, бабоньки!
Раздайте взяли! —
И совсем ничего —
во взгляде,
Может, нет никакой тут
сложности?
Человек при хорошей
должности.
Среди них он здесь
вроде витязя...
Ну а женщины —
это не смешницы,
не врачи, не студентки
ГИТИСа.
Даже вроде уже
не женщины...

Неподражаемое смеляковское «...А я бочком и виновато и спотыкаясь на ходу сквозь эти женские лопаты, как сквозь шпицрутены иду», конечно, не у одной меня засело в памяти. С горечью писали на эту тему и другие поэты, а вот и мне там...

Лирика лирикой, но не пора ли нам вывести дискуссию о женственности из домашнего тупика в сферу общественно-социальную? Я буду рада, если заключительная часть моей статьи послужит затравкой такого разговора.

Статья Р. Беледы и В. Михайлова «Эти избыточные калории...» («ЛГ», № 51, 1976) вызвала обширную читательскую почту. Авторы писем увидели также аспекты проблемы, которые значительно расширяют круг обсуждаемых вопросов.

Сегодня мы публикуем несколько писем читателей. Корреспондент «ЛГ» Р. Тумановский обратился к ответственным работникам соответствующих ведомств с просьбой прокомментировать эти письма.

РЕЗОНАНС

«ЭТИ ИЗБЫТОЧНЫЕ КАЛОРИИ...»

НЕУДОБНАЯ РАСФАСОВКА

Сейчас в наших магазинах практически нельзя купить многие продукты в мелкой расфасовке, хотя еще несколько лет назад такая расфасовка практиковалась. Семьи стали малочисленнее (взрослые дети, как правило, не живут с родителями), и вот выходит: для семьи в два человека бери столько, сколько съесть при всем желании невозможно.

Так называемый «прогрессивный» метод обслуживания в продовольственных магазинах привел к тому, что 100 и 200 граммов многих продуктов купить нельзя. Все расфасовано огромными кусками.

Большие расфасовки заставляют людей покупать много. Это отучило людей от бережливости, приучило к излишествам и даже сделало эти излишества привычной.

Разве мы так безграмотно богаты, что нашему социалистическому обществу принципы рационального и экономного ведения хозяйства (в семье) не подходят?

НИКОЛАЕВА,
инженер

МОСКВА

Заместитель начальника Главпродторга Министерства торговли СССР Я. БЕЛЕНЬКИЙ:

Читательница Николаева справедливо отмечает связь, существующую между дозировкой продовольственных товаров и их излишним потреблением.

Возьмите, к примеру, хлеб. О его роли в нашем питании — да и в излишнем потреблении калорий — известно достаточно. А вот существующая дозировка хлебных изделий, как мы считаем, не способствует бережному расходованию хлеба. Сколько его остается, сколько идет в «отвал» в столовых! Именно поэтому Минторг СССР настойчиво добивается от Министерства пищевой промышленности, чтобы дозировка всех хлебных изделий не превышала веса 200 или 400 граммов. Мы считаем, что такая мера, как и уже налаженный выпуск пятидесятиграммовых булочек, будет способствовать более рациональному расходованию хлеба.

Расфасовка товаров должна обязательно осуществляться промышленностью в тех дозировках, которые нужны потребителям. Сотрудники ВНИИ экономики торговли и систем управления Минторга СССР провели широкое изучение спроса населения на расфасованные товары. Оказалось, что каждый пятый покупатель хотел бы купить 0,5 кг мяса.

Вот еще цифры. На сыр спрос примерно таков: 30 процентов покупателей хотели бы купить 100 граммов, 60 процентов (обратите внимание — большая часть!) — 200 и только 10 процентов — 500 граммов.

Именно на эти цифры и должна была бы ориентироваться промышленность, производящая продукты питания. Однако до сего времени торгующим организациям приходится брать на себя львиную долю забот о расфасовке продуктов. В магазинах самообслуживания, которые представляют собой современную, прогрессивную форму торговли, приходится расфасовывать многие продукты вручную, в неприспособленных для этого помещениях. Это экономически неэффективно и выливается в стремление к увеличению веса расфасовки. Конечно, в какой-то степени — при недостатке фасованных товаров — ручная упаковка в магазинах могла бы быть улучшена, если бы предприятия торговли располагали «малой механизацией» — например, электронными весами, применяемыми в магазинах фирмы «Океан». Но решение проблемы в целом требует не временных мер, а серьезных мероприятий со стороны всех ведомств, участвующих в производстве продовольственных товаров, и Госплана СССР, организующего координацию деятельности этих министерств. Потребители вправе на это рассчитывать.

ДЕТИ ЗА СТОЛОМ...

...В первую очередь надо обратить внимание на питание в детсадах. Ведь сейчас детские учреждения не волнует, сколько съедает ребенок, лишь бы «уложился» в суточный рацион.

При составлении меню не предусмотрен подсчет калорий. Никого не волнует, что дети обедаются. Попробуй потом сократи свой рацион, когда в детстве тебя приучат к обилию пищи!

Д. ЛЕГИНА

гор. ТОЛЬЯТТИ

Многие родители слышат упреки от воспитательницы: ваш ребенок не съедает норму, предписанную врачом. Он нарушает режим сада! И ребята глотают пищу со слезами на глазах: надо же съесть, иначе грозит наказание, угрозы и прочее.

Существует ли такой приказ (или закон) о том, что ребята все должны съесть все, что им положено на тарелки?

А. ПРОКОПОВИЧ

МОСКВА

Начальник Управления по дошкольному воспитанию Министерства просвещения СССР Р. КУРБАТОВА:

Мне кажется, что авторы писем упускают из виду существенное обстоятельство: в дошкольном детском учреждении ребенок не только воспитывается и обучается. Здесь он живет — 10 или 12, а то и все 24 часа в сутки. Соответственно, к его питанию следует относиться, как к важной составной части пребывания ребенка в детском саду. Поэтому нам трудно согласиться с такой точкой зрения авторов писем.

Действующая сейчас норма, которая разработана Институтом питания Министерства здравоохранения СССР, — серьезная база для организации питания детей. Конечно, это не означает, что, например, с учетом последних достижений физиологии или науки о питании, она не может быть изменена. Но вместе с тем эта норма в достаточной степени учитывает калорийность питания, о которой пишет А. Легина. И уж, конечно, как норма, она предусматривает нормальное питание, а не чрезмерное «обилие пищи».

Не правильное питание ребенка влияет много причин. Даже сервировка и оформление стола, интерьер столовой могут способствовать появлению аппетита. Педагог должен быть в постоянном контакте с медицинским учреждением, знать, как подходит родители к организации питания ребенка. Конечно, не везде еще эта связь педагогов детских садов с медицинскими работниками и родителями надежна.

Ни приказ, ни тем более закона, заставляющего детей съедать все, что положено на тарелки, о котором пишет А. Прокопович, естественно не существует. Но от этого не перестают действовать законы физиологии, требующие питания для растущего организма. Проходит час, два, и ребенок хочет есть. Так что лучше, когда «аппетит приходит во время еды».

Правильная организация питания исключает перекармливание детей. Правда, в отдельными случаями — особенно летом, когда родители привозят фрукты и овощи, — работники детских садов все еще сталкиваются. Случаи эти легко устраняются, когда заботу о подвозе фруктов, ягод и овощей берут на себя родительские комитеты.

Мы не считаем, что сегодня решены уже все задачи. Именно поэтому Министерство просвещения СССР совместно с Минздравом СССР и другими ведомствами постоянно проводит работу, направленную на совершенствование питания в детских садах, в частности на некоторое изменение набора продуктов. Эта работа, несомненно, даст положительный результат.

Помощи комментарии работников министерств. Редакция не считает проблему полностью решенной. Мы надеемся, что подписчики читателями «ЛГ» вопросы будут внимательно рассмотрены ведомствами и научными учреждениями, принятыми к решению важной задачи организации здорового, рационального питания.

Александр УРБАН,
собственный корреспондент ТАСС — для «Литературной газеты»

ДЕНЬ В БОННСКОМ СУДЕ...

«СВОБОДНЫЙ МИР»

МАССИВНОЕ светло-серое здание суда на Вилльгельмштрассе занимает почти целый квартал.

При входе — справа от лестницы — на стене висит мемориальная доска с именами юристов, «павших за фатерланд». Над лестницей — цветные витражи. На среднем изображены весы и меч. Символ правосудия.

Поднимаюсь на второй этаж. В конце длинного коридора — застекленный стенд с объявлениями.

Читаю. Дортмундская фирма «Маркант мебель» возбудила дело против Габриэле Фрезен, проживающей в Бонне. Девушка решила приобрести мебель и сделала соответствующий заказ. Согласно условиям она должна была через некоторое время внести задаток 300 марок. Но тут девушка спохватилась — сумма оказалась ей не по карману. Она попросила фирму аннулировать заказ. Однако владельцы «Маркант мебель» заняли непримиримую позицию: оформленный заказ — это договор, имеющий полную юридическую силу.

И они начали бомбардировать девушку угрозами. Теперь ей уже придется не только уплатить 300 марок, но и возместить все судебные издержки.

Многие объявления извещают о продаже с молотка домов, дворов или земельных участков. Владельцы не смогли вовремя уплатить налоги, залезли в долги, и — по решению суда — их имущество продается в принудительном порядке.

* * *

Стучусь в кабинет официального представителя суда. (Во всех учреждениях и организациях ФРГ есть такой представитель, ведающий вопросами связи с местной и иностранной печатью.)

— Ханс Бреннер, — назвал себя, внимательно пожав мне руку, седой, голубоглазый мужчина средних лет.

Я сказал ему, что собираю материалы для статьи о боннском суде.

— Наш суд, — понимающе кивнув головой, начал господин Бреннер, — обслуживает город Бонн и его окрестности. Иными словами, в общей сложности 826 220 человек... Это здание было сооружено более 125 лет тому назад на средства, собранные горожанами. Его открыли 1 октября 1851 года. Ныне у нас 22 палаты, 546 адвокатов и более 120 судей. Однако вы все представите себе гораздо лучше, если мы загляне в судебные залы.

...Мы идем по широкому, плохо освещенному коридору. Мой сопровождающий останавливается у зала № 202, тихо открывает дверь и жестом пропускает меня вперед — в отсек, отведенный для публики.

Господин Бреннер кивает своему коллеге, восседающему в судейской мантии на председательском кресле. Рядом с ним — два помощника и два присяжных. Слева — адвокаты. Тут же и обвиняемые: два пожилых тучных господина. Справа, за отдельным столом, сидит прокурор. На его лице выражение полнейшего равнодушия ко всему происходящему.

Посреди зала сидит на стуле молодой человек в коричневой кожаной куртке. Идет допрос свидетеля.

— Знали ли вы, что субподрядчик и не думал платить жалованье сотрудникам вашей строительной конторы?

— Нет, конечно! Вначале я и не мог этого знать. Ведь господин Флегер показал мне договоры, заключенные с клиентами и по всей форме заверенные у нотариуса...

Бреннер полуприслонился ко мне и в курс дела. Судят Флегера, владельца боннской строительной фирмы. Судят за крупное мошенничество.

Флегер сидит спиной к нам. Мясистый затылок, отпущенные красные уши. Серый пиджак натянут и, кажется, вот-вот лопнет на жирной спине. К ножке стула, на котором сидит Флегер, прислонен темный кожаный портфель. Впечатление такое, будто он пришел не в судебный зал, а в свой рабочий кабинет.

Тут же сидит нотариус, который заверял фиктивные договоры «строителя». Склонив голову набок, он настороженно ловит каждое слово.

— Сейчас ведется допрос руководителя конторы, которая по поручению фирмы Флегера должна была выполнять заказы по жилищному строительству, — шепчет Бреннер.

Когда же вы узнали, что Флегер и не помышлял оплачивать труд ваших рабочих? — бесстрастно продолжает судья.

Он высокий, в очках. Темная мантия подчеркивает строгость его лица. За спиной судьи на белой стене чернеет крест.

— Слава богу, нам еще до начала строительства стало известно, что господин Флегер все задатки положил себе в карман, — отвечает допрашиваемый.

Флегер невозмутим. Внешнее спокойствие сохраняют и все остальные. То судья, то защитники задают вопросы. Присяжные — пожилая блондинка и мужчина в зеленом костюме — молча слушают.

Прокурор сдерживает зевоту, тщательно рассматривая свои ногти. Чувствуется, что этот процесс ему изрядно надоел. Ведь он тянется уже не первый месяц.

...В своем кабинете господин Бреннер рассказывает мне подробности дела. Не так давно Карл Флегер создал фиктивную фирму. Клиенты, у которых он брал задатки, не видели уже ни своих денег, ни жилищ.

Жертвами оказались разные люди. Подавляющее большинство — пенсионеры. Всю жизнь они откладывали по марке, лелея мечту о собственном доме, о том, чтобы вырастить наконец из кабалы непрерывно растущей квартплаты.

Вместе с Флегером на скамье подсудимых сидит и нотариус Карл Грецер. Судя по всему, он отнюдь не бескорыстно скреплял своей печатью злополучные договоры. Теперь Грецера обвиняют в соучастии предумышленному обману.

Некоторые из жертв Флегера подали в суд, надеясь получить свои деньги обратно. Но пока еще никому не удалось этого добиться. Впрочем, очень многие их пострадавших не стали судиться, чтобы не оказаться в двойном проигрыше. Ведь мошенник все равно уже растранжирил все деньги, и судебные расходы пришлось бы нести истцу. Сумма же их весьма внушительна. Если, к примеру, пострадавший хочет отсудить три тысячи марок, а обвиняемому нечем платить, то сам истец несет судебные издержки. Это примерно тысяча марок.

* * *

...Зал № 226. Вначале я не могу сообразить, куда я попал и что здесь происходит.

— Продается каменный дом с прилегающим земельным участком. Расположен в удобном месте пригороду от Бонна. 194 тысячи марок. Кто готов уплатить названную сумму? — громким голосом объявляет судья.

У меня ощущение, будто я не на судебном заседании, а на каком-то аукционе.

Впереди на стульях сидят двое: женщина и мужчина. И ей, и ему — за пятьдесят. Вид у них подавленный. Женщина то и дело достает из кожаной черной сумочки платок и, всхлипывая, вытирает слезы. У мужчины усталое лицо, под глазами тяжелые синие мешки. Время от времени он безуспешно пытается утешить женщину.

В отсеке для посетителей довольно много людей. Выслушав судью, они поочередно поднимают руки и громко выкрикивают:

— Сто тысяч!

— Сто двадцать пять тысяч!

— Сто тридцать тысяч!

Все сумма меньше объявленной. Судья отрицательно мотает головой и снова — чуть ли не тоном зазывалы — рекламирует продающийся дом.

Обращаюсь к молодому парню, сидящему рядом. Тихо спрашиваю:

— Что это все означает?

Парень охотно объясняет:

— Вон те двое впереди — супруги Пауль и Гертруда Мерс, бывшие владельцы дома и участка. Не повезло бедняги!

По правде говоря, особого сочувствия в голосе моего собеседника я не слышу. Он рассказывает мне обычную историю — одну из тех, которые, по его выражению, «сливаются в серые будни боннского суда».

Супруги Мерсы были владельцами процветающей строительной фирмы. Всякий раз, когда подходило время платить налоги, они аккуратно и добросовестно выполняли эту обязанность. Потом начались трудности с деньгами (в последние годы строительная промышленность ФРГ переживает кризис), и Мерсы стали обращаться в ссудную кассу и обнаружили, что в банке, находящегося неподалеку от Бонна. Служащие банка, поняв имущественные гарантии Мерса, убедили его «мелочек с полпфеннига», за судьбу кредитов можно не беспокоиться. И всякий раз выдавали ему очередную сумму денег.

Так продолжалось несколько лет. Но в один прекрасный день супруги с ужасом узнали, что их строительная фирма потерпела крах. Само собой разумеется, об этом узнал и директор банка. Тотчас же были произведены соответствующие расчеты, и выяснилось, что сумма кредитов, выданных Мерсу, приближается к опасной черте: стоимость его недвижимого имущества. Но это — дело времени, обратился в суд. Супруги Мерсы были в отчаянии. Они засыпали суд просьбами и заявлениями, умоляли отложить рассмотрение дела хотя бы на полгода. Они все еще на что-то надеялись. Но чудес в безжалостном мире финансов не бывает.

...Итак, я был свидетелем заключительной сцены этой трагедии.

Часть я совершенно добровольно отдаю бывшей жене и детям, а другую часть трачу на содержание малолетнего брата Пауля.

Судья вопросительно смотрит на женщину. Нервно покашливая, она начинает:

— Хозяйство я веду сама — нанимать рабочую силу мне не по карману. Это верно, что прошлой осенью я сдала коров и свиней на мясокомбинат. Выручка составила 6930 марок 76 пфеннигов. Но ведь на содержание детей и дома я истратила в истекшем году 12 194 марки 23 пфеннига. Расходы, как видите, значительно превышают доходы. На жалкие подачки моего бывшего мужа я с детьми прожить не смогла бы.

Женщина на время замолкает, а затем, словно спохватившись, добавляет:

— Он часто заявлял, что ошибся во мне. А ведь честно говоря, он женился вовсе не на мне, а на моем имуществе. Еще до свадьбы его родители во что бы то ни стало хотели увидеть завершение нотариусом завещание моей тетушки, где говорилось, что после ее смерти двор унаследует моя мать...

Многочасовое судебное заседание прерывается. Суд удаляется на обед. До допроса свидетелей дело пока не дошло. Зря они просидели в коридоре, томясь ожиданием. Бывшие супруги молча, не глядя друг другу в глаза, покидают зал.

* * *

— В зале № 33 начинается слушание дела о попытке убийства. Обвиняется один юноша, — говорит мне приятелий, с которым я успел познакомиться. Вероятно, вас это, наверное, не очень интересует. Убийствами у нас полны все газеты. Это наиболенная тема нашей печати! Подробные репортажи об убийствах, преступлениях и до мелькают на экранах телевизоров. С сообщений об убийствах начинает передачу последних известий наше радио. Понятно дело, у нас нет недостатка в процессах об убийствах, покушениях, бандитизме. В 1975 году, например, суд рассмотрел 203 уголовных дела. И это в одном только маленьком Бонне!

Мой собеседник прав, подумал я. «Кровь» на страницах западногерманских газет хоть отоваляй! И надо сказать, что репортажи о преступлениях уголовной хроникой, стараются изо всех сил. Не довольствуясь натуралистическим описанием жутких преступлений, они еще добавляют «яркие» детали, порожденные собственной фантазией. Обывателю должно быть страшно. Его пугают беспрестанно. В условиях этой системы человек должен бояться.

Но это — одна сторона дела. Другая — действительный рост преступности.

...Недавно в городе Кобленце завершился не совсем обычный процесс. Судили трех парней и одну девушку. Даже видавший виды городской прокурор заявил, что этот случай «беспримерен по своей жестокости». Более того, преступники не могут даже объяснить, почему они учинили столь дикую расправу над 18-летним рабочим А. Хейманом. «Уж так случилось», — спокойно заявил один из них.

А случилось вот что. Как-то раз вечером в кабачке неподалеку от городского стадиона встретились компания друзей: Норберт, Эберхард, Карл-Хайнц и Криста. (Самому старшему — 21 год, остальным — от 16 до 18.) Им было скучно. Они пили пиво, лениво перебрасывались. Потом обошли еще несколько кабачков. По дороге возле церквушки встретили одинокого парня.

Эти четверо и не припомнят сейчас, кто из них и почему обратился к парню. Кажется, это была Криста, которая подошла к Хейману и рявкнула:

— Может, ты хотя бы здороваешься?

Парень, добродушно улыбнувшись, всем по очереди подал руку. И вдруг кто-то из ребят ударил его в лицо. Тут на него набросились и остальные. Сбили с ног, зажали рот и, приставив нож к спине, велели идти к стадиону. Там его принялись избивать.

Потом кто-то из них крикнул:

— Кончай его!

Эберхард взял нож и широко размахнувшись, всадил парню в спину. Затем новые удары стали наносить все по очереди.

«Что же они — эти люди, эти четверо?» — вопрошает гамбургский еженедельник «Цайт».

Психиатры констатировали, что все убийцы совершенно нормальны.

...14-летняя школьница Бритта Шмиц почти два года держала в страхе деревню Вольмерат. «Со скуки» она поджигала дома. Когда уже стали ложиться спать, не раздеваясь — боялись пожара. Специальному наряду полиции удалось схватить Бритту, когда она пытала совершить двадцать первый поджог.

...Три подростка — в возрасте от 13 до 15 лет — бросили бутылку с бензином в автостраду Вейло — Дюссельдорф, стараясь попасть проезжающую машину. И попали: камень пробил ветровое стекло и смертельно ранил Э. Радке — мать нескольких детей. Она скончалась по дороге в больницу.

...Две четырнадцатилетние подружки — Ирис и Элизабет — заманили в лес восьмилетнего мальчика, набросили ему на голову мешок, связали и стали избивать ногами. Мальчик умер от побоев.

...В небольшой баварской деревушке близ Розенгейма 17-летний парень забрался в квартиру 80-летней старушки и начал рыться в ее шкафу. Услышав шум, женщина вышла из спальни. Парень убил ее ударом по голове.

Все эти преступники были освидетельствованы психиатрами. И все были признаны здоровыми.

В чем же причина столь дикой жестокости? Психиатры обратили внимание на одну деталь: названные того дня, когда были совершены все эти преступления, по телевизору демонстрировался фильм, изобиловавший сценами насилия. На допросе Ирис сказала:

— Я хотела испытать ощущение, которое появляется, когда уничтожь человека.

И еще одна деталь: некоторые из этих подростков хотели, чтобы на них «обратили внимание», оценили их «индивидуальность».

...Я беседую с руководителем палаты по делам молодежи.

— «Мокрых дел» хватает, разумеется, и в стране ФРГ, — говорит он. — но все же Бонн нельзя сравнить с «маленьким Чикаго». Я имею в виду Кельн, где население превышает миллион... Значительную часть среди преступлений занимают изнасилования. По статистике, каждые 15 минут в ФРГ происходит изнасилование.

Кабинет судьи забит папками уголовных дел.

— Мотивы? Иногда — никаких. А чаще подростков толкают на преступление стяжательство, пьянство, наркомания. «Главная причина — больное общество», — говорят наши социологи.

Судья протягивает руку к папкам, раскрывает одну из них.

— Вот! — восклицает он. — Жуткий случай! 20-летний В. Ортсдорф зарубил топором 50-летнего чиновника Х. Бухмана. Мотив? Увидел пухлый бумажник с пачкой стомарковых бумажек. А проведенные — так сказать, рядовые — кражи! Вы, наверное, читали в газете «Ханделсблатт», что за последние два десятилетия число хищений в магазинах увеличилось на 330 процентов. Только в 1975 году в стране было зарегистрировано 199 049 таких краж. В общей сложности на протяжении года покупатели разворовывают товары на сумму 2,65 миллиарда марок. Но это, конечно, чистейшее дилетантство! Крупные грабежи в нашей стране совершают многоопытные профессионалы...

* * *

...Серое массивное здание суда на Вильгельмштрассе. Сколько людей, несчастных, отчаявшихся, приходило сюда с надеждой в сердце! Сколько обездоленных искало здесь справедливости! Сколько разыгрывалось трагедий и ломалось судеб за столетие с лишним! И какую страшную летопись преступлений, безмолвно хранит заплесневелые архивы суда!

БОННЫ

Феликсас СТРУМИЛАС

ПОКРОВИТЕЛИ УБИЙЦ

Семь лет назад отец и сын Бразинскасы совершили тяжкое уголовное преступление: захватили самолет «АН-24», убили бортпроводницу, ранили летчиков и вынудили экипаж приземлиться в Турции. Сейчас преступники находятся на свободе и живут в США.

Как уже сообщалось в нашей печати, члены экипажа самолета «АН-24» направили письмо президенту США Дж. Картеру с требованием выдачи преступников.

Сегодня мы публикуем статью литовского публициста, содержащую дополнительные подробности о покровителях воздушных пиратов.

В 1970 ГОДУ отец и сын Бразинскасы угнали советский гражданский самолет, убили бортпроводницу и ранив других членов экипажа. Турецкие власти отклонили требование Советского Союза о выдаче преступников и спустя некоторое время освободили их из-под стражи.

Затем Бразинскасы выехали в Рим, где сразу же установили контакт с так называемой «коллегией святого Казимира», которая была создана в свое время с благословения Ватикана и стала не только очагом ярой антисоветской пропаганды, но и сборным пунктом для всяческого отребья — изменников родины, перебежчиков и прочих уголовных преступников. Руководители этой коллегии, созданной при участии епископа Винцентаса Бризгиса, не боялись разглашать, остаться равнодушными к судьбе «братьев по духу» Бразинскасов. «Святая церковь» взяла убийц под свою защиту.

Оказав им сердечный прием, она снабдила их деньгами и авиабилетами до Каракаса. Воспользовавшись гостеприимством местных богослужителей, воздушные пираты решили спуститься в то место, где им предоставлялись в более «надежные» края и — по совету своих покровителей — «затерялись» в нью-йоркском аэропорту.

В Соединенных Штатах Бразинскас-сын был представлен своей «невесте», некоей Милаускайте, с которой он якобы переписывался, еще находясь в турецкой тюрьме. Свадьбу сыграли без промедления, но медовый месяц был прерван неожиданным вмешательством иммиграционного ведомства США. Заодно под стражу заключили и Бразинскаса-старшего. Впрочем, и молодой жених, и его папаша отделались легким испугом, ибо их тотчас же взяли на поруки главари соответствующих антисоветских организаций.

И тут снова возникла зловещая фигура епископа Винцентаса Бризгиса, проживающего ныне в Соединенных Штатах. Он не только «помянул добрым словом» Бразинскасов в своих молитвах, но и позаботился о более земных формах поддержки.

А несколько ранее епископ Бризгис обратился по радио Ватикана с многословной проповедью к своим литовским «сестрам и братьям во Христе». Очень, надо полагать, тревожно у него на душе, коли на исходе лет своих он решил призвать литовцев к «духовному обновлению и примирению».

Нет, епископ, примирения не будет! Говоря словами вашей же проповеди, «пережитое нами прошлое не столь уж далеко, чтобы о нем не стоило вспоминать».

Да, мы, граждане Советской Литвы, ничего не забыли. Мы все помним. Мы помним сороковой год, золотыми буквами вписанный в историю литовского народа: в нашей республике была восстановлена Советская власть и началась новая жизнь. Но мы помним и тех, кто пытался мешать нам на каждом шагу. В первые же дни Советской власти епископ Винцентас Бризгис обратился к священнослужителям и монахам разных конгрегаций с призывом бороться против Советской власти и сеять в душах верующих ненависть к социалистическому строю.

Как образно выразился Ж. Мелье, «религия и политика... неплохо уживаются друг с другом, когда заключают меж собой союз и дружбу: можно сказать, что с этого момента они уживаются, как два карманника, которые защищают и поддерживают друг друга». Это в полной мере относится к определенным кругам литовского духовенства, которые сотрудничали с врагом в самый тяжелый период истории Советской Литвы — в годы гитлеровской оккупации.

Вот как описывает первые дни войны епископ Бризгис в своих мемуарах, опубликованных в Каунасе в 1942 году: «Люди уже выслушали речь министра Геббельса, жили делились новостями. У тропинки, по которой мы шли, возле воронки от снаряда торчали две ноги солдата. А мы чувствовали себя счастливыми, как во сне...»

Епископ не только радовался приходу фашистских оккупантов — он не замедлил встретиться с начальником Восточной Пруссии, прибывшим в Литву, и охотно принял его предложение обратиться с посланием к литовскому народу. 4 июля 1941 года этот «документ», подписанный епископом Ю. Сквирецкасом, епископом В. Бризгисом и прелатом К. Шаулисом, был передан по радио и опубликован в фашистской газетенке «И лайсве». В этом послании говорилось без обиняков: «Германская армия и народ несут Европе освобождение».

6 августа 1941 года в Каунасе состоялась конференция епископов, на которой было принято решение направить делегацию к генерал-комиссару оккупированной Литвы фон Рентельну и выразить благодарность фашистскому правительству за «освобождение». Кто же вошел в состав этой делегации? Разумеется, в первую очередь — епископ Винцентас Бризгис. Трудно было бы найти более подходящего человека.

Люди старшего поколения помнят злобно антисоветское обращение этой конференции к верующим. Помнят они и писанину Бризгиса в фашистских газетах того времени, помнят, как он призывал литовскую молодежь вступать в гитлеровскую армию. «Мы не можем остаться в стороне от происходящей ныне великой битвы. Каждый, кому надлежит выполнять свои обязанности в армии или в работах военного значения, должен немедленно приступить к их выполнению», — писал епископ Бризгис в газете «Атейтис».

Антанас Валайтис, близкий друг «гестаповского пастыря», 14 ноября 1949 года дал органам советского правосудия весьма примечательные показания. До 1940 года Валайтис был одним из руководителей клерикальной молодежной организации «Павасаринникайя», действовавшей непосредственно под руководством церковных иерархов, в том числе Бризгиса. «В августе 1941 года я ездил в Каунас для встречи с епископом Бризгисом, дабы посоветоваться о возможностях возрождения религиозных организаций и активизации работы среди молодежи, — показал Валайтис. — Епископ Бризгис спросил у нас, много ли евреев в Кракес (небольшое местечко в Кедайнском районе. — Ф. С.). Мы ответили, что много и всех содержат в гетто. Узнав, что евреев до сих пор еще не застрелили, он возмутился и спросил: «А вы не боитесь, что евреи могут восстать, разгромить вас и поджечь местечко?» Когда я заметил, что с ними очень жестоко обращаются, епископ Бризгис ответил: «Евреев не следует жалеть, они это заслужили». Спустя дней восемь после нашей беседы с епископом Бризгисом всех евреев расстреляли в течение одного дня близ деревни Пештинукяи, что в 1,5 км от Кракеса.

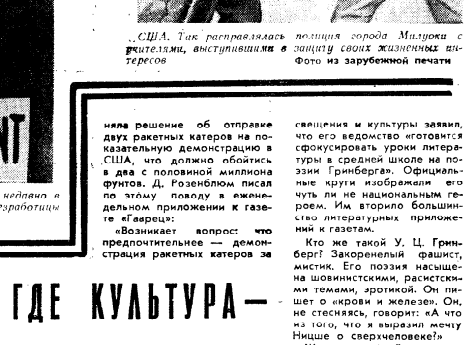
Это лишь небольшой эпизод, характеризующий «богоугодную» деятельность военного преступника, осененного крестом.

Гестаповское начальство своевременно позаботилось о том, чтобы его рьяный слуга смог оказывать от правосудия. В числе нескольких сотен литовских католических священнослужителей, активно сотрудничавших с гитлеровцами, он обосновался на Западе. Ныне эти «священнослужители» вкупе с прочими отщепенцами находятся на содержании у империалистических разведок и ведут подрывную пропаганду против Советской Литвы.

Не приходится удивляться, что этот сброд встретил Бразинскасов с распростертыми объятиями.

Возникает только один вопрос: почему американские власти до сих пор не приняли мер для поимки преступников и выдачи их Советскому Союзу? В заявлении Советского правительства от 15 июля 1976 года ясно сказано: «Советское правительство считает, что преступники Бразинскасы, где бы они ни находились, подлежат выдаче Советскому Союзу, и рассматривает укрывательство их как недружественный акт в отношении СССР».

КАНАДА. Одна из участников состоявшейся недавно в Торонто демонстрации протеста против роста безработицы в стране



США. Так расправлялась полиция города Милуоки с учителями, выступившими в защиту своих жизненных интересов
Фото из зарубежной печати

ТАМ, ГДЕ КУЛЬТУРА — ВРАГ НОМЕР ОДИН

«КРИЗИС! Нужда! Социальная пропасть — самая серьезная проблема Израиля», «Банкротство сионизма» — вот заголовки к выдержкам из бюллетеня «Бахаут», специально выпущенного городским театром Хайфы к спектаклю «Кризис». (Этот спектакль, полный тревоги и боли, создан на основании фактов, материалов и бесед, записанных И. Вайнгартеном в бедных кварталах разных городов Израиля.) Сейчас в стране можно часто услышать, что «политическая проблема — самая серьезная в Израиле» и что столь же серьезными являются проблемы безопасности, бюджета, культуры, морали.

Сегодня еще не все в Израиле понимают, в чем корень зла, какой из вопросов действительно самый главный, неизбежно приводящий к существованию других. Давно не все осознают, что именно курсом на агрессию и территориальную экспансию руководствуются правящие круги Израиля и в своей «просветительской деятельности, и во внутренней политике, и, разумеется, в распределении бюджетных ассигнований.

Курс на агрессию и аннексию приводит к тому, что прямые и косвенные военные расходы Израиля составляют более 60 процентов государственного бюджета, в то время как ассигнования на просвещение и культуру — всего лишь 5 процентов. Тенденция к сокращению расходов на социальные и культурные нужды прослеживается и в уже разработанном правительством бюджете на будущий финансовый год.

«Наша культура, — писал с горьким сарказмом Х. Песах в газете «Еднот ахронот», — стоит на первом месте в правительственных планах уменьшения бюджетных расходов: для властей она — враг номер один».

Правительственные ассигнования театрам, библиотекам, различным культурным учреждениям ограничиваются в нынешнем финансовом году 80 миллионами фунтов (отметим, что эта сумма составляет всего лишь половину стоимости одного самолета «Ф-15»). И даже эту мизерную субсидию правительство решило урезать!

Весьма показательно следующее обстоятельство: в один и тот же день комиссия кнесета по вопросам просвещения решила согласиться на закрытие одного из театров, чтобы сэкономить полтора миллиона фунтов, а комиссия по вопросам внешней политики и безопасности приняла решение об отправке двух ракетных катеров на показательную демонстрацию в США, что должно обойтись в два с половиной миллиона фунтов. Д. Розенблюм писал по этому поводу в еженедельном приложении к газете «Гаарец»:

«Возникает вопрос: что предпочтительнее — демонстрация ракетных катеров за океаном или спектакли израильского театра в течение целого года? Неужели это и есть кшкала национальных ценностей» в действии?»

«Лишь те власть, которая живет в страхе, невежестве и неуверенности, может в наше время поднять руку на источники творчества и культуры, на театр, литературу и изобразительное искусство», — отмечала депутат кнесета Ш. Алони в своей статье «Что урезают и кому добавляют».

Видимо, дело не в невежестве. Опасливые правящей верхушки к культуре — это органическая часть официального агрессивного курса Израиля. Ее главная забота — одурманить народ, и прежде всего молодежь, подготовить молодое поколение к выполнению его главной миссии: быть пушечным мясом.

В этой связи хотелось бы сказать еще об одном «культурном событии» в жизни Израиля — 80-летии поэта Ури Цви Гринберга. По этому поводу была устроена беспрецедентная свистопляска. Кнесет посвятил поэту специальное заседание. Министр просвещения и культуры заявил, что его ведомство «готовится сфокусировать уроки литературы в средней школе на поэзии Гринберга». Официальные круги изображали его чуть ли не национальным героем. Им вторило большинство литературных приложений к газетам.

Кто же такой У. Ц. Гринберг? Закоренелый фашист, мистик. Его поэзия насыщена шовинистскими, расистскими темами, эротикой. Он пишет о «крови и железе». Он, не стесняясь, говорит: «А что мы могли, что я выразил нечто Ницше о сверхчеловеке?»

Журналист А. Башан рассказывает, что, когда он был у него дома, У. Ц. Гринберг недоумевал, почему это друг-поэт пришел теперь не дает ему покоя и проявляют к нему такой повышенный интерес: «почему именно 80-летие, почему не 75, не 70.?». И действительно, почему? Потому что все более усиливается влияние ультраправых сил в Израиле. Фашистствующие молодчики бесчинствуют при явном попустительстве властей. Вот им и понадобился У. Ц. Гринберг.

В такой атмосфере милитаризма и шовинизма особенно нелегок путь прогрессивных израильских деятелей литературы и искусства. Не их пути возводятся бесконечные преграды, начиная с трудностей в издании и распространении их произведений и кончая резко негативным к ним отношением со стороны официальной критики.

Выступая в кнессете, генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля М. Вильнер подчеркнул: «Общественность Израиля недовольна ни экономическим, ни социальным положением в стране, народ устал жить в постоянном страхе новой войны».

Яков ШРАЙБЕР

СТО ЛЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РУМЫНИИ

Рисунок румынской художницы **А. СМИГЕЛЬСКИ.**

РУМЫНСКИЙ народ празднует в эти дни столетие провозглашения государственной независимости своей страны. В русско-турецкой войне 1877—1878 гг. румынские солдаты плечом к плечу с русскими воинами героически сражались против османских войск. 9 мая 1877 года румынский парламент провозгласил независимость страны.

В нынешнем году исполняется еще один славный юбилей — 30-летие провозглашения Румынии народной республикой.

Эти знаменательные исторические даты трудящиеся СРР, успешно строящие развитое социалистическое общество, отмечают в обстановке дальнейшего укрепления братского сотрудничества Румынии с Советским Союзом и другими странами социализма.

Выступая на митинге румыно-советской дружбы в ноябре 1976 года в Бухаресте, Генеральный секретарь ЦК КПСС, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Когда мрачная ночь фашизма опустилась над вашей страной, именно коммунисты подняли в Румынии знамя борьбы с гитлеровцами и их пособниками. В первой наступлении на гитлеровские армии, развернувшемся на советско-германском фронте, румынские коммунисты осуществили победоносное вооруженное восстание, сломили фашистский режим». «И вполне закономерно, — подчеркнул далее товарищ Л. И. Брежнев, — что родившаяся в горнилах этих жестоких испытаний новая, народная Румыния с первых дней своего существования установила отношения дружбы с Советским Союзом».

Творческое сотрудничество и взаимное духовное обогащение характерно для отношений социалистических культур Румынии и других братских стран. В Советском Союзе широко издаются произведения классиков и современных писателей Румынии. Сложилась прочная традиция творческих встреч между советскими и румынскими литераторами. С большим успехом недавно прошла в Государственной Третьяковской галерее выставка румынской скульптуры, а в кинотеатрах Москвы и других городов нашей страны — Дни румынского фильма. Неотъемлемой частью культурной жизни СРР стали произведения советских мастеров литературы и искусства.

Мы предлагаем вниманию читателей материалы, отражающие сегодняшнюю литературную жизнь социалистической Румынии.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

ПРОШЛОЕ, СОВРЕМЕННОСТЬ, БУДУЩЕЕ

НЕДАВНО в Москве находилась группа известных румынских литераторов. Редакция «Литературной газеты» попросила их поделиться своими мыслями о наиболее значительных явлениях в современной литературе СРР. В результате группового интервью получилась картина того, чем живут сегодня румынские писатели, каково их отношение к основным проблемам современности.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РОМАНА

Разговор начинает заместитель главного редактора еженедельника «Румыния литераря», известный литературный критик Габриэл ДИМИСИАНУ:

— Показательным аспектом литературного процесса в современной Румынии стали дискуссии по проблемам взаимоотношений между искусством и жизнью. Писатели, эстетики, критики, историки литературы обмениваются мнениями о сущности и формах литературного конфликта, социальном и политическом содержании современного романа, гуманизме социалистической литературы, характерных особенностях современного человека и литературного героя. В ходе этого широкого диалога нет недостатка в противоположных мнениях, а порой и в острополемических высказываниях. Я назвал здесь лишь несколько из множества тем, причем каждая из них позволяет «проверить на прочность» теоретические позиции путем широкого обращения к новейшим достижениям нашей литературы.

Нет сомнения, что этот столь благоприятный для всесторонних дискуссий климат обусловлен самой литературной действительностью, новыми, появившимися в последнее время произведениями, особенно — в области прозы. Такие книги, как «Королевская охота» Д. Р. Попеску, «Галерея, увитая диким виноградом» К. Цою, «Лики молчания» А. Бузуры, «Прозрение» и «Рак» безвременно ушедшего от нас Ал. Ивасюка и многие другие, дают основание говорить о подлинном возрождении общественно - политического, проблемного романа как выражения совершенно особого интереса нашей публики к социальной проблематике, к объективной оценке важных моментов в истории нашего общества за последнее тридцатилетие. Особым успехом у читателя пользуются произведения, в которых упор делается на использование документальных свидетельств, что способствует максимальному ощущению достоверности и правды в литературе.

С другой стороны, лучшие произведения последних лет позволяют глубже узнать внутренний мир человека, в них с большой проникновенностью изображены оттенки душевных переживаний, внимательно исследуются психологические процессы, формы человеческого поведения в условиях, характерных для современной стадии румынского социалистического общества.

Следует отметить также особый интерес литературы к этическим проблемам, ее стремление утверждать ценности социалистического гуманизма. Итак — не равнодушное воплощение, не холодное перечисление фактов и впечатлений, а активная интерпретация, заинтересованность, приобщение, боевая нацеленность.

Мы имеем все основания утверждать, что румынская проза переживает период значительных сдвигов, отличающийся многообразием поисков, непрестанным обогащением реалистического письма. Можно не сомневаться, что появятся и другие ценные произведения, которые войдут в сокровищницу культуры как убедительные художественные свидетельства нашей сегодняшней действительности.

ТВОРЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Директор издательства «Мишерва» Аурел МАРТИН рассказывает о связях современной культуры СРР с историческими традициями:

— Во всем, чем богата послевоенная румынская литература — в ее реалистической, гуманистической направленности, в преимущественном интересе к социальному, к активным жизненным позициям, диалектике истины и культуре подлинных ценностей, в ее стремлении к тематическому и стилистическому многообразию сказывается неразрывная связь с классическими предшественниками. Точнее говоря, с предтечами — с Эминеску и Кошбуком, Ионом Крянгэ и И. Л. Караджале, Л. Ребряну и М. Садовяну, С. Т. Аргези, Л. Благой, И. Пилэтом, Дж. Бековой и многими другими. Причем последнее поколение принимало самое активное участие в создании новой румынской литературы, пронизанной идеей политической, гражданской, патриотической борьбы писателя-коммуниста.

В этих условиях традиция была и остается убедительным свидетельством преемственности всего прогрессивного в нашей истории. Румынские писатели неизменно сохраняют верность идеалам свободы, социальной справедливости, мира и братства между народами. Они — ответственные комментаторы событий, умеющие отделять существенное от несущественного, взятели человеческой души, выразители своей эпохи и одновременно сознатели будущего.

СИЛА ГУМАНИЗМА

Известный критик и литературовед Ион ЯНОШИ приехал в Москву свою только что вышедшую книгу «Рассказ с двумя неизвестными. Достоевский и Толстой».

— Вслед за моими прежними исследованиями творчества двух гигантов русской литературы, — рассказывает автор, — я пытаюсь проследить причины их несостоявшейся личной встречи и нарисовать сложную картину их жизненных и идейных взаимоотношений.

Я хотел бы сказать о сверхзадачах литературы. Человек, его жизнь, его будущее — эти слова как будто поблекли от частого их повторения, но если вдуматься, то обозначенное ими остается стержнем всего частного и подспудного.

В Румынии мы это недавно особенно остро почувствовали. Трагедии, причиненные катастрофическим землетрясением, и всенародный героизм восстановления напомнили нам о самом важном. Социалистический, революционный гуманизм проявлялся ежечасно, ежеминутно. Писатели постигли опять-таки воочию, что дело их обретает смысл только в постоянной и неразрывной связи с чаяниями и свершениями народа, отправляясь от них и возвращаясь к ним, оплодотворенное этими свершениями и, в свою очередь, обогащающее их.

Чувства, мысли, труд писателей социалистической Румынии богаты индивидуальными оттенками, но в то же самое время объединены благородным служением своей стране и взаимопониманию между народами.

Румынские писатели будут и впредь помнить о достоинстве человека, о его свободном и многогранном расцвете, который в нашей стране обеспечивает программа построения развитого социалистического общества и продвижения к коммунизму.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЖУРНАЛЕ «СЕКОЛУЛ XX»

Проблемы борьбы за мир, за европейскую безопасность, интернациональная солидарность и братское сотрудничество стран социализма — все это сегодня в центре внимания румынских литераторов. Дан ХЭУЛИКЭ, главный редактор журнала «Секолул XX», вице-президент Международной ассоциации искусствоведов, говорит о плодотворности духовного взаимообогащения литератур СССР и Румынии:

— Вдохновенная борьба за мир сближает народы. Революционный гуманизм нашей литературы вращен на ниве народного опыта, его спокойной, достойной мудрости перед лицом исторических испытаний. Потому сегодня писатели видят свой долг в том, чтобы постоянно пробуждать сознание людей против опасности новой войны.

«Недостоин тот, кто изменяет памяти, — сказал Н. Йорга, наш известный историк, принявший мученическую смерть от рук фашистских извуреров. Народ, наш, носитель давних традиций глубочайшей человечности, не привык прощать тем, кто творит зло, и в пору сопротивления нацистскому аду он неоднократно это доказал. В русле этих традиций руководимый мною журнал «Секолул XX» («Век двадцатый»), знакомящий румынского читателя с литературами мира, считал всегда своим долгом показывать антифашистскую борьбу как некое высшее испытание человеческой совести: мы публиковали и классические книги, отражавшие гражданскую позицию писателей, и философские воззрения таких мастеров слова, как Томас Манн, и более близкие к нашему времени свидетельства, как, например, собранные в Белоруссии А. Адамовичем, Я. Брылем и В. Колесником рассказы очевидцев татаро-иных трагедий (замечу, кстати, что нам была предоставлена привилегия опубликовать эти материалы еще до выхода книги на русском языке).

Будучи важным инструментом сближения наших литератур, журнал «Секолул XX» отвел на протяжении неполных двух десятилетий не менее 10 тысяч страниц на статьи, интервью, заметки, связанные с творчеством русских и советских писателей. Литература вашей страны представляется нами читателю в тематических номерах и обширных подборках — от Маяковского, Леонова, Федина и Симонова до таких, более поздних явлений, как современная деревенская проза («Деревенные хроники Ф. Абрамова, к примеру) или драматургия столь удивительного таланта, каким был сибиряк А. Вампилов. А как не сказать о том, что эта работа предполагает постоянное, более углубленное обращение к уже переведенным произведениям, что многие из них, например, поэтическое наследие Есенина, появляются на страницах «Секолул XX» в новых переводах? Как не сказать о том, что на этом пути плодотворных, все более разнообразных поисков происходят закономерные открытия новых территорий», как, например, Цветаева или Булгаков? Или проникновение в плодоносные недра традиции, вернувшие нам нашего «вечного современника» Достоевского?

Обращение к русской и советской литературе свидетельствует не только о стремлении удовлетворить жажду знаний румынского читателя — оно говорит о потребности в конструктивном сотрудничестве во имя защиты творчества, жизни. Отсюда успех таких наших литературоведческих материалов, как те, что были посвящены «Калине красной» и «пафосу нравственного призыва», свойственному творчеству В. Шукшина.

Жива и неистребима потребность в совместной борьбе против возможных катаклизмов, против войны, в надежном совместном противоборстве злым стихиям. В программе РКП, принятой XI съездом партии, успехи наши, трудовые усилия народа были обозначены памятными словами: «Коммунизм — золотая мечта человечества».

На выставке «Румынская скульптура XX века» в залах Государственной Третьяковской галереи

Фото **А. КАРЗАНОВА**

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО

ДЖОН ЧИВЕР, один из крупнейших американских прозаиков, хорошо знаком советскому читателю. На русский язык переведены многие его рассказы, а также романы «Семейная хроника Уопшотов» (1968 г.) и «Буллет-Парк» (1970 г.).

Только что в США издан его новый роман «Фолконер» («Сокольничий»).

У Чивера — репутация бытописателя нравов американского среднего класса, жителей пригородов, где как будто царят тишь, гладь и божья благодать. Наблюдательный писатель сумел поймать гологолучила, показывает духовную пустоту американского обывателя, его одиночество, бесцельность его существования. Здешние критики назвали Чивера «Чеховым из Оссининга» — по названию местечка под Нью-Йорком, где живет писатель. Среди соседних поселений Оссининг выделяется тюрьмой Синг Синг, знаменитой» наличием электрического стула и отделения для смертников.

Прежние мотивы безрадостности и безысходности существования звучат в новой книге еще напряженнее. А местом действия становится тюрьма. Называется она «Фолконер». Ее именем назван и роман. Эту мрачную книгу читать нелегко. Тюремные нравы ужасны, и автор описывает их в беспощадных подробностях.

Журнал «Ньюсуик» опубликовал недавно письмо одного читателя. «Сомнительно, — утверждает он, — чтобы можно было назвать выдающимся произведением роман, где главный персонаж — наркоман и убийца. Рассматривание сточной канавы не может являться ни развлечением, ни просвещением».

Книга, конечно, написана не ради развлечения своего читателя. Она заставляет думать. Тюрьма у Чивера — развернутая метафора, символ замкнутого пространства, и порою метафора разрастается, охватывая всю жизнь людей в буржуазном обществе. Автор играет парадоксами, и оказывается, что жизнь за решеткой при всей своей неприглядности может быть свободнее жизни на воле.

Прикидом монолог одного из персонажей — «Цыплонка» (все герои книги, кроме главного, имеют не имена, а клички и номера):

«Ну, кому взбредет в голову поднимать бунт ради того, чтобы выбраться из столь приятного местечка? Газеты нынче сообщают, что повсюду — безработица... На улице все нищие, все сидят без работы и все время идет дождь. Люди грабят друг друга ради корки хлеба. Надо неделю простоять в очереди, чтобы услышать, что работы нет. Мы-то здесь три раза в день выстаиваем в очереди, чтобы получить нашу чудесную горячую пищу по рассчитанному минимуму питательности, а на улице они стоят в очередях по восемь часов, целыми сутками, порою всю жизнь. Кто захочет покинуть столь приятное местечко и выстаивать очереди под дождем?..»

В словах «Цыплонка» горькая издевка: мир перевернут с ног на голову, но лишь затем, чтобы обнажить чудовищную правду.

Главный герой — Эзекиль Фаррагат — к началу повествования уже полуздушен затхлой атмосферой американских пригородов. Жена его ненавидит. Он же любит жену, но ненавидит брата, который пытался его в детстве утопить... Сам Фаррагат — наркоман. В конце концов он убивает брата и попадает в тюрьму.

В конце книги герою удается бежать — в стиле графа Монте-Кристо, сунув труп умершего товарища в свою постель и забравшись вместо него в мешок, служащий саваном. И проблем. Не бежать ему, в сущности, некуда: жена получила развод, и у Фаррагата больше нет ни семьи, ни дома. Хотя на последней странице Фаррагат вполне принимает голову и выпрямляет спину», ободренный участием случайно встреченного незнакомца, он все же совсем не похож на человека, готового начать все сначала...

Журнал «Нью-Йорк ревью оф букс» отмечает, что «в романе есть сырье для социального протеста». Книга, действительно, заставляет читателя задуматься о том, что мир, описанный Чивером, мир буржуазных «ценностей», не дает человеку ни прав, ни перспектив, ни надежды.

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
соб. корр АПН — для «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРК

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЮ

ПАНТЕОН ИСКУССТВ ИЛИ АНТИМУЗЕЙ?

Программа работы центра, по оценкам французской прессы, весьма эклектична и неясна. Его руководители ставят перед собой цель «превратить миллионы потребителей в миллионы творцов», говорят, что хотят «придать культуре «гуманистическое и демократическое измерение».

Однако, как подчеркивают многие критики, в условиях капиталистического общества эта задача невыполнима. «В двух шагах от Бобура, — отмечал еженедельник «Нувель литерер», — культура прозябает...» Не культурные нужды во Франции расходуется в год всего полпроцента национального бюджета. 85 процентов французских актеров, например, не имеют постоянной работы. «Центр Бобура», утверждают его противники, является чисто престижным сооружением, символом «общества потребления», своего рода, как пишет обозреватель «Экспресса» П. Шнейдер, «культурным аналогом супермаркета». Высказываются опасения, что он будет служить рекламным целям и первую скрипку в нем будут играть дельцы от искусства, что власти окажут сильное политическое давление на его работу, что он станет лишь приманкой для туристов.

Своеобразным манифестом «Центра Бобура» явилась ретроспективная выставка покойного художника Марселя Дюшана — одного из создателей дедеизма и столпов модернизма XX века. В связи с этим еженедельник «Нувель обсерватор» отмечал, что центр «хочет быть перекрестком всех эстетических устремлений XX века». Разумеется, прежде всего — устремлений буржуазного искусства. Выбор Марселя Дюшана удивил в Париже многих. Этот художник, который еще на заре века скандально прославился тем, что выставил в галерее писсуар, всю жизнь был пророком смерти искусства. О каком новом искусстве может идти речь, если даже критик из газеты «Монд» Андре Фермижье называет творчество Дюшана «раздутым и истрепанным мифом»?

Большинство художников, которым сегодня во Франции живется очень нелегко, с тревогой задаются вопросом, не станет ли центр в угоду снобам пропагандировать лишь искусство модных представителей авангардизма. Их мысли в резком афоризме выразил писатель Рено Баржавель, который назвал «Центр Бобура» «антимузеем для напублики».

Национальный центр искусств и культуры имени Жоржа Помпиду открыт и функционирует. Но, как верно подметил Андре Фермижье, «величайшая проблема, с которой он столкнется, — это проблема кризиса, упадка всей культуры Запада».

Л. ПАВЛОВ

КРАСКИ РУМЫНСКОЙ ПОЭЗИИ

Вирджил ТЕОДОРЕСКУ

Признания

Ненавижу все, что препятствует грозному шествию
человека к свободе.
Ненавижу слова, предающие бунт.
Ненавижу закрепощение страсти.
Ненавижу позитивизм мира.
Ненавижу высокомерных женщин,
нетронутых, как стакан,
из которого никому никогда не напиться.
Ненавижу благоразумие в решающей битве.
Но принимаю
отступление во имя победы,
отступление соков в победоносных корнях.
Ненавижу век нищеты и страданий
и безграничного горя.
Но принимаю
изверженные вулканов на островах в океане,
когда черными стаями вдруг поднимаются птицы,
предвещая над морем
грандиозный спектакль в глубине,
где холодные воды пронизаны водами теплых течений
и, как эхо, доносится гул фосфорических голосов.
Ненавижу поэзию до тех самых пор,
покуда она элитарна.
покуда поэт не расплавится в лаве вулкана
так, что только две грузных руки его найдены будут —
два ключа от работорговых домов,
отыскиваемые повсюду
человечеством со времен сотворения мира.
Ненавижу однообразие чисел.
Ненавижу
все одно и то же вращенье земной центрифуги.
Ненавижу
невыразимо
эти стихи о любви.

Рисунок румынского художника **Антона ДРАГОША**

Михай БЕНЮК

Время

Не только солнце, и луна, и ветер,
И скалы, и пески на целом свете,
Еще — надежда есть, и смысл в надежде,
Которого нам не хватало прежде.
Надежда чьяче — времени примета,
Как бы ее ни затопляла Лета,
Как ни молол бы старый мельник — Кронос.

Надежда. Из зерна растущий колос.

Вероника ПОРУМБАКУ

Многоголосие

Есть мощные органы, звучащие в пространстве
Консерваторских залов, соборов и дворцов,
Поющие о славе, о доблести, о чванстве
Эпох и международствий, героев и лжецов.

А есть органы речек, озер и междуречий
С их звукорядом трубок певучих тростников,
Они полны печали какой-то человечьей
И робкого шуршанья первоначальных слов.

И есть орган свинцовый, в котором слышен будет
Глухой, последний выдох глагола моего.
Я вас любила, реки, я вас любила, люди,
Я родину любила — ее сильней всего.

И голос мой угасший вернется к вам обратно,
Когда в многоголосье эпох, веков, годов,
Певучей камышинкой усиленный стократно,
Он прошуршит свой шепот первоначальных слов.

Перевел **Л. БЕРИНСКИЙ**

СДЕЛАНО В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Десять человек, десять лауреатов премии «Золотой теленок», собрались на первый семинар юмористов и сатириков, который открылся 2 апреля в Переделкине.

Почему именно десять?

Потому что одиннадцать человек — это уже футбольная команда.

Почему именно 2 апреля?

Потому что 1 апреля никто не приехал бы.

Почему именно в Переделкине?

Потому что там трудятся серьезные писатели, и всем должно быть ясно, что смех тоже дело нешуточное.

И, наконец, почему именно на семинар?

Потому что за десять лет существования «Клуба ДС» назрела острая необходимость поговорить о проблемах жанра, о том, что сделано и что еще пока делается; о том, что смешно и что еще не очень...

Обо всем этом и говорили участники семинара: А. Арканов, Л. Измайлов, А. Курляндский, А. Кучаев, В. Песков, М. Розовский, В. Славкин, А. Хайт, запершись в хорошо проветренной комнате, во время прекрасных весенних дней, которые стояли совсем рядом.

Состоялось много споров и разговоров, дискуссий и творческих встреч. Но, пожалуй, самой интересной была встреча с участником семинара Г. Гориным, который за все время заехал в Переделкино на два часа, и как раз в тот день, когда в буфете Дома творчества давали ларниковые огурцы. Все участники семинара пожелали ему вслед дальнейших творческих успехов.

Не в пример ему тоже бывший врач — писатель Василий Аксенов, создававший в эти дни прозу, отложив все свои дела и впился в число участников, когда их количество катастрофически упало до девяти. И сделал он это целиком за свой счет. Большее ему за это спасибо!

В остальном семинар прошел в теплой, дружеской атмосфере.

Сегодня администрация «Клуба ДС» предлагает вниманию вдумчивого читателя кое-что из сделанного в Переделкине.

Первая сборная «Клуба ДС» на маневрах Рис. И. МАКАРОВА

от такого слышу

ДУЭЛЬ

Экономист Глухов в присутствии троих свидетелей назвал плановика Мухина дураком. Это рядовое, будничное событие вызвало весьма необычные последствия. Плановик Мухин в присутствии тех же свидетелей вызвал Глухова на дуэль и гордой походкой удалился к себе в отдел.

Весть о поединке в несколько минут облетела весь институт. В коридорах, курилке, на лестничных клетках все разговоры были только о дуэли.

— Ведь это ж надо! Взял и вызвал. Я его просто уважать стала.

— Оставьте!.. Тоже мне, Дантес нашелся. Перебесится и забудет...

— Не скажите, он упрямый. Пока своего не добьется...

— Добьется он! Строгана с занесением...

Разговоры не умолкали до обеда. А в обед к Мухину заглянул сам председатель месткома Петренко.

— Слушай, — осторожно начал он, — тут по институту глупости разные болтают. Будто ты Глухова на дуэль вызвал.

— Это не глупости, — спокойно ответил плановик. — Это правда.

— Ладно тебе, — заулыбался Петренко. — Взрослый человек, с инженерным дипломом...

— Вот именно, с дипломом. И оскорблять себя никому не позволю.

— Хорошо, хорошо!.. Если ты настаиваешь, давай мы его на местком вызовем, проработаем.

— Местком здесь ни при чем. Он же не его дураком назвал, а меня. А у меня свои понятия о чести.

— Какая может быть честь в нашем учреждении?! И какая дуэль?.. На арифмометрах, что ли?

— Условия дуэли я изложу письменно, — ответил плановик и отвернулся к окну, показывая, что разговор окончен.

К концу дня условия дуэли были решены и подписаны обоими участниками. Выглядели они так: в 9 часов вечера на квартире Мухина дуэлянты садятся за стол. Каждые 5 минут секунданты будут наливать, а противники выпивать по стакану чистой воды. Первый, отказавшийся продолжать дуэль, считается проигравшим и обязан подать заявление об уходе с работы. Условия окончательные, примирение невозможно.

Ровно в 9 часов на квартире Мухина противники сели за кухонный стол. Один из секундантов взял стакан и отвернул водопроводный кран. В трубе что-то зашипело, засвистело, забулькало, и вместо струи воды кран испустил тяжелый протяжный вздох.

— Нет воды, — констатировали секунданты.

— Позвольте, позвольте, — забеспокоился хозяин, — это недоразумение. Я сейчас все выясню.

Он кинулся к телефону.

— Дежурный слесарь у телефона, — сказали с того конца провода.

— Здравствуйте... Это с вами из 26-й квартиры говорят. У меня вода не идет.

— Ну и что? Во всем доме воды нет.

— Почему? — наивно спросил Мухин.

— А я откуда знаю? В диспетчерскую звони.

— Но вы же слесарь!..

— Вот именно, что слесарь, а не справочное бюро!.. Почему, почему... По кочану!

— Вы мне не грубите, — строго сказал плановик. — Я требую, чтобы вы устранили повреждение.

— Слушай, — не выдержал слесарь, — ты что, дурак? Что ты ко мне привязался?

— Как вы меня назвали?! — заорал Мухин. — Я вас вызываю.

— Ну и вызывай. А я все равно не приду.

В трубке раздались короткие гудки. Мухин глубоко вздохнул, чтобы прийти в себя, и набрал диспетчерскую.

— Девушка, это из 4-го дома говорят. У нас воды нет.

— Мы знаем.

— Знаете?.. А почему жильцов не предупредили?

— Гражданин, что вы нервничаете? Прорвало трубу, к утру, возможно, починят.

— А если я не могу ждать до утра? Может, мне надо срочно ванну принять!

— Ванну? — удивилась девушка. — Во вторник? Знаете, гражданин, мне ваши глупости слушать некогда, я на работе.

Мухин устало опустил трубку на рычаг.

— Ну что, — мрачно спросил Глухов, — отменяется?

— Нет, нет, — вскочил на ноги хозяин. — Подождите, я сейчас.

Он схватил два эмалированных ведра, кинулся в соседний дом и позвонил в первую попавшуюся дверь. Послышалось шарканье тапочек, дверь приоткрылась на цепочку. К оттуда выглянул заспанный мужчина в пижаме.

— Простите, пожалуйста, — задушевно сказал Мухин, — вы мне водички не дадите?

— Да что ж это такое! — возмутился мужчина. — Ходят и ходят. Покоя людям не дают!

— Вы извините, если б не нужда...

— Чего?! Ты еще и по нужде пришел?

— Нет, нет, вы не так поняли. Мне только вода нужна. Всего два ведра.

— Тебе — два, другому — бочку, третьему — цистерну!.. Что ж мне теперь, всю ночь не спать?

— Послушайте, — не выдержал Мухин, — как вам не стыдно? Человек вы или нет?

— Я-то человек. А вот ты, гляжу, малость на голову стукнутый.

— Что? — обиделся Мухин. — Да я сейчас...

Дверь захлопнулась перед его носом.

— Откройте! — забарабанил Мухин. — Я вас вызываю!

— А я вот милицию вызываю, — сказал голос из-за двери.

Позвякивая ведрами, Мухин вышел на улицу.

— Что же происходит? — думал плановик. — Не могу я всех подряд на дуэль вызывать. Так у меня водянка начнется.

За углом что-то затарахтело, и на середину улицы выехала поливочная машина.

— Стойте! — заорал Мухин и кинулся наперерез. — Остановитесь!

— Ты что, очумел?! — накинулся на него водитель. — Куда прешь, как на бурсу?

Но Мухин уже не обращал внимания на слова.

— Пожалуйста, налейте мне два ведра.

— Ишь ты!.. Здесь что, по-твоему, водопровод?

— Ну неужели вам жалко обыкновенной воды? Может, мне плохо...

— Плохо ему, — процедил шофер. — Ходит тут в галстучке, дурью мается. А я до ночи вкалываю. Ну-ка, отойди!..

И, вареев мотором, машина двинулась по асфальту, разбрызгивая драгоценную воду.

Плановик медленно поднялся к себе наверх.

— Глухов, — тихо сказал Мухин, — я все понял: непрая я был. Ты уж прости меня, дурака...

В водопроводном кране что-то заурчало, захлопало — и оттуда с шумом ударила тугая струя воды. Но это уже никого не интересовало.

А. ХАЙТ

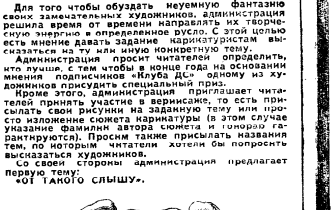
Для того чтобы обуздать неуемную фантазию своих замечательных художников, администрация решила время от времени направлять их творческую энергию в определенное русло. С этой целью есть мнение давать задание карикатуристам высказаться на ту или иную конкретную тему.

Администрация просит читателей определить, кто лучше, с тем чтобы в конце года на основании мнения подписчиков «Клуба ДС» одному из художников присудить специальный приз.

Кроме этого, администрация приглашает читателей принять участие в вернисаже, то есть прислать свой рисунок на заданную тему или просто изложение сюжета карикатуры (в этом случае указание фамилий автора сюжета и говоруна гарантируются). Просим также присылать названия тем, по которым читатели хотели бы поспорить высказаться художникам.

Со своей стороны администрация предлагает первую тему:

«От такого слышу».



С. ТЮНИН

вернисаж

В. ИВАНОВ

не своим голосом

В. СМЕХОВ, артист

СЛУЖЕНЬЕ МУЗ НЕ ТЕРПИТ ИНТЕРВЬЮ

Тем не менее на вопрос «где» и «когда» артист Театра на Таганке Вениамин Смехов подробно ответил:

— Родился до войны, в 1940-м, в Москве, на 2-й Мещанской. Учился в 254-й школе на 3-й Мещанской, где учился Евг. Евтушенко, который жил на 4-й Мещанской, о котором написал в одноименной прозе.

Вырос Веня Смехов в интеллигентной семье. Папа — экономист, доктор наук, мама — тоже доктор, но уже терапевт. «Так что, — замечает В. Смехов, — с детства возник нездоровый интерес к чужим профессиям.

Видимо, потому, что почти с пеленок читал интерес к «Литературке».

Учился на артиста в Театральном училище имени Щукина, где курсом руководил ныне народный артист РСФСР, профессор В. А. Этуш, который с тех пор зарекся руководить курсами.

На сцене В. Смехов играет драматические роли, вроде короля Клавдия, поэта Маяковского, Воланда в «Мастере и Маргарите».

Как известно, поэт земной шар чуть не весь обошел. Артист тоже много путешествует. Но его золотая мечта, можно сказать, даже хобби — это посетить пустыню Гоби.

Если приглядеться к В. Смехову, то можно заметить, что он брюнет, росту хорошего, графоманит на ф-но, обожает картофельные оладьи, холодец, обожает своих дочек и вообще поэзию.

В заключение остается добавить, что нет ничего странного в том, что администрация решила сказать несколько слов об артисте, заговорившем сегодня «не своим голосом». Кроме всего прочего, он заслуживает этого хотя бы за свою фамилию — Смехов.

К сему

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ, главный хормейстер «Клуба ДС»

ДЕЛЕНИЕ

У него были голубые глаза, в которых отражался весь мир и кувыркались солнечные зайчики. Она была его ровесницей, а когда надевала толстые альпинистские ботинки, то становилась почти того же роста, что и он. На вершине горы Белуха они полюбили друг друга. Когда с востока прорвался первый луч, гонец восходящего солнца, они встали лицом к восходу и торжественно вручили друг другу свадебные подарки.

— Тебе — утреннее солнце! — подарил он.

— Тебе — голубое небо! — подарила она.

— Тебе — северное сияние!

— Тебе — Ниагарский водопад!

— Дрезденская галерея, Лувр и Третьяковка!

— Абрау-Дюрсо, Александра и городок Шампань!

— Собор Парижской богоматери!

— Пирамида Хеопса!

...Когда с приданым было улажено, жених с невестой спустились на землю, слегка пошатываясь от даров и впечатлений.

Через год они окончили институты и распределились пусть не совсем удачно, но зато в Москве.

Потом он защитил диссертацию, а она записалась в очередь за редчайшей мебелью.

С детьми они всегда откладывали. Пусть это было не очень весело, но зато свободно.

Потом у него появился радикулит, а у нее — домашняя массажистка.

За несколько дней до развода они стояли друг против друга в его рабочем кабинете и говорили.

— Мне — шифоньер! — говорила она.

— Мне — мой письменный стол! — говорил он.

— Мне — тахта и мамино кресло!

— Мне — диван и раскладушка!

— Польская кухня!

— Портрет Хемингуэя!

— Белый шкаф!

— Шкаф свадебный!

— Ладно, мне — полшкафа и холодильник!

— Чемодан и табуретка!

— Мыльница!

— Нет, мне мыльница!

— Я сказал, мыльница!

— Тогда — зубная паста!

...Когда рабочие, вывозившие вещи, хлопнули дверью, на кухне что-то жалобно лязгнуло. Это ступнулись друг о друга жестяные замки двух рюкзаков, забытых на антресолях.

барахолка «клуба дс»

На днях администрацию «Клуба ДС» информировали о том, что в Одессе прекратила свое существование одна из самых нашумевших «достопримечательностей» города — «барахолка», или, как с любовью называли ее одесситы, толчок.

Администрация, привыкшая реагировать на отдельные несправедливости, решила создать «Барахолку» на 16-й странице «ЛГ». К ней должно тянуться все прекрасное, а еще больше — все красивое: например, некоторые роскошные гобелены с изображением симпатичных шикарные бронзовые, слоновьи статуэтки, самые красивые, самые нашумевшие диваны-портреты, сногсшибательные современные песенки, создававшие иными нашими современниками, изделия ширпотреба, захватывающие дух реклама и начечатан типографским способом. Оба «произведения» принадлежат неизвестным мастерам.

Обладатели новоодеждо-денежного поздравления на оборотной стороне открытки поджидают такие стихи:

Если хочет кто
Свои деньги надежно
сохранить,
Очень просто — сделать можно —
Их в сберкассу положить...
Тайну вкладов,
их сохранность
Гарантирует закон —
Вклад лежать годами
может,
Лишь бы только
был внесен.

Умеют все-таки отдельные люди искусства, когда они в ударе, потрясти нас за душу молниеносной рукой таланта!

А как насчет вашего экспоната, дорогой читатель?..

посиделки

Во время напряженной работы семинара в Переделкине произошла интимно-творческая встреча поэтессы Новеллы Матвеевой с участниками семинара. Новелла перед своей песни, полные глубокого смысла и иронии, а сатирики с удовольствием слушали.

Администрация тут же пожелала переписать слова этих песен, но что получила отказ поэтессы. Чтобы заглушить обиду, администрацию, Новелле Матвеева предложила свои иронические стихи.

Новелла МАТВЕЕВА

Чувство меры

...Да, стишки довольно серы.
Но, по-моему, не надо
Принимать за «чувство меры»
Серость авторского взгляда.

Подчиняясь чувству меры
И живя, как будто в путах,
Трижды правы гулливеры
В окруженье лилипутов:

Если сам себя поддаться
Чувству меры не заставишь,
То — куда бы ни податься —
Все кого-нибудь раздавишь!

Но... святое чувство меры
И пигмей лелеет сглупу.
А такое «чувство меры»
Видно только через пупу!

Но в малютке и такое
«Чувство меры» ярость множит
Все и вся одной могою
Задавить бы! — да не может...

в эту среду

В ЭТУ СРЕДУ МНОГО ЛЕТ НАЗАД на голову Ньютона упало яблоко. Так был открыт закон всемирного тяготения к свежим фруктам.

В ЭТУ СРЕДУ МНОГО ЛЕТ НАЗАД Каин убил Авеля. Следствие ведут знатоки.

В ЭТУ СРЕДУ МНОГО ЛЕТ НАЗАД изобретатель телефона Александер Грейам Белл скончался, узнав о первой установке спаренного телефона.

В ЭТУ СРЕДУ МНОГО ЛЕТ НАЗАД у Лжедмитрия II родилась дочь Елена Лжедмитриевна.

Сенсации

Тот год в Сазоновке выдался особенный. Сразу после лета в село пришла весна и уже не уходила до самого окончания зимы, когда на Покров от крещенских морозов вдалеке жалостливо и протяжно загукал лес и коряво завздыпопилась влажная от прогорклой росы степная кружная рдянь и клюква.

Федор шел по первопутку, наступая кирзовым сапогом на бежавшего впереди суслика. Вдруг он услышал, как там, вдали, за рекой, у самого горизонта, хрустнула ветка пыржака.

«Волки!» — догадливо шершнуло в мозгу Федоре, и он впился глазницами в черно-багряную гать, зыбь, падь, смрадь, гарь, шиш, сырь, хмарь, хмурь и жуть этой душной ночи.

(Продолжение следует)

После некоторого перерыва администрация возобновляет публикацию романа популярного писателя-людоведа и душелюба Евгения Сазонова «Бурный поток». Прошло всего десять лет, и писатель принес нам 3-ю и 4-ю главы своего знаменитого романа века. Таким образом, если дело пойдет дальше так же хорошо, к 2000 году мы, вероятно, будем иметь столько же.

Многое изменилось в жизни за прошедшее десятилетие. Увидев эти перемены, изменился в своем лице и сам писатель.

Но по-прежнему он скрывает его от нас, то подставляя спину телевизионным камерам, то вдруг исчезая на неопределенное и продолжительное время, ставя под удар администрацию «Клуба ДС» и почти всю литературу.

Читатель, вероятно, помнит содержание первых двух глав романа века «Бурный поток»: к молодой учительнице по имени Анна возвращается муж по имени Федор. Возвращается лишь затем, чтобы уйти. Анна остается одна со своими сорока детьми в школе...

Действие третьей главы переносится в деревню Сазоновку (на вторую родину писателя), где Федор пытается наладить трактор, а вместе с ним новую жизнь.

Как видим, Евгений Сазонов копает глубоко, под самые корни, пишет солидно, спокойно, не торопясь. Вот почему и мы будем, как и прежде, публиковать его вечно, до тех пор, пока он пишет. Нет сомнения, каждая строка Евгения Сазонова — это своеобразный вклад в сберкассу литературы.

Итак, начинаем печатанье 3-й, только что написанной главы из романа «Бурный поток». Ждем не дождемся читательских откликов на каждое слово писателя. Мечтаем об отзывах критиков. Новая проза Евгения Сазонова не останется незамеченной.

— Я верю, — сказал нам Евгений Сазонов, — что мое новое произведение необходимо народу, тому читателю, в том числе и зарубежному.

Итак...

Страницу сформ. В. РОЗАНЦЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А — 08332

Типография «Литературной газеты» Москва К-51, Цветной бульвар, 30

Зак. 383

ИНДЕКС 50067

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.